ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

СЕРЕНКО Роман Сергеевич

ДИСКРЕЦИОННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Научная специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Урда Маргарита Николаевна

Курск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДИСКРЕЦИОННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 17
§ 1.1 Понятие и юридическая природа дискреционного освобождения от уголовной ответственности 17
§ 1.2 Система дискреционного освобождения от уголовной ответственности 30
ГЛАВА 2. УСЛОВИЯ И ОСНОВАНИЕ ДИСКРЕЦИОННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 56
§ 2.1. Понятие, виды и значение условий дискреционного освобождения от уголовной ответственности 56
§ 2.2. Основание дискреционного освобождения от уголовной ответственности 84
§ 2.3. Порядок установления условий и основания дискреционного освобождения от уголовной ответственности 104
ГЛАВА 3. ПРИМЕНЕНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДИСКРЕЦИОННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 126
§ 3.1. Конкуренция общих видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности 126
§ 3.2. Соотношение общих и специальных видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности 149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 168
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 175
ПРИЛОЖЕНИЯ 208
Приложение 1. 208
Приложение 2. 212
Приложение 3. 217

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследвания. Современное развитие уголовного права Российской Федерации характеризуется устойчивым смещением акцента от исключительно карательной модели реагирования на преступление к более сложной, дифференцированной системе уголовно-правовых средств, в которой наряду с наказанием все более значимую роль приобретают поощрительные, восстановительные и компромиссные механизмы разрешения уголовно-правового конфликта. В этой системе особое место занимает институт освобождения от уголовной ответственности, позволяющий государству при наличии предусмотренных законом предпосылок отказаться от дальнейшей реализации уголовной репрессии без отрицания преступного характера совершенного деяния. При этом наиболее сложной в теоретическом и практическом отношении частью данного института является дискреционное освобождение от уголовной ответственности, поскольку его применение предполагает не только установление предусмотренных законом обстоятельств, но и оценку правоприменителем того, свидетельствует ли поведение лица после совершения преступления, а также иные юридически значимые обстоятельства о целесообразности освобождения.

Значимость настоящго исследования подтверждается данными судебной статистики. По сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за первое полугодие 2025 года на основные виды дискреционного освобождения от уголовной ответственности приходится около 86% всех случаев освобождения по нереабилитирующим основаниям: в связи с деятельным раскаянием – 2 642 случая, в связи с примирением с потерпевшим – 36 438, с применением принудительных мер воспитательного воздействия – 483, с назначением судебного штрафа – 5 167. На иные виды освобождения – лишь около 14% (7 391 случай)[1].

[1] Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за первое полугодие 2025 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/ (дата обращения 10.08.2026).

Указанное соотношение не носит случайного характера. Оно подтверждается при сравнении аналогичных статистических показателей за период 2020-2024 г., что свидетельствует о доминирующем использовании дискреционных механизмов в современной практике освобождения от уголовной ответственности[1].

Кроме того, прослеживается явная тенденция к увеличению числа примечаний к статьм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), закрепляющих специальные виды освобождения от уголовной ответственности. На момент вступления УК РФ в силу таких статей было всего 13, на сегодняшний день существует 61 статья с подобными примечаниями. Таким образом, количество соответствующих примечаний увеличилось более чем в 4,6 раза, в то время как общее число статей Особенной части УК РФ за тот же период возросло на 58,2%.

Приведенные данные показывают, что расширение числа специальных видов освобождения от уголовной ответственности опережает общий рост количества статей Особенной части УК РФ. Это свидетельствует о постоянном росте значения поощрительных механизмов и о постепенном закреплении в уголовной политике более гибкой модели реагирования на преступление.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется совокупностью вопросов, связанных с дискреционным освобождением от уголовной ответственности. В уголовно-правовой доктрине отсутствует единый подход к его понятию, юридической природе и пределам применения. Расширение числа специальных видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности не сопровождается формированием внутренне согласованной системы их соотношения с общими видами. Дополнительную сложность придает появление в законодательстве неоднородных видов освобождения, а также сохранение дискуссионного характера вопроса об основании и условиях дискреционного освобождения.

[1] Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за периоды с 2020 по 2024 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/ (дата обращения 10.08.2026).

Вышеизложенное в совокупности обусловливает необходимость разработки научной концепции дискреционного освобождения от уголовной ответственности.

Степень научной разработанности темы исследования характеризуется наличием достаточно большого количества работ, посвященных институту освобождения от уголовной ответственности, его понятию, юридической природе, системе и условиям применения. Наиболее заметный вклад в разработку этих вопросов внесли Х.Д. Аликперов, В.К. Андрианов, А.С. Барабаш, Л.С. Белогриц-Котляровский, Е.В. Благов, В.Н. Борков, В.Н. Бурлаков, Н.В. Генрих, Л.В. Головко, Т.В. Гриценко, И.Э.У. Джамалдаев, В.К. Дуюнов, И.В. Ищенко, Т.А. Калинина, Ю.С. Караева, А.Г. Кибальник, А.Ф. Кистяковский, О.В. Климанова, А.А. Князьков, И.Я. Козаченко, С.С. Кравцов, В.Н. Кудрявцев, Н.В. Кузнецова, Т.А. Лесниевски-Костарева, В.В. Лунеев, В.В. Несвит, В.А. Новичков, Е.Р. Обломова, И.В. Овсянников, Т.Г. Понятовская, А.П. Попов, Л.М. Прозументов, В.В. Сверчков, Е.В. Сердюкова, А.А. Сизов, А.Г. Соловьев, В.Д. Спасович, Н.Д. Сухарева, Е.Т. Тарасова, Д.Р. Файзуллина, П.Д. Фризен, В.В. Ценёва, А.А. Чугунов, П.С. Яни и другие авторы.

Исследование именно дискреционного освобождения от уголовной ответственности пока не получило широкого распространения в научной литературе. Исключение составляет работа Г.Н. Кучерова «Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям» (Москва, 2024), однако она посвящена процессуальным аспектам рассматриваемого явления.

Самостоятельный блок образуют труды, в которых различные аспекты дискреционного освобождения от уголовной ответственности исследуются на уровне его отдельных общих и специальных видов. Это работы К.В. Авсеницкой, А.Г. Антонова, О.А. Владимировой, К.Н. Карпова, А.В. Кузнецова, Н.С. Луценко, Д.О. Михайлова, И.А. Подройкиной, А.Г. Полуэктова, А.Г. Соловьева, С.С. Солониной, М.А. Стадник, С.Е. Суверова, Е.А. Хлебниciной и другие.

Отдельную группу составляют исследования, в которых вопросы дискреционного освобождения от уголовной ответственности затрагиваются

опосредованно в контексте более широкой уголовно-правовой проблематики, касающейся общественной опасности деяния и (или) лица его совершившего, администартивной преюдиции, повторного совершения преступлений и др. Сформулированные в них положения имеют важное значение для развития научных представлений о дискреционных началах освобождения от уголовной ответственности и разрешения вопросов о применении его видов. К их числу относятся труды С.П. Андреева, Н.Н. Апостоловой, А.М. Балафендиева, А.Г. Блинова, Н.В. Буланова, В.В. Власенко, О.В. Волынской, А.А. Князькова, Е.В. Кобзевой, Н.А. Лопашенко, Г.Б. Магомедова, А.В. Мурашовой, В.В. Олейник, М.Н. Урда, А.К. Хачатрян и других авторов.

Дополняют это направление работы, посвященные общетеоретическим вопросам уголовно-правового поощрения, восстановительного правосудия и гуманизации уголовного права и закона. Соответствующая проблематика получила отражение в работах Е.С. Дубровиной, С.И. Курилова, Г.С. Русман, Е.Н. Сениной, И.А. Тарханова, Р.Р. Халилова и других авторов.

Указанные труды сформировали значительную теоретическую основу института освобождения от уголовной ответственности, правоприменительного усмотрения и поощрительных норм уголовного права, однако дискреционное освобождение от уголовной ответственности как самостоятельный объект научного поиска не получило самостоятельного комплексного осмысления.

Целью настоящего диссертационного исследования является разработка научной концепции дискреционного освобождения от уголовной ответственности.

Для достижения указанной цели поставлены следующие взаимосвязанные **задачи:**

– раскрыть понятие и юридическую природу дискреционного освобождения от уголовной ответственности;

– обосновать систему дискреционного освобождения от уголовной ответственности и охарактеризовать современные механизмы его реализации;

– сформулировать понятие условий дискреционного освобождения от уголовной ответственности, показать их значение и предложить классификацию;

– выявить сущность основания дискреционного освобождения от уголовной ответственности и определить его соотношение с условиями;

– определить порядок установления основания и условий дискреционного освобождения от уголовной ответственности;

– разрешить вопросы конкуренции общих видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности;

– показать соотношение общих и специальных видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности;

– разработать предложения по совершенствованию практики применения дискреционных видов освобождения от ответственности.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере нормативной регламентации и практической реализации дискреционного освобождения от уголовной ответственности.

Предмет диссертационного исследования составляют нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регулирующие дискреционное освобождение от уголовной ответственности, правовые позиции высших судебных инстанций и практика судов общей юрисдикции, а также научные представления о понятии, юридической природе, условиях, основании и системе освобождения от уголовной ответственности.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-юридические методы познания, применение которых позволило комплексно исследовать дискреционное освобождение от уголовной ответственности.

Диалектический метод использован при рассмотрении дискреционного освобождения от уголовной ответственности в развитии, взаимосвязи с иными уголовно-правовыми институтами и единстве составляющих его элементов. Методы анализа и синтеза применялись при исследовании юридической природы дискреционного освобождения от уголовной ответственности, его основания и условий применения. С их помощью были сформулированы выводы о разграничении основания и условий такого освобождения, а также о делении

условий на формальные, оценочные и смешанные. С помощью индукции и дедукции обобщены доктринальные подходы, судебная практика и законодательные положения, что позволило аргументировать выводы о содержании дискреционного освобождения от уголовной ответственности. Системный метод применялся при определении места субинститута дискреционного освобождения от уголовной ответственности в системе уголовного права..

Формально-юридический метод использовался при исследовании положений главы 11 УК РФ и специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ, предусматривающих виды дискреционного освобождения от уголовной ответственности. Сравнительно-правовой – при сопоставлении дискреционных, императивных и пограничных механизмов освобождения, а также при решении вопросов конкуренции общих видов, предусмотренных ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ. Историко-правовой метод позволил проследить развитие дискреционных начал освобождения от уголовной ответственности. Статистический метод использовался при исследовании официальных данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, что позволило подтвердить практическую значимость видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности. Метод анкетирования был применен при проведении опроса 210 респондентов. Полученные результаты позволили выявить отношение правоприменителей и научно-педагогических сотрудников к действующему правовому регулированию и практике применения дискреционного освобождения от уголовной ответственности.

Эмпирическую базу исследования составили сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020-2025 г. и состоянии судимости в России за 2020-2025 г. В работе использованы статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) за 2019-2025 г., позволившие оценить отдельные показатели, характеризующие практику применения норм о дискреционном освобождении от уголовной ответственности, а также обзоры и обобщения

судебной практики Верховного Суда РФ по соответствующим вопросам за период с 2005 г. по 2025 г.

Важную часть эмпирической основы исследования составили материалы 157 уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции в 2015-2026 г., по вопросам применения общих и специальных видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности.

Дополнительным источником эмпирического материала стали результаты опроса 210 респондентов, в числе которых судьи (72 человека), сотрудники прокуратуры (34 человека), адвокаты (26 человек), сотрудники МВД России (43 человека), а также научно-педагогические работники (35 человек). Полученные ответы использовались для выявления практических проблем реализации уголовно-правовых норм, определения наиболее спорных аспектов правоприменения и оценки эффективности существующих механизмов дискреционного освобождения от уголовной ответственности.

Теоретическую основу диссертационного исследования, кроме трудов вышеуказанных авторов, составили работы Е.А. Алференок, С.В. Анощенковой, А.Ю. Афанасьевой, С.А. Бажанова, С.Ю. Балмочных, А.И. Бельского, Л.Н. Бочарниковой, П.В. Вдовцева, И.С. Дикарева, А.В. Ендольцевой, И.Э. Звечаровского, Е.А. Иванова, С.Г. Келиной, И.В. Килиной, Я.М. Кириллова, А.А. Князькова, П.В. Коробова, Т.Г. Лепиной, А.А. Нечепуренко, М.А. Селиверстова, С.Е. Суверова и других.

Научная новизна исследования. Впервые в науке уголовного права разработана концепция дискреционного освобождения от уголовной ответственности; раскрыты его сущность, юридическая природа, закономерности функционирования и развития; определено место дискреционного освобождения в системе мер уголовно-правового поощрения; выявлено соотношение дискреционных, диспозитивных и императивных видов освобождения; уточнен терминологический аппарат; в научный оборот введено понятие «квази-императивные виды освобождения от уголовной ответственности»; обосновано разграничение условий и основания дискреционного освобождения; выделены

формальные, оценочные и смешанные условия дискреционного освобождения, имеющее ключевое значение для целей применения рассматриваемого субинститута; доказано, что основанием применения соответствующих норм выступает утрата либо существенное снижение общественной опасности лица, совершившего преступление.

Положения, выносимые на защиту:

1. *Дискреционное освобождение от уголовной ответственности* представляет собой нереабилитирующий субинститут уголовного права, объединяющий общие и специальные виды прекращения уголовного преследования, применение которых зависит не только от формального установления предусмотренных законом юридических условий, но и от содержательной оценки правоприменителем посткриминального поведения лица, его личности и иных обстоятельств. Его специфика заключается в том, что заглаживание вреда, примирение с потерпевшим, содействие раскрытию преступления и иные подобные действия лица не влекут безусловного освобождения от ответственности, а являются предпосылками для принятия мотивированного решения уполномоченным органом. В этом проявляется развитие и расширение восстановительных и компромиссных начал в разрешении уголовно-правового конфликта, дополняющих традиционные карательные механизмы уголовного права.

Юридическая природа дискреционного освобождения от уголовной ответственности носит комплексный межотраслевой и междисциплинарный характер. В материально-правовом смысле оно выражает отказ государства от применения уголовной репрессии; в процессуальном – предполагает соблюдение специальной процедуры, а также обоснованность и проверяемость принятого решения; в криминологическом – направлено на предупреждение повторной преступности, восстановление прав потерпевшего и снижение избыточного карательного воздействия.

2. Институт освобождения от уголовной ответственности в отечественном праве развивался по пути сочетания императивных и дискреционных начал при

постепенном ограничении произвольного усмотрения правоприменителя. В современных условиях позиции дискреционного освобождения от уголовной ответственности продолжают расширятся в отечественном уголовном праве. Его систему образуют *общие виды* (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, судебный штраф), *специальные виды* (по делам о преступлениях против военной службы), *специальные квази-императивные виды*, закрепленные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, где при внешне обязательной формуле «лицо освобождается» или «подлежит освобождению» фактическое применение нормы зависит от предварительной оценки правоприменителем таких признаков, как добровольность, своевременность и активность содействия раскрытию преступления и т.п.

3. Особое место в системе дискреционного освобождения от уголовной ответственности занимает *судебный штраф*. По существу, он *представляет собой форму квази-ответственности*, поскольку прекращение уголовного преследования связано с обязанностью лица уплатить денежную сумму в доход государства. Этим обусловлено его двойное законодательное закрепление – как вида освобождения от уголовной ответственности в ст. 76^2 УК РФ и как иной меры уголовно-правового характера в ст. 104^4 и 104^5 УК РФ. Судебный штраф не может быть определен в одном из этих качеств, поскольку его уплата является обязательным условием полного и окончательного отказа от уголовного преследования.

4. *Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы*, предусмотренное ст. 78^1 УК РФ, *является условным императивным видом освобождения*. Закон связывает его наступление с конкретными юридическими фактами: получением государственной награды в период службы либо увольнением по основанию, предусмотренному подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ). Наличие усмотрения при решении вопроса о награждении государственной наградой не меняет уголовно-правовой природы этого вида

освобождения, поскольку такое усмотрение осуществляется вне производства по конкретному уголовному делу и не требует оценки правоприменителем достаточности позитивного посткриминального поведения лица для отказа от уголовного преследования.

5. По степени нормативной определенности *условия дискреционного освобождения* от уголовной ответственности *делятся* на *формальные, оценочные и смешанные*. *Формальные* устанавливаются путем проверки юридически значимых фактов, например, категории совершенного преступления или совершения преступления впервые. *Оценочные* требуют содержательной оценки поведения лица и его значения для достижения целей освобождения. К ним относится способствование раскрытию и расследованию преступления. *Смешанные* сочетают формально устанавливаемый факт и его оценочную характеристику. К ним относятся добровольная сдача предметов преступления, добровольное освобождение похищенного, добровольное сообщение о преступлении, примирение с потерпевшим, заглаживание причиненного вреда. Выделение смешанных условий как отдельной группы позволяет точнее определить пределы усмотрения правоприменителя. Он должен установить не только факт совершения соответствующего действия, но и оценить его добровольность, своевременность, достаточность и значение для применения соответствующей поощрительной нормы.

6. *Основание дискреционного освобождения* от уголовной ответственности следует отличать от условий его применения. Основание отвечает на вопрос о том, почему при наличии определенных обстоятельств государство может отказаться от дальнейшего уголовного преследования. Таким основанием является утрата либо существенное снижение общественной опасности лица, совершившего преступление. Условия, закрепленные в уголовном законе, показывают, какие обстоятельства необходимо установить по конкретному делу. Возмещение вреда, примирение с потерпевшим, содействие расследованию и другие положительные посткриминальные действия сами по себе не являются основанием освобождения,

но могут свидетельствовать о том, что лицо изменило свое отношение к содеянному и не нуждается в применении мер уголовной репрессии.

7. Применение дискреционного освобождения от уголовной ответственности предполагает последовательную проверку формальных, оценочных и смешанных условий. Правоприменитель сначала устанавливает, допускает ли закон освобождение в конкретном случае (квалификация деяния, его категория, совершение преступления впервые, отсутствие иных препятствий). Затем оценивается содержание посткриминального поведения лица: добровольность и своевременность действий, полноту заглаживания вреда, характер содействия расследованию, реальность примирения с потерпевшим и др. На основе их совокупности решается вопрос о наличии основания освобождения – утрате либо существенном снижении общественной опасности лица.

8. *Судебный штраф* в системе общих видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности *носит субсидиарный* (дополнительный, вспомогательный) *характер*. При конкуренции ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ, выбор конкретного вида должен определяться не столько формальным наличием условий, предусмотренных соответствующей нормой, сколько степенью изменения общественной опасности личности. Ее утрата обусловливает возможность полного отказа от дальнейшей реализации уголовной ответственности с применением ст. 75 или 76 УК РФ. Если же положительное посткриминальное поведение свидетельствует о существенном снижении общественной опасности личности, но не позволяет сделать вывод о полной её утрате, освобождение должно осуществляться под условием – с назначением судебного штрафа.

При рассмотрении дел о преступлениях с административной преюдицией, о множественности преступлений и о преступлениях, повлекших по неосторожности тяжкий вред здоровью, наличие формальных условий освобождения не должно автоматически влечь применение ст. 75 или 76 УК РФ. В подобных случаях положительные действия лица после совершения преступления, как правило, свидетельствуют не об утрате, а о снижении его общественной опасности. Поэтому

предпочтительной формой разрешения конфликта является освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

9. Ключевое значение для решения вопроса о соотношении общего и специального видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности при содержательном сходстве соответствующих условий приобретает *признак своевременности позитивного посткриминального поведения*. Своевременным следует считать такое поведение, которое проявлено до возбуждения уголовного дела. Позитивное посткриминальное поведение, имевшее место после возбуждения уголовного дела, не может быть условием для освобождения от уголовной ответственности ни по соответствующему примечанию к статье Особенной части УК РФ, ни по ст. 75 или 76 УК РФ, предусматривающим полное освобождение. Несвоевременность таких действий должна учитываться исключительно в рамках решения вопроса о назначении судебного штрафа, заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, признании обстоятельств, смягчающих наказание, и индивидуализации уголовной ответственности.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии научных представлений об институте освобождения от уголовной ответственности в части его дискреционных видов. Полученные результаты позволяют уточнить структуру и пределы усмотрения правоприменителя, конкретизировать критерии обоснованности освобождения от ответственности. Выводы диссертации вносят вклад в развитие доктринальных подходов к гуманизации уголовного закона, теории поощрительных норм в уголовном праве, а также концепции восстановительного правосудия, предлагая научно обоснованные ориентиры для их дальнейшей разработки.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы и положения могут быть использованы в правотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности, а также в образовательном процессе при преподавании уголовного права, уголовного процесса, криминологии и других юридических дисциплин. Диссертантом разработаны и обоснованы предложения по совершенствованию практики применения различных видов дискреционного

освобождения от уголовной ответственности, которые сформулированы в проекте постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (Приложение 3).

Достоверность результатов исследования обеспечивается использованием общепризнанных методов научного познания, соответствующих цели и задачам диссертации, обращением к научным достижениям в области уголовного права, уголовного процесса и криминологии, а также комплексным исследованием действующего законодательства, правовых позиций Верховного Суда РФ, материалов судебной практики, официальных статистических данных и результатами экспертного опроса. Достоверность полученных выводов обусловлена также сопоставлением теоретических положений с результатами изучения правоприменительной практики, что позволило обеспечить аргументированность, внутреннюю согласованность и практическую проверяемость сформулированных положений и выводов.

Апробация результатов исследвания. Диссертационное исследование обсуждалось на кафедре уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет». Основные теоретические выводы работы отражены в докладах на международных и всероссийских научно-практических конференциях (Орел, 2023; Курск, Воронеж, 2025; Кострома, Москва, Санкт-Петербург, 2026), а также содержатся в 11 опубликованных научных работах, в том числе 5 статьях в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Основные положения и выводы исследования используются в образовательном процессе при преподавании дисциплин «Уголовное право» и «Криминология» в ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».

Структура работы обусловлена поставленными целью и задачами и состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДИСКРЕЦИОННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 1.1 Понятие и юридическая природа дискреционного освобождения от уголовной ответственности

Современное уголовное право располагает развитой системой инструментов, обеспечивающих дифференцированный подход к разрешению уголовно-правового конфликта, от традиционного реагирования посредством назначения и исполнения наказания до восстановительных механимов, примирения, компенсации вреда и иных форм, снижающих степень публичного вмешательства и переводящих противостояние из карательной плоскости в примирительную. Особое место среди этих средств занимает институт освобождения от уголовной ответственности, позволяющий завершить конфликт без вынесения обвинительного приговора и назначения наказания.

Правовая природа одного из ключевых элементов этой системы, в качестве которого выступает дискреционное освобождение от уголовной ответственности, продолжает оставаться предметом научных дискуссий. Термин «дискреция» в праве широко распространен. Например, в бюджетно-налоговых правоотношениях дискреция рассматривается как сознательное законодательно оформленное манипулирование процессами[1]. В рамках административно-правовых отношений дискреция трактуется как предоставленная государственному органу возможность принятия управленческого решения по своему усмотрению[2]. Г.Н. Кучеров определяет дискрецию как совокупность условий, позволяющих правоприменителю с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела принять решение[3]. По мнению Н.Н. Апостоловой, дискреция (дискреционность) в

[1] Хоменко Е.Б. Актуальные вопросы экономики: современные вызовы на национальном, региональном и отраслевом уровнях. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2023. С. 104.

[2] Зайцев Д.И. Дискреционный нигилизм: на подступах к проблеме // Сибирское юридическое обозрение. 2025. № 4. С. 542-554.

[3] Кучеров Г. Н. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 11.

уголовном процессе отождествляется с целесообразностью[1]. А.Ю. Афанасьева считает, что дискреционность представляет собой свободное распоряжение правом действовать по усмотрению[2]. Н.С. Пономарев придерживается дословного перевода изначально латинского термина «discretio – действующий по своему усмотрению», и отождествляет дискреционные полномочия судей с судейским усмотрением[3].

Таким образом, можно заключить, что объединяющим признаком этого термина является наличие усмотрения правоприменителя при принятии решения[4]. Объем такого усмотрения и соотношение с другими видами освобождения от уголовной ответственности остаются нерешенными в доктрине и правоприменительной практике.

Решение этих вопросов требует установления места дискреционного освобождения в системе уголовно-правовых мер реагирования на уголовно наказуемое деяние сквозь призму существующих классификаций видов освобождения от уголовной ответственности.

В зависимости от личности и постпреступного поведения лица выделяют *субъективные*, связанные с личностными характеристиками правонарушителя и его действиями (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим), и *объективные* виды, обусловленные внешними обстоятельствами (истечение сроков давности, амнистия). Как указывает А.В. Ендольцева, субъективные основания имеют ресторативную направленность и специальную превенцию. Позитивное постпреступное поведение правонарушителя компенсирует причиненный ущерб и свидетельствует об утрате необходимости в уголовной репрессии[5]. Объективными видами освобождения, по мнению Н.Д. Сухаревой,

---

[1] Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 6.

[2] Афанасьева А.Ю. Диспозитивность, дискреционность и усмотрение в уголовном процессе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 8-2. С. 42-44.

[3] Пономарев Н.С. Дискреционные полномочия судей в уголовном процессе: критический анализ // Уголовное судопроизводство. 2023. № 4. С. 40-45.

[4] Серенко Р.С. Дискреция в освобождении от уголовной ответственности: конкуренция оснований и ориентиры правоприменения // Полицейская деятельность. 2026. № 2. С. 17-27.

[5] Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004. С. 66-67.

являются такие, в которых предпосылки освобождения определяются обстоятельствами, внешними по отношению к воле виновного[1]. Их основной функцией является обеспечение правовой определенности, гуманизма и экономии публичных ресурсов при утрате общественной опасности лица вследствие внешних факторов. О.В. Волынская указывает, что подобное деление носит аналитический характер[2], однако его практическая ценность несомненна поскольку различаются содержание подлежащих доказыванию обстоятельств, пределы усмотрения правоприменителя и баланс публичного и частного интереса.

По сфере применения выделяются *общие* (закрепленные в Общей части УК РФ) и *специальные* виды (предусмотренные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ)[3]. Е.В. Сердюкова подчеркивает, что общие виды освобождения универсальны и применимы к широкому кругу составов, тогда как специальные учитывают специфику конкретных преступлений[4]. Общими видами освобождения являются деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ), примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), возмещение ущерба по делам о преступлениях экономической природы (ст. 76^1 УК РФ), освобождение с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ), освобождение в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), а также новый вид освобождения в связи с призывом на военную службу, а равно заключением контракта на прохождение военной службы (ст. 78^1 УК РФ) (с учетом ряда исключений). Для общих видов характерна сквозная регуляция через нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) (ст. 25, 25^1, 28, 28^1, 28^2, 212, 213, 214, 427 УПК РФ), которые предусматривают порядок прекращения дела по нереабилитирующим основаниям,

---

[1] Сухарева Н.Д. Классификация видов освобождения от уголовной ответственности // Российский судья. 2005. № 5. С. 41-43.

[2] Волынская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические организационно-правовые проблемы: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. С. 96.

[3] См., напр.: Борков В.Н., Суверов С.Е. Общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности: назначение, цели, особенности конструирования // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 162-173; Сердюкова Е.В. Соотношение общих и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 5-1. С. 163-166 и др.

[4] Сердюкова Е.В. Соотношение общих и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. С. 163-166.

требования к согласию лица, в отношении которого применяется соответствующий вид освобождения, и участие потерпевшего там, где это имеет значение.

Специальные виды освобождения от уголовной ответственности связаны с особенностями конкретного преступления. Как отмечалось, правила такого освобождения формулируются в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Содержательно они направлены на нейтрализацию социально опасных последствий конкретных преступлений путем добровольного устранения вреда, например, в случае освобождения потерпевшего или сдачи предметов преступления[1]. Примечания к статьям Особенной части УК РФ, предусматривающие порядок освобождения от уголовной ответственности, чаще используют императивную формулировку, подразумевающую, что при соблюдении названных условий ограничивается усмотрение правоприменителя вопросами факта и добросовестности, а не целесообразности[2] (например, примечания к ст. 198, 199, 322^2, 322^3 УК РФ и др.).

Наметившаяся тенденция к увеличению числа поощрительных примечаний к статьям Особенной части УК РФ, особенно в сферах коррупции, незаконного оборота оружия и наркотиков, терроризма и экстремизма (примечания к ст. 184, 204, 204^1, 204^2, 205, 205^1, 205^3, 212, 222, 222^1, 222^2, 223, 223^1, 228, 228^3, 282^3, 291, 291^1, 291^2 УК РФ), усиливает значение специальных конструкций как адресного инструмента современной уголовной политики. Специальные примечания становятся механизмом такого урегулирования, предлагая лицу, совершившему преступление, своего рода «альтернативную сделку», предполагающую позитивное постпреступное поведение (способствование раскрытию преступления, заглаживание вреда, добровольная выдача предметов преступления) в обмен на освобождение от уголовной ответственности. Однако эффективность этого инструмента напрямую зависит от его связи с общими видами освобождения,

---

[1] Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности и принцип законности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 19-23.

[2] Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. … д-ра. юрид. наук. Рязань, 2013. С.18.

задающими критерии полноты разрешения конфликта. Без опоры на общие виды невозможно обеспечить системность и предсказуемость их применения.

По критерию зависимости освобождения от последующего поведения лица (по характеру юридических последствий) различают *безусловные* и *условные* виды. Под безусловными следует понимать такие формы освобождения, при которых прекращение уголовного преследования носит окончательный характер, предполагающий, что после вынесения соответствующего решения оно не ставится в зависимость от последующего поведения лица и не может быть отменено по мотиву неисполнения каких-либо возложенных обязанностей[1] (например, истечение сроков давности (ст. 78 УК РФ), амнистия (ст. 84 УК РФ)). Условные виды, напротив, предполагают, что освобождение сопряжено с возложением на лицо дополнительных обязанностей либо с наступлением отлагательных или отменительных условий, неисполнение которых влечет возможность отмены принятого решения и возобновления уголовного преследования[2]. К ним, например, относятся судебный штраф (ст. 76^2 УК РФ) и освобождение несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ). Уклонение от соблюдения условий освобождения (неуплата штрафа или уклонение от мер воздействия) влечет отмену решения об освобождении с возобновлением преследования. К условным относится и новый вид освобождения в связи с призывом на военную службу или заключением контракта о прохождении военной службы (ст. 78^1 УК РФ). Лицо по указанной статье освобождается при условии получения государственной награды, либо увольнения со службы по соответствующим основаниям.

Ключевое значение для настоящего исследования имеет классификация *по характеру правовой регламентации и объему усмотрения, предоставленного*

---

[1] См., напр.: Дубков А.Е., Князьков А.А. О критериях классификации условных и безусловных видов освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2013. № 2. С. 122-132.

[2] См., напр.: Князьков А.А. Условные виды освобождения от уголовной ответственности: pro et contra // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 116-119; Коробов П.В. Условные и безусловные виды освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2011. № 9 (177). С. 49-56 и др.

правоприменителю, а именно деление оснований на *императивные* и *дискреционные*.

Как указывает Г.Н. Кучеров «… все нереабилитирующие основания можно разделить на императивные, т.е. влекущие обязанность прекращения уголовного дела при наличии установленной совокупности условий, и дискреционные, применение которых зависит не только от установления совокупности условий, но и от усмотрения правоприменителя…»[1]. Определяющим фактором при отнесении вида освобождения к той или иной группе является «степень связанности» уполномоченного органа текстом закона. Если норма формулируется повелительно, то есть используется формулировка «лицо освобождается» или «подлежит освобождению», она порождает обязанность немедленно прекратить уголовное преследование, как только установлены условия и основание соответствующего вида. Если же законодатель использует конструкцию «может быть освобождено» перед правоприменителем открывается выбор варианта действия[2]. Указанное свидетельствует о том, что выраженный в диспозиции глагол – становится определяющим.

В отличие от императивных видов, где правоприменитель лишь констатирует наступление предусмотренных законом условий, дискреционное освобождение предполагает оценочную деятельность и выбор из нескольких юридически допустимых вариантов, что обостряет вопросы его понятия, юридической природы, пределов усмотрения и соотношения с иными формами освобождения[3].

Императивные виды освобождения не предполагают учета личности и посткриминального поведения в качестве самостоятельных критериев, тогда как дискреционные разновидности прямо ориентируют правоприменителя на эти обстоятельства. В отличие от реабилитирующих оснований прекращения преследования, при которых констатируется отсутствие события, состава или

---

[1] Кучеров Г.Н. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2023. С. 28.

[2] Кучеров Г.Н. Дискреционная модель правового регулирования прекращения уголовного дела и уголовного преследования: pro et contra // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 214-222.

[3] Буланов Н.В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 158.

причастности, дискреционное освобождение не опровергает противоправность и виновность, а снимает вопрос о целесообразности дальнейшего уголовно-правового принуждения[1]. Наконец, в отличие от исключительно процессуальных механизмов прекращения по типу отсутствия заявления по делам частного обвинения, дискреционное освобождение имеет материально-правовую основу, выраженную в оценке общественной опасности личности, а не сводится к дефекту процессуальной предпосылки[2].

Таким образом, деление видов освобождения на императивные и дискреционные обладает не столько номинативным, сколько функциональным значением. Именно оно задает пределы усмотрения правоприменителя, определяет процессуальные особенности дела и формирует для обвиняемого различные варианты развития событий. Главным критерием разграничения является то, насколько компетентный орган связан волей законодателя, выраженной в формулировке соответствующей нормы.

Для понимания юридической природы *дискреционного освобождения* принципиальное значение имеет его разграничение *с диспозитивным освобождением* от уголовной ответственности[3] (примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ)). Диспозитивность описывает волевую предпосылку применения того или иного вида освобождения, тогда как дискреционность указывает на режим принятия решения органом при наличии предусмотренных законом и условий[4].

Дискреционное освобождение – это прекращение ответственности по нормам, сформулированным через модальность «может быть освобождено», с опорой на оценочные категории и баланс целей уголовного закона[5]. Диспозитивное

---

[1] Дикарев И.С. К вопросу о дискреционных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) // Уголовное право. 2007. № 1. С. 80-83.

[2] Сверчков В.В. О диспозитивности и императивности в институте освобождения от уголовной ответственности (наказания) // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. 1998. С.36.

[3] Серенко Р.С. Освобождение от уголовной ответственности в России и Германии: общие тенденции и национальные особенности // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 3. С. 15-32.

[4] Аликперов Х. Д. Новый УК: проблемы освобождения от уголовной ответственности // Законность. 1999. № 4. С. 12-14.

[5] См., напр.: Вдовцев П.В. Освобождение от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела): право или обязанность правоприменителя? // Мировой судья. 2024. № 6. С. 27-32; Уренева О. В. Право потерпевшего на милость под судебный контроль // Российский судья. 2016. № 6. С. 26-30; Валиев Р.Г. К вопросу о дискреционных

же освобождение объединяется требованием обязательного волеизъявления участника процесса, который инициирует процедуру применения освобождения от уголовной ответственности. Диспозитивные виды освобождения схожи с дискреционными необходимостью оценки правоприменителем условий и наличием у него усмотрения[1], однако чисто диспозитивных видов освобождения в УК РФ нет, так как все они одновременно являются дискреционными.

Общими чертами дискреционных и диспозитивных видов являются нереабилитирующий характер, фокус на деяниях небольшой и средней тяжести, учет посткриминального поведения и восстановительная направленность. Различия заключаются: во-первых, в источнике волеобусловленности (в диспозитивной модели заявление или согласие потерпевшего является конституирующим условием, в дискреционной позиция потерпевшего лишь учитывается); во-вторых, в объеме усмотрения правоприменителя (в дискреционной модели оно шире и допускает мотивированный отказ от применения освобождения даже при формальном наличии условий); в-третьих, в значительной разнице правовых конструкций (диспозитивное освобождение опирается на конкретный процессуальный порядок, предусмотренный УПК РФ, и соответствующее основание, закрепленное УК РФ, дискреционный блок, напротив, включает несколько самостоятельных уголовно-правовых конструкций и специальные процедуры их применения, которые будут рассмотрены далее); в-четвертых, в требованиях к заглаживанию вреда (в диспозитивной модели важна полнота возмещения с учетом воли потерпевшего, в дискреционной возможны ситуации, при которых заглаживанием будет признана уплата суммы, которая значительно ниже причиненного вреда).

При определении сущности рассматриваемого правового явления необходимо учитывать, что *юридическая конструкция некоторых видов*

нормах российского права // Учение записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 4. С. 7-15 и др.

[1] См., напр.: Бидова Б.Б. Теоретические основы диспозитивного режима уголовно-правового регулирования // Молодой ученый. 2015. № 24 (104). С. 710-712; Сумачев А.В. Диспозитивность в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 66-79; Генрих Н.В. Императивные и диспозитивные способы регулирования уголовно-правовых отношений // Общество и право. 2010. № 3 (30). С. 107-118 и др.

освобождения от уголовной ответственности носит смешанный (гибридный) характер, сочетая в себе признаки как безусловных, так и условных видов, а также различные сочетания диспозитивных и дискреционных начал. Диспозитивность и дискреционность, хотя и объединены общей задачей стимулирования правомерного посткриминального поведения, являются самостоятельными правовыми явлениями, однако в отечественном праве используется диспозитивно-дискреционный подход, который реализован в ст. 76 УК РФ (освобождение в связи с примирением с потерпевшим). В данном виде освобождения воля потерпевшего выступает обязательной предпосылкой для рассмотрения вопроса, однако не предрешает его исход. Правоприменитель оценивает достаточность заглаживания вреда и принимает окончательное решение, исходя из обстоятельств дела. Имеет место и диспозитивно-императивный подход, закрепленный в ст. 76^1 УК РФ (освобождение по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности), который предполагает, что воля лица на возмещение ущерба, подкрепленная точным исполнением всех предписаний закона, лишает правоприменителя выбора и освобождение от ответственности становится обязанностью государства.

Особое место в этой системе занимает освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ). Его законодательная конструкция демонстрирует иную комбинацию признаков, одновременно являясь дискреционным, поскольку применение штрафа относится к исключительному усмотрению суда, оценивающего достаточность принятых лицом мер; условным, так как освобождение сопряжено с обязанностью уплаты штрафа в установленный срок и его отменой при неисполнении; а также общим (универсальным), поскольку, в отличие от специальных видов освобождения, он применим к широкому кругу преступлений небольшой и средней тяжести, выступая самостоятельным видом освобождения наряду с примирением сторон и деятельным раскаянием.

Дискреционное освобождение от уголовной ответственности есть *составляющая* родового понятия «*институт освобождения от уголовной ответственности*». Оно сохраняет все его родовые признаки, такие как

нормативная закрепленность в уголовном законе, тождественность юридических последствий, обусловленность наличием состава преступления, замещение наказания иной юридической реакцией.

Считаем оправданным дискреционное освобождение определять как *субинститут*, поскольку соответствующая группа норм объединена общими целями, специфическим основанием, особыми условиями и процедурами их проверки, опирается на усмотрение органа дознания, следствия, прокурора или суда. В совокупности эти нормы образуют устойчивую подсистему внутри общего института освобождения от уголовной ответственности, однако реализуются через отличный механизм.

Вместе с тем оснований считать дискреционное освобождение самостоятельным институтом недостаточно, поскольку у него нет собственного (отличного от общего) круга регулируемых отношений и самостоятельных последствий. Источники и процедуры не автономны, а встроены в общие нормы об освобождении. Кроме того, границы применения пересекаются с обязательными формами освобождения и иными нереабилитирующими видами, а нормы, предусматривающие дискреционные виды освобождение, не образуют отдельного комплексного блока.

Дискреционное освобождение от уголовной ответственности имеет комплексную правовую природу, объединяющую три взаимосвязанных аспекта, среди которых материально-правовой, уголовно-процессуальный и криминологический.

Материально-правовой аспект заключается в предусмотренном уголовным законом отказе государства от реализации ответственности в конкретном деле на основе оценочных критериев, подлежащих усмотрению правоприменителя. Это соответствующие нормы уголовного законодательства, которыми закреплены соответствующие виды освобождения, условия, пределы отказа от репрессии. Использование в законодательной норме формулировки «может быть освобождено» указывает, что применение дискреционных видов освобождения требует учета баланса публичных и частных интересов, задач уголовного

законодательства и обстоятельств конкретного дела. Правовым последствием является прекращение уголовного преследования по нереабилитирующему виду, то есть деяние сохраняет статус преступления, но обвинительный приговор не выносится, наказание не назначается, судимость не возникает.

Уголовно-процессуальный аспект проявляется в регламентации порядка принятия дискреционного решения. Процессуальный закон определяет компетенцию, процедуру и гарантии принятия решения[1]. Ключевым требованием выступает мотивированность решения, подлежащего прокурорскому надзору, судебному контролю и возможности апелляционного пересмотра. Дискреционное прекращение не может служить способом преодоления слабости доказательственной базы. Событие преступления и причастность лица должны быть установлены в достаточной степени. Мотивировка выполняет двойную функцию. С одной стороны, обеспечивает проверяемость соблюдения условий, а с другой – демонстрирует, что усмотрение реализовано в пределах закона, а не произвольно[2].

Криминологический аспект показывает, что исследуемый субинститут представляет собой не только юридическую конструкцию, но и инструмент уголовной политики. Данный аспект позволяет уйти от карательного воздействия в тех случаях, когда репрессивное вмешательство либо избыточно, либо непродуктивно, и, наоборот, стимулировать поведение, снижающее будущий риск и восстанавливающее социальную справедливость[3]. С этой точки зрения субинститут решает несколько задач. Во-первых, он помогает предупредить новые преступления и способствует ресоциализации, так как позволяет избежать ответственности при возмещении вреда, содействии расследованию и ином заглаживании ущерба. Во-вторых, он поддерживает восстановительное

[1] Несвит В.В. Процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2002. С. 16.

[2] См., напр.: Вдовцев П.В. Освобождение от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела): право или обязанность правоприменителя? С. 27-32; Сухарева Н.Д., Байрамуков Р.Б. Освобождение от уголовной ответственности как средство дифференциации уголовной ответственности // Общество и право. 2011. № 3 (35). С. 186-189 и др.

[3] Кайнаров С.Х.У., Васильев А.М. Освобождение от уголовной ответственности как средство дискриминации от уголовной ответственности // Вестник науки и творчества. 2024. № 5 (96). С. 38-43.

правосудие, ориентированное на компенсацию вреда и учёт интересов потерпевшего. В-третьих, он позволяет более разумно распределять ресурсы, снижая нагрузку на суды и систему исполнения наказаний и позволяя сосредоточиться на более опасной преступности[1].

Законность применения дискреционного освобождения зависит от того, насколько правильно учитываются его основные особенности. Такое решение должно приниматься строго в рамках закона, быть обоснованным и поддающимся контролю. При этом оно должно быть направлено на понятные и проверяемые результаты в виде снижения повторной преступности, восстановления прав потерпевших и укрепления доверия к правосудию.

Таким образом, сущность дискреционного освобождения от уголовной ответственности состоит в нормативном закреплении перехода от императивно-карательной модели к восстановительно-компромиссному подходу, при котором компетентный орган получает право, а не обязанность, воздержаться от применения репрессии, когда правонарушитель своими волевыми посткриминальными действиями фактически нейтрализовали общественно опасные последствия. В результате публично-правовой конфликт переводится в режим факультативного реагирования, что позволяет сбалансировать частные и публичные интересы, экономить принудительные ресурсы государства и сохранять превентивный потенциал уголовного закона без вынесения обвинительного приговора и возникновения судимости.

Суммируя изложенное, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. *Дискреционное освобождение от уголовной ответственности* – это вид освобождения от уголовной ответственности, представляющий собой *нереабилитирующий уголовно-правовой субинститут с межотраслевой и междисциплинарной юридической природой*, объединяющий общие (глава 11 УК РФ) и специальные (примечания к статьям Особенной части УК РФ)

[1] Магомедов Г.М., Абдулкадирова Х.Д. Проблема достижения целей наказания при освобождении от уголовной ответственности и уголовного преследования // The scientific heritage. 2020. № 55-5 (55). С. 13-15.

механизмы прекращения уголовного преследования, реализация которых обусловлена оценкой уполномоченным органом посткриминального поведения лица, его личности и иных обстоятельств дела и допускается в пределах установленных законом критериев, когда по результатам такой оценки позитивные действия правонарушителя (заглаживание вреда, примирение с потерпевшим, содействие расследованию) признаются достаточными для вывода о возможности достижения целей восстановления социальной справедливости, исправления лица и специального предупреждения без применения уголовной репрессии.

2. *Сущность дискреционного освобождения заключается в нормативно-правовом оформлении перехода от императивной карательной модели к восстановительно-компромиссной*. Государство отказывается от репрессии если правонарушитель своими посткриминальными действиями доказал утрату или снижение своей общественной опасности, что позволяет обеспечить баланс частных и публичных интересов, экономию ресурсов и сохранение превентивного потенциала уголовного закона без вынесения обвинительного приговора и судимости.

3. Понимание дискреционного освобождения от уголовной ответственности как единого правового явления позволяет упорядочить его различные формы (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, судебный штраф, а также специальные виды освобождения для отдельных составов преступления), объединяя их через общие цели, признаки и последствия. Такая систематизация повышает предсказуемость правоприменения и снижает риск произвольного усмотрения. Кроме того, это позволяет четко определить, когда освобождение от уголовной ответственности допустимо, и закрепить его общие последствия, в том числе отсутствие судимости. Рассмотрение дискреционного освобождения от уголовной ответственности в качестве единого правового явления также помогает сделать законодательство более последовательным, устранить противоречия и точнее определить права участников процесса. В итоге дискреционное освобождение снижает негативные последствия излишней репрессии и способствует более справедливому разрешению уголовно-правовых конфликтов.

§ 1.2 Система дискреционного освобождения от уголовной ответственности

Истоки освобождения от уголовной ответственности в отечественном праве прослеживаются с XI века, находя свое первоначальное закрепление в Русской Правде[1]. При отсутствии категорий «преступление» и «наказание» и их разграничения с «ответственностью» действовала категория «обида», а отказ от репрессии строился на механизмах, которые заложили фундамент, на основе которого в результате длительного процесса развития отечественного права сформировался рассматриваемый субинститут. К ним относились выбор «обиженного» между кровной местью и примирением, а также освобождение при добровольном признании и возмещении вреда. Эти нормы задавали основу современного примирения и активного раскаяния как оценочных оснований прекращения уголовного преследования[2].

Церковные уставы русских князей и Кормчая книга, интегрируя покаянные и компенсационные практики, способствовали институциональному укреплению примирительных форм реакции на «обиду». Этическая и процессуальная роль церковного посредничества усиливала оценочное усмотрение при отказе от карательной меры, допуская замещение кары покаянием и миром сторон. Тем самым религиозно-правовые источники задали раннюю модель дискреционного неприменения репрессии[3].

Политическая раздробленность XII–XV вв. оформила автономные правовые центры, среди которых ключевым источником стала Псковская судная грамота (1467 г.). Норма о «кончине дела миром» допускала прекращение дела при соглашении с потерпевшим на любой стадии, лишая властителя «продажи» и штрафа, что служит классическим примером дискреции, зависящей от

---

[1] Жук М.С. Становление и развитие институтов российского уголовного права // Lex Russica. 2013. Т. 95. № 7. С. 753.

[2] Юшков С.В. Русская правда. Происхождение, источники, ее значение. М.: Зерцало-М, 2002. С. 214.

[3] Российское законодательство X-XX веков: в 9 томах. Том 1. Законодательство Древней Руси / Под общ. ред.: О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984. С. 95-96.

волеизъявления сторон и оценки суда. Вместе с тем для особо тяжких деяний примирительная альтернатива исключалась, что свидетельствует о раннем формировании законодательных ограничений и пределов усмотрения[1].

Судебник 1497 г. систематизировал уголовно-правовые предписания и одновременно сузил частноправовую диспозитивность. Дискреционные виды освобождения концентрировались вокруг «личной обиды» и исключались для «губных» преступлений. Новелла о «победе в поле» имела оправдательно-процессуальную природу, а льгота для вернувшихся из плена носила императивный, а не дискреционный характер. Судебник 1550 г., усилив репрессию, лишил признание и раскаяние статуса освобождающих обстоятельств, но сохранил оценочные формы неприменения кары в виде выпуска «на крепкие поруки» после неуспешного изобличения, а также расширил возможности для освобождения вернувшихся из плена[2].

Соборное уложение 1649 г. закрепило приоритет публичной репрессии, однако не устранило дискреционные формы отказа от преследования. Суд поощрял «мир» с потерпевшим в мелких делах и практиковал условно-досрочное освобождение должников на поруки, тогда как рецидив исключал такую возможность. Баланс сместился к императивным видам освобождения (давность, возраст, невменяемость, смерть, монаршее помилование), а судейское усмотрение имело место лишь по узкому кругу дел частного обвинения[3].

Петровская реформа и Артикул воинский 1715 г. окончательно конституировали приоритет публичного интереса. Примирение и явка с повинной чаще стали лишь смягчать наказание, не прекращая ответственности. Полное освобождение отныне связывалось преимущественно с актами верховной власти в виде милости, амнистий и манифестов, то есть с волевыми, но не судебно-дискреционными видами освобождения от уголовной ответственности[4].

---

[1] Мартысевич И. Г. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование / Отв. ред. П.Н. Галанза. М.: Издательство Моск. унт-та, 1951. С. 68.

[2] Белогриц-Котляревский Л. С. Очерки курса русского уголовного права: общая и особенная части. Лекции. Киев: Южно-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1908. С. 307.

[3] Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть общая. Киев: Южно-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1891. С. 71.

[4] Законодательство Петра I / Отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М.: Юрид. лит., 1997. С. 328.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предложило первую системную модель видов освобождения от уголовной ответственности, сочетая императивные и оценочные начала. Примирение и отказ потерпевшего использовались в делах частного преследования, допускаясь вплоть до снятия неотбытой части наказания, тогда как амнистия и помилование закрепляли внепроцессуальные императивные решения[1]. В 1867 г. введена возможность прекращения дел о нарушениях лесного законодательства при добровольной уплате взыскания с согласия собственника, что служит прообразом современного судебного штрафа как дискреционного вида освобождения от ответственности[2].

Уголовное уложение 1903 г., перераспределив основания освобождения от уголовной ответственности в Особенной части, сохранило прощение потерпевшего и верховное помилование, но подчеркнуло ограниченность судебного усмотрения. Дискреционные начала продолжали действовать преимущественно применительно к отдельным статьям Особенной части[3].

Раннесоветский период уголовного права и законодательства концептуально переформатировал дискрецию. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР 1918 г. «О взяточничестве» связывал освобождение взяткодателя с добровольным сообщением. От жестко установленного срока перешли к оценочному понятию «своевременности» сообщения, что существенно расширило рамки усмотрения правоприменителя[4]. Дальнейшее развитие эта тенденция получила в Уголовных кодексах РСФСР 1922[5] и 1926 г., которые наряду с императивными видами освобождения, закрепили открытые дискреционные механизмы, такие как «утрата общественной опасности вследствие изменения обстановки» и «нецелесообразность мер социальной защиты»[6].

---

[1] Спасович В.Д. Учебник уголовного права. СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. Т. 1. С. 425.

[2] Высочайшее мнение Государственного Совета от 15 мая 1867 г. № 28883 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1868. Т. 42. Ст. 21.

[3] Файзуллина Д. Р. История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 2. С. 156.

[4] О взяточничестве : Декрет Совета народных комиссаров от 08 мая 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467.

[5] Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

[6] Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

Основы уголовного законодательства 1958 г. институционализировали разграничение освобождения от ответственности и наказания, перечислили дискреционные вида освобождения от уголовной ответственности, такие как применение мер общественного воздействия вместо наказания, активное раскаяние и заглаживание вреда, утрата общественной опасности. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. воспроизвел эту модель, закрепив устойчивую основу судебной дискреции в отказе от уголовной репрессии при наличии оценочных условий[1].

Таким образом, развитие института освобождения от уголовной ответственности в отечественном праве исторически шло по линии нормативного дуализма. С одной стороны, закреплялись императивные механизмы, исключающие усмотрение правоприменителя при наличии строго формализованных условий, а с другой – допускались оценочные конструкции, предполагающие оценку обстоятельств в контексте достижения целей наказания без его фактического назначения[2]. При этом общая тенденция состояла в постепенном ограничении произвольного усмотрения за счет более четких критериев применения механизмов, а также закрепления процедурных гарантий их реализации.

Дуализм императивных и оценочных начал института освобождения от уголовной ответственности был воспроизведен и в УК РФ 1996 г. На момент принятия закона насчитывалось 4 общих вида освобождения от уголовной ответственности и 13 специальных, сформулированных в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. К императивным относят истечение сроков давности (ст. 78 УК РФ) и примечания к ст. 126, 204, 205, 206, 208, 222, 223, 228, 275, 291, 307 УК РФ на основе наличия в них повелительной формулировки «лицо освобождается»[3]. Однако, как будет показано ниже, даже при такой формулировке

---

[1] Серенко Р.С. Освобождение от уголовной ответственности: история становления и развития института в отечественном праве, текущее состояние и перспективы развития // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 2. С. 39-59.

[2] Тарыкин В.К., Серенко Р.С. Институт освобождения от уголовной ответственности: полная история становления в отечественном праве и перспективы развития в обозримом будущем // Современное общество и право. 2023. № 5 (66). С. 24-32.

[3] Кибальник А.Г., Попов А.П. О смысле освобождения от уголовной ответственности // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 120-123.

в них присутствуют элементы дискреции (усмотрения правоприменителя). Безусловно дискреционными в первоначальной редакции УК РФ являлись деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ), примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), изменение обстановки (ст. 77 УК РФ), а также виды освобождения, предусмотренные примечаниями к ст. 337, 338 УК РФ[1]. Именно этот внутренний дуализм, проявляющийся в смешении жестких и оценочных начал внутри одного института с момента принятия УК РФ, создал предпосылки для его неоднозначной оценки.

В настоящее время наблюдается тенденция к усложнению системы освобождения от уголовной ответственности[2] как за счет введения в УК РФ новых нетипичных общих механизмов в виде освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76^1 УК РФ), которое, как отмечалось ранее, является императивным, уплатой судебного штрафа (ст. 76^2, 104^4, 104^5 УК РФ), призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 78^1 УК РФ), так и за счет появления большого количества новых специальных видов в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, конструкция которых зачастую не позволяет однозначно определить их в качестве императивных или дискреционных (например, ст. 110^2, 126, 127^1, 173^1, 200^1, 200^5, 200^7, 201^2, 204^1, 204^2, 205^1 УК РФ и другие).

Таким образом, для прояснения содержательного наполнения системы дискреционного освобождения от уголовной ответственности подлежат разрешению следующие вопросы: 1) установление места и функциональной роли специфического вида освобождения от уголовной ответственности в связи с

---

[1] Борков В.Н., Суверов С.Е. Общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности: назначение, цели, особенности конструирования. С. 162-173.

[2] Серенко Р.С. Уголовная ответственность и освобождение от нее: теоретические противоречия и пути оптимизации правового регулирования // Уголовное право в эволюционирующем обществе. 2025. С. 76-81.

назначением судебного штрафа (ст. 76^2, 104^4, 104^5 УК РФ); 2) выявление специфики нового вида освобождения от уголовной ответственности – в связи с призывом на военную службу (ст. 78^1 УК РФ); 3) определение природы и границ видов освобождения, находящихся на стыке дискреционной и императивной моделей (для примечаний к нормам Особенной части УК РФ).

Обращаясь к первому из перечисленных вопросов, рассмотрим освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ). Его правовая природа и практическое применение позволяют выявить, во-первых, признаки дискреции, во-вторых, сопряжение с иными мерами уголовно-правового характера. Как справедливо отмечает Е.Р. Обломова, он демонстрирует редкий для отечественного уголовного права пример компромиссной модели, в которой формально закрепленное «освобождение» сочетается с реальной публично-правовой обязанностью, возлагаемой на лицо[1]. Уже на уровне постановки вопроса об отнесении его к рассматриваемому субинституту проявляется дуальность судебного штрафа, предполагающая дилемму о том, относить этот механизм к освобождению от уголовной ответственности либо признать, что по фактической регулятивной нагрузке он выступает иной мерой уголовно-правового характера.

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ) допускается когда деяние относится к преступлениям небольшой или средней тяжести, лицо совершило его впервые, причиненный вред возмещен либо иным образом заглажен, а суд с учетом личности и имущественного положения признает этот способ достаточным, кроме того должны соблюдаться процессуальные требования, предусмотренные ст. 25^1 УПК РФ.

Вместе с тем, судебный штраф, несмотря на формулу «освобождения», по своей сущности выступает иной мерой уголовно-правового характера, поскольку представляет собой публично-правовую денежную обязанность, налагаемую судом

[1] Обломова Е.Р. Уголовно-правовая природа судебного штрафа // Pro.право. 2024. Т. 8. № 2. С. 81-84.

вне рамок назначения наказания и вынесения обвинительного приговора (ст. 104^4 УК РФ).

А.Г. Полуэктов, исследуя природу судебного штрафа указывает, что его рассматривают в качестве: 1) разновидности освобождения от уголовной ответственности; 2) иной меры уголовно-правового характера; 3) гибридного образования на стыке двух подходов. Автор справедливо отмечает, что неуплата штрафа влечет отмену решения и возобновление производства по делу, и обнаруживает существенное сходство судебного штрафа с уголовным наказанием (привязка размера к санкции, исполнение через службу судебных приставов, схожие ограничения)[1].

В литературе встречается оценка судебного штрафа как «паранаказания» (суррогата наказания). Так, Г. А. Трофимова, О.В. Соколова, И.Б. Степанова в своих трудах не выделяют у него самостоятельных целей, отличных от целей наказания (восстановление социальной справедливости, исправление виновного, предупреждение совершения новых преступлений), и не усматривает принципиальной разницы между постановлением о назначении судебного штрафа и приговором о признании виновности с назначением наказания, указывая лишь на второстепенные отличия, в частности, на размер денежного взыскания и отсутствие судимости[2].

Р.В. Мазюк придерживается схожей точки зрения. Он обращает внимание на то, что сообщество ученых признает применение судебного штрафа практически равнозначным признанию лица виновным в совершении преступления. Это превращает судебный штраф из иной меры уголовно-правового характера в своеобразный «суррогат наказаний»[3]. Л.В. Головко указывает, что судебный штраф

---

[1] См.: Полуэктов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретические и прикладные аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2018. 210 с.

[2] См.: Трофимова Г.А. Судебный штраф – альтернатива? // Российский судья. 2017. № 8. С. 34; Соколова О.В., Степанова И.Б. Судебный штраф: теоретические и практические подходы к определению целей и основания его применения // Право и практика. 2021. № 1. С. 9-14.

[3] Мазюк Р.В. Судебный штраф как альтернатива приговору в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). С. 23-35.

не является альтернативной уголовно-правовой мерой, а выступает в качестве наказания без приговора[1].

А.Г. Соловьев, исследуя судебный штраф указывает, что одним из направлений в доктринальной дискуссии о правовой природе судебного штрафа является рассмотрение его, прежде всего, в качестве альтернативы уголовному преследованию в логике восстановительного правосудия. Он подчеркивает, что развитие процессуальных институтов снижает потребность государства в «радикальных» мерах наказания, однако в законодательстве и доктрине сохраняется неопределенность относительно места судебного штрафа в системе альтернатив и самой структуры этой системы. Авторская позиция основывается на том, что судебный штраф следует рассматривать в качестве «лучшей» альтернативы, которая назначается даже при примирении если по совокупности объективных и субъективных обстоятельств именно он позволяет лучше достигнуть целей уголовного судопроизводства, обеспечивая индивидуализацию воздействия[2].

Интересный подход к определению природы судебного штрафа сформирован Д.О. Михайловым. Он определяет судебный штраф как иную меру уголовно-правового характера, теоретически восходящую к концепции «преднаказания», то есть превентивной и фискальной мере, применяемой вместо наказания для предупреждения новых преступлений и компенсации причиненного вреда. Эта мера носит условный характер, предполагая, что при уклонении от уплаты возобновляется уголовное преследование по исходной статье, что сближает ее по логике с институтами освобождения от наказания при условии, а не с классическими видами освобождения от уголовной ответственности[3].

Разброс во мнениях обусловлен гибридным набором признаков судебного штрафа. Отсутствие здесь обвинительного приговора и судимости (свойство

---

[1] Головко Л.В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 42-43.

[2] Соловьев А.Г. Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве // Правда и закон. 2019. № 2 (8). С. 53-56.

[3] Михайлов Д.О. Судебный штраф в уголовном праве России: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2021. С. 162.

освобождения) сочетается с имущественным обременением и механизмом принудительного взыскания (свойство наказания), а также с отлагательным условием уплаты (свойство условного освобождения). Раскроем выдвинутый тезис.

Де-юре судебный штраф отнесен законодателем к видам освобождения от уголовной ответственности. Он применяется не через обвинительный приговор, а через прекращение уголовного дела и, следовательно, не влечет судимости[1]. Это сближает его с классическими нереабилитирующими видами освобождения от уголовной ответственности. Однако де-факто судебный штраф возлагает на лицо имущественное обременение в виде денежного взыскания в доход государства, исполняемого по правилам исполнительного производства. Тем самым он занимает пограничное положение между освобождением от ответственности и уголовным наказанием.

Вместе с этим освобождение с назначением судебного штрафа выступает в качестве показательного примера реализации дискреционных полномочий суда. Усмотрение правоприменителя здесь проявляется двояко. Во-первых, при оценке достаточности заглаживания вреда и личности виновного для отказа от репрессии, а, во-вторых, при определении размера штрафа в пределах, установленных законом. Суд вправе обоснованно отказать в применении ст. 76^2 УК РФ, если сочтет, что цели закона не будут достигнуты «мягкой» развязкой, несмотря на формальное соответствие минимальным критериям[2]. При этом судебный штраф является также условным видом освобождения, то есть его окончательность зависит от последующей уплаты денежной суммы. Однако судебная практика применения ст. 76^2 УК РФ позволяет установить, на что чаще всего суды обращают внимание при решении вопроса об освобождении с назначением судебного штрафа.

---

[1] Новикова Ю.Г., Высоцкая С.А. Диспозитивные начала освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Аллея науки. 2023. Т. 1. № 9 (84). С. 11-17.

[2] Звечаровский И.Э. О юридической природе судебного штрафа (статьи 76.2, 104.4 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 6. С. 98-101.

Ангарский городской суд Иркутской области в постановлении от 5 августа 2025 г. по делу № 1-625/2025 продемонстрировал самостоятельность судейского усмотрения, не связанного мнением сторон. Отклоняя возражения государственного обвинителя и потерпевшей, настаивавших на привлечении ФИО1 к ответственности за мошенничество (ч. 2 ст. 159 УК РФ), суд прекратил дело с назначением судебного штрафа. Суд мотивировал это тем, что закон не ставит применение нормы в зависимость от согласия потерпевшего или прокурора. Ключевым явилось полное возмещение ущерба и принесение извинений, что расценено как заглаживание вреда. Суд сформулировал принцип, в соответствии с которым при наличии всех условий для применения более мягкой меры она не только может, но и должна быть применена. Суд отдал предпочтение восстановительному правосудию даже вопреки желанию потерпевшей стороны[1].

Показательны также примеры применения судебного штрафа по ст. 264 УК РФ, где объективно высокая общественная опасность последствий не исключает дискреционного освобождения.

Ленинский районный суд города Ставрополя в постановлении от 29 сентября 2025 г. по делу № 1-205/2025 применил судебный штраф к лицу, совершившему ДТП со смертельным исходом (ч. 3 ст. 264 УК РФ). Суд установил полное признание вины, раскаяние, активное содействие следствию, добровольное и полное заглаживание вреда, многократные извинения. Отметил, что закон не запрещает освобождение даже при наличии дополнительного наказания в виде лишения прав. Признав меры достаточными для снижения общественной опасности суд прекратил дело и назначил судебный штраф[2].

Чебоксарский районный суд Чувашской Республики в приговоре от 28 августа 2025 г. по делу № 1-99/2025 отказал в прекращении дела с судебным штрафом при ДТП, повлекшем тяжкий вред здоровью малолетнего (ч. 1 ст. 264 УК РФ). Суд подтвердил наличие общих условий применения ст. 76^2 УК РФ,

---

[1] Постановление Ангарского городского суда Иркутской области от 4 августа 2025 г. по делу № 1-625/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.12.2025).

[2] Постановление Ленинского районного суда г. Ставрополье от 28 сентября 2025 г. по делу № 1-205/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.12.2025).

однако признал предпринятые меры (перечисление 15 000 рублей, извинения) недостаточными для восстановления нарушенных публичных отношений и снижения общественной опасности. Оценка суда оказалась определяющей, несмотря на меньшую тяжесть преступления по сравнению с предыдущим примером[1].

Вышеизложенное позволяет однозначно определять механизм, предусмотренный ст. 76^2 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа), в качестве дискреционного вида освобождения от уголовной ответственности.

Рассмотрение судебного штрафа с фактической точки зрения позволяет установить, что он несет выраженную обременяющую нагрузку. Судебный штраф возлагает на лицо публично-правовую обязанность уплатить денежную сумму в доход государства, обусловленную совершением уголовно наказуемого деяния и подтвержденную судебным актом. Здесь присутствует элемент государственного принуждения с общей и частной превентивной направленностью, а также с нормативной негативной оценкой поведения[2]. Иначе говоря, при отсутствии приговора и судимости для лица возникают неблагоприятные последствия, сходные по мотивации с санкционными.

В связи с этим важно развести судебный штраф и штраф как вид уголовного наказания. Во втором случае денежное взыскание назначается приговором по правилам назначения наказания и сопровождается судимостью, а неисполнение влечет меры принудительного исполнения приговора. В первом же прекращение дела замещает приговор, судимость не возникает, а неисполнение судебного штрафа может повлечь отмену освобождения и возобновление преследования.

Учитывая данные обстоятельства, неслучайно судебный штраф определяется и как иная мера уголовно-правового характера (ст. 104^4 УК РФ), отождествление которой с формой реализации ответственности недопустимо в силу механизма его

---

[1] Приговор Чебоксарского районного суда Чувашской Республики от 28 августа 2025 г. по делу № 1-99/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.12.2025).

[2] Корнеев С.А. Истинное место судебного штрафа в конструкции уголовного закона // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 38. № 2. С. 126-130.

назначения, непосредственно связанного с освобождением от уголовной ответственности, хоть и небезусловным[1].

Обобщая вышесказанное следует признать, что «двойственная» природа судебного штрафа, одновременно как вида освобождения от уголовной ответственности и как иной меры уголовно-правового характера не является ошибкой законодателя, а отражает функциональную специфику рассматриваемого явления. Конструкция ст. 76^2 УК РФ в связке со ст. 104^4 и 104^5 УК РФ намеренно совмещает восстановительно-профилактическую логику с инструментарием публично-правового денежного воздействия, исполняемого по правилам исполнительного производства и подкрепленного условностью. Именно эта комбинация объясняет отсутствие приговора и судимости при наличии обременяющей обязанности уплаты, что выводит судебный штраф за пределы классического наказания.

Указанное положение дел обуславливает необходимость более тонкой квалификации судебного штрафа, которая бы учитывала его схожесть с наказанием и, в то же время, отражала специфику рассматриваемого явления. Эту двойственность точнее всего выражает формант «*квази-*» (от. лат. *quasi*), который означает нечто очевидное, но не подтвержденное фактами, что соответствует в русском языке словам «как будто», «отчасти», «будто бы»[2]. Использование форманта «квази-» тем самым выполняет две задачи. Во-первых, это отражает функциональное сходство с наказанием, объясняющее повышенную обременительность и публичную направленность меры, а, во-вторых, предотвращает методологическую подмену, недопустимое отождествление с уголовным наказанием и связанные с ним режимные следствия.

Таким образом, *судебный штраф представляет собой квази-ответственность*, занимая промежуточное положение между отказом от

[1] Голенко Д.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 1. С. 78-82.

[2] Афинская З.Н. Функция форманта квази/quasi в процессе интердискурсивного взаимодействия (на материале русского и французского языков) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 89-96.

репрессии и полноценным наказанием, опираясь на восстановительно-профилактическую логику (возмещение вреда, превенция, экономия репрессии), но оставаясь публично-правовым воздействием через денежное взыскание.

Что касается нового вида освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 78[1] УК РФ), то оно принципиально отличается от иных общих дискреционных видов освобождения (ст. 75, 76, 76[2] УК РФ).

А.Г. Антонов указывает, что освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 78[1] УК РФ) представляет собой особую, условную форму отказа государства от репрессии. Ее специфика состоит в том, что лицо не освобождается немедленно. Юридический эффект наступает лишь при фактическом прохождении военной службы и соблюдении установленных условий. Таким образом, решение о применении данного вида создает «возможность освобождения», реализуемую по итогам службы. По своему замыслу и критериям применимости данный вид освобождения близок к модели деятельного раскаяния, поскольку решающее значение приобретает посткриминальное поведение лица, подтверждающее утрату общественной опасности личности и готовность к правопослушному образу жизни[1].

Кроме того, Е.А. Алференок и Е.А. Иванова указывают на такие отличительные черты рассматриваемого вида как применимость его к преступлениям любой категории тяжести, отсутствие возложения обязанности совершения каких-либо действий, направленных на восстановление прав потерпевших, а таже условия о совершении преступления впервые[2], что принципиально отличает его от иных общих видов освобождения. Автор также

[1] Антонов А.Г. Новое основание освобождения от уголовной ответственности как разновидность деятельного раскаяния // Теория и практика правоохранительной деятельности. 2024. № 4 (57). С. 15-21.

[2] Алференок Е.А., Иванова Е.А. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу, заключением контракта о прохождении военной службы, прохождением военной службы в ВС РФ // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 1. С. 7-10.

указывает, что освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 78[1] УК РФ) носит императивный характер[1].

Несмотря на тезис о применимости ст. 78[1] УК РФ к преступлениям любой категории тяжести, сама норма содержит изъятия. Освобождение по данной статье не допускается по закрытому перечню составов, прямо указанному в ст. 78[1] УК РФ. Речь идет, в частности, о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства, террористических и экстремистских преступлениях, а также преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних и других особо опасных деяниях, поименованных законодателем (п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 131, ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132 п. «б» ч. 4 ст. 132, ч. 3-6 ст. ч. 3-5 ст. 135, ст. 189, 205-205[5], 206, 208, ч. 1 и 3 ст. 209, ч. 1, 1.1, 3 и 4 ст. 210, ст. 210[1] 211, ч. 3 ст. 220, ч. 2 и 3 ст. 221, ч. 1.1, 2 и 3 ст. 226[1], п. «а» ч. 4 ст. 229[1], ст. 274[1], 275, 275[1], 276-280[2], 280[4], 281-281[3], 282[1]-282[3], 283-283[2], 355, 359-361 УК РФ). Следовательно, формула «любой категории тяжести» применима лишь с оговоркой о названных исключениях.

Подтверждая императивный характер рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности Д.Е. Толочко отмечает, что соблюдение всех предусмотренных законом условий влечет освобождение от уголовной ответственности в обязательном порядке[2].

Обобщая представленные точки зрения следует указать, что освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 78[1] УК РФ) представляет собой особую, условную модель отказа от репрессии с отложенным эффектом[3].

В рамках классификации по характеру правовой регламентации и объему усмотрения указанный вид исходя из текста ст. 78[1] УК РФ однозначно относится к числу императивных, поскольку обязывает правоприменителя освободить лицо от

---

[1] Там же.

[2] Толочко Д.Е. Актуальные вопросы развития института освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 78.1 УК РФ) // Современный ученый. 2025. № 10. С. 421-430.

[3] Карпов К.Н. Правовые последствия несоблюдения военнослужащим условий освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) либо условий освобождения от наказания (ст. 80.1 УК РФ) // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. 2024. С. 106-110.

уголовной ответственности при наличии соответствующих условий. Вместе с этим согласно п. «а» ч. 1 ст. 78[1] УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы. Но само решение о награждении принимается исключительно дискреционно. Нельзя получить государственную награду безусловно выполнив определенные действия в отсутствие согласия государства[1]. Из сказанного следует, что в данном случае, имеет место *опосредованная дискреционная природа*, предполагающая усмотрение органа, принимающего решение о награждении, не имеющая уголовно-правового значения в связи с отсутствием «оценочных» полномочий у правоприменителя, что исключает отнесение ст. 78[1] УК РФ к числу дискреционных видов освобождения от уголовной ответственности.

Императивность данного вида подтверждается также тем, что второй вариант наступления освобождения, предусмотренный п. «б» ч. 1 ст. 78[1] УК РФ, закрепляет, что освобождение здесь наступает со дня увольнения с военной службы по основаниям, указанным в подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ. Этот перечень включает «благоприятные» основания увольнения и, по смыслу законодателя, подтверждающие добросовестное прохождение службы. В практическом ключе это означает, что если лицо уволено, например, в связи с истечением срока службы, по организационно-штатным мероприятиям либо по иному прямо предусмотренному законом уважительному основанию из числа названных в п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ, освобождение по ст. 78[1] УК РФ наступает с даты такого увольнения. Напротив, увольнение по иным, «негативным» основаниям не влечет реализации освобождения, и уголовное преследование подлежит возобновлению.

Следует также учитывать, что практическая реализация ст. 78[1] УК РФ зависит не только от последующего судебного решения, но и от предварительного

[1] Новокшонов Д.В., Мазурин С.Ф. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания военнослужащих в период мобилизации и военного положения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 9. С. 610-613.

волеизъявления военного командования, выражаемого в документе о готовности принять лицо на военную службу. Такой документ выдается не в порядке уголовно-правового усмотрения, а исходя из задач комплектования конкретного воинского подразделения, наличия вакантных должностей, организационных потребностей войск, а также требований к пригодности кандидата, включая состояние здоровья и иные критерии отбора. В связи с этим одно лишь желание лица воспользоваться данным видом освобождения само по себе не порождает права на освобождение. Реализация ст. 78[1] УК РФ опосредуется решением органа военного управления, который не осуществляет правосудие, но фактически влияет на возможность применения нормы. На практике отказ в выдаче соответствующего документа, в том числе по мотивам отсутствия потребности в пополнении личного состава или несоответствия кандидата установленным требованиям, исключает саму возможность постановки вопроса об освобождении по данному виду освобождения. Таким образом, в конструкции ст. 78[1] УК РФ присутствует дополнительный административно-организационный уровень усмотрения, предшествующий уголовно-правовому решению суда и определяющий реальную достижимость данного вида освобождения.

К видам освобождения от уголовной ответственности, находящимся на стыке дискреционной и императивной моделей, относятся конструкции примечаний к отдельным статьям Особенной части УК РФ внешне воспроизводящие императивную модель вследствие использования формул «лицо освобождается» либо «подлежит освобождению». Именно по этой причине большинство авторов относит эти виды к императивным[1]. Однако фактическая применимость этих норм обусловлена оценкой условий, включающих элементы, требующие усмотрения правоприменителя (добровольное прекращение противоправной деятельности, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, своевременное сообщение органам власти о готовящемся преступлении). Такие

[1] См., напр.: Коняхин В.П., Батютина Т.Ю. Новации особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в контексте современной геополитической ситуации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 2 (52). С. 70-77; Бурлаков В.Н., Селиверстова М.А. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности // Правоприменение в публичном и частном праве. 2022. С. 23-28 и др.

конструкции предусмотрены примечаниями к ст. 110^2, 126, 127^1, 173^1, 178, 184, 187, 195, 200^1, 200^5, 200^7, 201^2, 204, 204^1, 204^2, 205, 205^1, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 210, 212, 222, 222^1, 222^2, 223, 223^1, 228, 228^3, 275, 275^1, 281^1, 281^2, 281^3, 282^1, 282^2, 282^3, 284^1, 285^5, 291, 291^1, 291^2, 307, 322^2, 322^3, 330^3 УК РФ. Структура указанных норм задает обязательное правовое последствие, но его реализация зависит от интерпретации и проверки предпосылок, которые не исчерпываются исключительно формальными признаками, как это имеет место в императивных видах освобождения, и предполагают оценку их содержания, релевантности и достаточности. В результате указанные нормы занимают пограничное положение между императивными и дискреционными видами освобождения от уголовной ответственности. Их целесообразно именовать *квази-императивными видами освобождения от уголовной ответственности*. Не устраняя усмотрение из сферы установления условий освобождения и их юридической оценки, они исключают свободу выбора правоприменителя между альтернативными последствиями при признании условий выполненными.

Анализ судебной практики показывает, что в рассматриваемой группе видов преобладают оценочные элементы. При разрешении уголовно-правового конфликта ключевое значение имеет усмотрение суда. Именно суд на основе совокупной оценки доказательств формирует внутреннее убеждение о наличии необходимых условий и их достаточности для освобождения. Решающим становится не формальное наличие отдельных признаков, а их содержательная оценка с учетом обстоятельств конкретного дела, что повышает требования к мотивировке судебных актов и обусловливает возможную вариативность подходов.

Так в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной

ответственности» (далее – постановление Пленума от 27.06.2013 г. № 19)[1] разъясняет, что по каждому уголовному делу надлежит проверять, имеются ли основания для освобождения, предусмотренные ст. 75, 76, 76^1, 76^2 или 78 УК РФ. Данные разъяснения относятся к общим дискреционным видам освобождения, где законодатель использует формулу «может быть освобождено» (ст. 75, 76, 76^2 УК РФ). Ключевая особенность этих норм состоит в наличии оценочных признаков позитивного посткриминального поведения, подлежащих судейской оценке, таких как деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, заглаживание вреда. При этом суд после оценки этих условий вправе отказать в освобождении, даже если признает их формально выполненными. Таким образом, в общих дискреционных видах оценочные признаки сочетаются с правом, а не обязанностью суда принять решение об освобождении.

Иной механизм заложен в специальных квази-императивных видах освобождения, предусмотренных примечаниями к отдельным статьям Особенной части УК РФ. В них законодатель использует формулу «освобождается» либо «подлежит освобождению», что внешне воспроизводит императивную модель. Однако фактическая применимость этих норм также обусловлена оценкой условий, включающих элементы, требующие усмотрения правоприменителя, к числу которых относятся добровольное прекращение противоправной деятельности, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, своевременное сообщение органам власти о готовящемся преступлении.

Разница между двумя группами видов принципиальна и состоит в том, что в общих дискреционных видах суд после исследования оценочных условий вправе отказать в освобождении, даже если признает их формально выполненными, в специальных квази-императивных видах суд не вправе отказать, если признает оценочные условия выполненными, то есть освобождение становится для него

[1] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 : [в ред. от 29 ноября 2016 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

обязанностью. Механизм же самой оценочной деятельности суда (проверка добровольности, полноты, достаточности содействия) идентичен.

Эта логика прослеживается в разъяснениях по отдельным категориям дел. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 18 от 9 июля 2020 года «О судебной практике по делам о незаконном пересечении государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» (далее – постановление Пленума от 09.07.2020 г. № 18) дается определение ключевому понятию «способствование раскрытию преступления» применительно к ст. 322^3 УК РФ (фиктивная постановка на учет иностранных граждан). В п. 17 постановления Пленума от 09.07.2020 г. № 18 указано, что под этим следует понимать действия, направленные на оказание содействия в установлении всех обстоятельств, а также в изобличении соучастников, при этом решение о наличии или отсутствии основания для освобождения по каждому уголовному делу суд принимает сам, в зависимости от характера, содержания и объема совершенных лицом действий, а также их значения для следствия, с приведением в судебном решении мотивов. Норма закона говорит «освобождается», а Пленум Верховного Суда РФ уточняет, что это будет иметь место только если содействие будет признано судом достаточным[1]. Это есть модель квази-императивности, связанная с отсутствием четких формальных критериев и направляющей ролью судейского усмотрения.

Наглядно эта логика раскрывается в практике применения указанных примечаний к статьям Особенной части УК РФ. В постановлении Чистопольского городского суда Республики Татарстан от 21 сентября 2025 г. по делу № 1-182/2025 суд, установив, что подсудимая до возбуждения дела дала объяснения с изложением всех обстоятельств, а впоследствии дала подробные признательные показания, расценил это как достаточное «способствование раскрытию». В последствии было применено освобождение, при этом суд специально подчеркнул

[1] О судебной практике по делам о незаконном пересечении государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 : [в ред. от 23 декабря 2025 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.

императивный характер примечания при выполнении условий[1]. В противоположном примере, которым служит постановление Приокского районного суда Нижегородской области от 28 сентября 2025 г. по делу № 1-259/2025 суд отказал в освобождении, поскольку выявление условий произошло в ходе оперативно-профилактических мероприятий полиции, а подсудимая лишь подтвердила уже известные факты, не сообщив новой информации. Ее признание было учтено как смягчающее обстоятельство, но не как «способствование раскрытию» в смысле примечания, предусматривающего освобождение от уголовной ответственности[2].

Аналогичный подход прослеживается в практике применения коррупционных составов, освобождение от ответственности по которым предусмотрено примечаниями к ст. 204 (коммерческий подкуп), 204^1 (посредничество в коммерческом подкупе), 204^2 (мелкий коммерческий подкуп), 291 (дача взятки), 291^1 (посредничество во взяточничестве), 291^2 (мелкое взяточничество) УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее – постановление Пленума от 09.07.2013 г. № 24) разъясняет ключевые оценочные признаки, необходимые для освобождения. К их числу в соответствии с п. 29 постановлению Пленума от 09.07.2013 г. № 24 относятся активное способствование раскрытию и расследованию преступления, а также добровольное сообщение о преступлении либо факт вымогательства взятки или предмета коммерческого подкупа. При этом сообщение признается добровольным независимо от мотивов, однако заявление, сделанное в связи с задержанием по подозрению в совершении этого преступления, добровольным не является. Активное способствование предполагает действия, направленные на изобличение причастных лиц, обнаружение имущества,

[1] Постановление Чистопольского городского суда Республики Татарстан от 21 сентября 2025 г. по делу № 1-182/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 21.12.2025).

[2] Постановление Приокского районного суда Нижегородской области по делу от 28 сентября 2025 г. по делу №1-259/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 21.12.2025).

переданного в качестве взятки или предмета подкупа, и др. Кроме того, в п. 30 постановления Пленума от 09.07.2013 г. № 24 разъясняется, что освобождение от ответственности взяткодателя или лица, совершившего коммерческий подкуп, при наличии вымогательства и активного способствования раскрытию преступления не означает отсутствия в их действиях состава преступления, что подчеркивает нереабилитирующий характер данного освобождения[1].

Судебная практика демонстрирует различные результаты оценки указанных оценочных признаков. Так, Суровикинский районный суд Волгоградской области постановлением от 09 сентября 2025 г. по делу № 1-63/2025 освободил студентку, обвинявшуюся в покушении на дачу взятки через посредника, применив примечание к ст. 291 УК РФ. Суд установил явку с повинной, признательные показания, а также добровольность (показания даны в статусе свидетеля до задержания) и активное способствование. Сославшись на п. 29 постановления Пленума от 09.07.2013 г. № 24, суд дал положительную оценку обоим оценочным признакам и освободил фигурантку от ответственности[2]. Напротив, приговором Кабанского районного суда Республики Бурятия от 24 сентября 2025 г. по делу № 1-189/2025 суд отказал в освобождении по тому же примечанию. Суд установил отсутствие добровольного сообщения, поскольку сведения о преступлении получены в ходе расследования иных эпизодов, а последующая явка имела место при наличии у следствия подтверждающих материалов. Активное содействие было признано смягчающим обстоятельством (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) в соответствии с п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[3] (далее – постановление Пленума от 22.12.2015 г. № 58), но не повлекло освобождения. Суд дал отрицательную оценку признаку добровольности, и

---

[1] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 : [в ред. от 9 декабря 2025 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

[2] Постановление Суровикинского районного суда Волгоградской области от 9 сентября 2025 г. по делу № 1-63/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 21.12.2025).

[3] О практике назначения судами Российской Федерации Уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 : [в ред. от 23 декабря 2025 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

императивное предписание примечания (лицо освобождается) не было реализовано[1].

Та же логика прослеживается и при применении примечания к ст. 200[5] УК РФ (незаконная передача денег в сфере госзакупок). Постановлением Октябрьского районного суда города Белгорода от 05 марта 2024 г. по делу № 1-26/2024 суд прекратил уголовное дело в отношении генерального директора, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Суд оценил достаточность и значимость содействия, достоверность сведений и реальный вклад в изобличение соучастников[2].

Обобщая приведенные примеры и их соотношение с правовыми позициями Верховного Суда РФ, можно сделать следующий вывод. Верховный Суд РФ, с одной стороны, последовательно требует от судов императивного применения норм об освобождении при наличии необходимых условий. С другой стороны, в своих разъяснениях он определяет эти условия через оценочные категории («способствование раскрытию», «добровольность», «активное содействие»), не имеющие формальных измерителей. Таким образом, на уровне высшей судебной инстанции закрепляется механизм, при котором обязанность суда освободить лицо от ответственности находится в прямой зависимости от его собственного усмотрения, сформированного на основе оценки этих признаков. Эта особенность, пронизывающая специальные разъяснения по отдельным категориям дел (постановление Пленума от 09.07.2020 г. № 18 и постановление Пленума от 09.07.2013 г. № 24), служит формальным выражением предложенной идеи квази-императивных видов освобождения от уголовной ответственности. При положительной интерпретации оценочных признаков освобождение является обязательным, а при отрицательной не наступает и позитивное посткриминальное поведение лица учитывается как смягчающее обстоятельство. Тем самым квази-императивные виды освобождения занимают промежуточное положение между

[1] Приговор Кабанского районного суда Республики Бурятия от 24 сентября 2025 г. по делу № 1-189/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 27.12.2025).

[2] Постановление Октябрьского районного суда города Белгород от 05 марта 2024 г. по делу № 1-126/2024 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 27.12.2025).

истинно императивными (автоматическое освобождение при формальных условиях) и дискреционными (свобода выбора последствия даже при наличии условий).

Иная логика прослеживается в примечаниях, закрепляющих специальные виды освобождения от ответственности за совершение преступлений против военной службы (ст. 337, 338, 352[1] УК РФ). Они служат единственными примерами «чистых» дискреционных механизмов, закрепленных в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ.

Для деяний, связанных с самовольным оставлением части и дезертирством (ст. 337 и 338 УК РФ), ключевым выступает «стечение тяжелых обстоятельств». Это открытое, заведомо оценочное условие, требующее установления причинно-следственной связи между комплексом неблагоприятных факторов и решением военнослужащего совершить противоправное деяние. Как указывает Я.М. Кириллова, примечания к данным статьям закрепляют часть из немногочисленных видов освобождения от уголовной ответственности, не являющихся формами деятельного раскаяния[1].

Оценка этого признака носит поэтапный характер. На первом этапе идентифицируются сами «тяжелые обстоятельства», в качестве которых могут выступать длительное психофизическое воздействие, чрезвычайные семейные события, форс-мажорные факторы служебной обстановки, медицинские и психические состояния, объективно препятствующие несению службы. На втором устанавливается их совокупная роль, поскольку изолированное обстоятельство редко бывает достаточным, решающее значение имеет их совокупность и интенсивность. Третий этап предполагает проверку причинной связи. Должно быть доказано, что именно совокупность обстоятельств обусловила противоправное решение, а не служила лишь удобным предлогом[2].

---

[1] Кириллова Я.М. Освобождение от уголовной ответственности в российском уголовном праве: монография. Издательство: Издательские решения, 2021. С. 61.

[2] Бурлаков В.Н., Селиверстова М.А. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности. С. 23-28.

В ст. 352[1] УК РФ, в примечании к которой освобождение связывается преимущественно с посткриминальными действиями лица, что является формой деятельного раскаяния, акцент смещается с причин совершения деяния на то, как лицо ведет себя после него. Здесь имеют значение добровольное прекращение противоправного состояния, незамедлительное возвращение к исполнению обязанностей, активное способствование предотвращению последствий и раскрытию преступления, содействие другим военнослужащим, предоставление значимой информации, участие в последующем выполнении задач[1].

Таким образом, специальные механизмы, предусмотренные примечаниями к ст. 337, 338, 352[1] УК РФ, демонстрируют дискрецию, при которой норма позволяет, но не обязывает освобождать, а исход определяется не только формальными фактами, но и качественной оценкой причин, последствий и посткриминального поведения. Дискреционная природа анализируемых видов находит объяснение в теории уголовного права. По П. В. Вдовцеву, необходимость усмотрения в дискреционных видах освобождения от уголовной ответственности, в том числе предусмотренных примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, обусловлена тем, что ограничение общественной опасности носит условно установленный законом характер, не вытекает из объективного факта, а задается законом и оценивается судом[2]. Если истечение сроков давности (объективное ограничение) влечет обязанность освобождения, то позитивные действия лица являются лишь субъективным ограничением, которое государство не обязано, а вправе признать достаточным для отказа от уголовного преследования. Поскольку такие действия только объявляются законом эквивалентными утрате общественной опасности (юридическая фикция), необходима их оценка публичным субъектом. Игнорирование этого механизма и конструирование императивной обязанности

[1] Теуважев З.А., Корженко В.С. Проблемные аспекты правоприменительной практики по статье 352.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Добровольная сдача в плен» // Право и управление. 2023. № 2. С. 255-257.

[2] Вдовцев П.В. Освобождение от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела): право или обязанность правоприменителя? С. 27-32.

освобождать там, где требуется оценка, ведет к искажению правовой природы деяния.

Подводя итог, следует сделать ряд выводов.

1. Развитие дискреционного освобождения от уголовной ответственности показывает, что в российском праве давно существовали не только карательные, но и более гибкие способы реагирования на преступление. Сначала это было примирение сторон, возмещение вреда и посредничество церкви. Позднее, когда на первый план вышел публичный интерес, возможности усмотрения суда стали более ограниченными. В дореволюционный и советский периоды такие оценочные виды постепенно получили правовое закрепление, а в УК РФ 1996 г. были окончательно оформлены как целостная система дискреционного освобождения от уголовной ответственности.

2. В настоящее время *система дискреционного освобождения от уголовной ответственности* в российском уголовном праве включает совокупность механизмов, применение которых неизбежно опирается на оценку судом степени выполнения предусмотренных законом условий и их влияния на общественную опасность личности, то есть условия выступают необходимыми, но не самодостаточными для прекращения преследования. Систему дискреционного освобождения от уголовной ответственности образуют общие и специальные виды освобождения. К общим видам относятся деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ), примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), а также судебный штраф как особая компромиссная модель освобождения с публично-правовым обременением (ст. 76^2 УК РФ). Специальный дискреционный блок образуют «чистые» дискреционные виды и квази-императивные. К числу первых относятся виды освобождения, предусмотренные примечаниями к ст. 337, 338, 352^1 УК РФ. Ко вторым – примечания к статьям Особенной части УК РФ, которые внешне конструируют обязанность освободить, но фактически требуют оценочной проверки условий (ст. 110^2, 126, 127^1, 173^1, 178, 184, 187, 195, 200^1, 200^5, 200^7, 201^2, 204, 204^1, 204^2, 205, 205^1, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 210, 212, 222, 222^1, 222^2, 223,

223^1, 228, 228^3, 275, 275^1, 281^1, 281^2, 281^3, 282^1, 282^2, 282^3, 284^1, 285^5, 291, 291^1, 291^2, 307, 322^2, 322^3, 330^3 УК РФ).

В целях обеспечения целостного и наглядного представления о содержательном наполнении системы дискреционного освобождения от уголовной ответственности их содержание сведено в обобщенную таблицу (Приложение 1).

3. *Судебный штраф представляет собой особую форму реализации уголовной ответственности (квази-ответственность)*, при которой государство отказывается от вынесения обвинительного приговора и назначения наказания, заменяя их условным имущественным обременением, окончательность которого поставлена в зависимость от исполнения лицом возложенной обязанности. Двойное законодательное оформление (ст. 76^2 и глава 15^2 УК РФ) выступает не недостатком юридической техники, а адекватным отражением сложной, гибридной правовой природы данного вида освобождения.

4. Квази-императивные виды освобождения от уголовной ответственности представляют собой предусмотренные уголовным законом механизмы, в которых норма формулирует обязательное правовое последствие («лицо освобождается», «подлежит освобождению»), но его реализация зависит от предварительного оценочного установления предусмотренных законом условий, выраженных через неопределенные (оценочные) признаки (добровольность, своевременность, активное способствование и пр.).

ГЛАВА 2. УСЛОВИЯ И ОСНОВАНИЕ ДИСКРЕЦИОННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 2.1. Понятие, виды и значение условий дискреционного освобождения от уголовной ответственности

Исследование условий освобождения от уголовной ответственности сопряжено с необходимостью предварительного уточнения содержания самой данной категории. Примечательно, что в действующем уголовном законе понятие «условия освобождения от уголовной ответственности» не употребляется. В то же время оно используется в постановлении Пленума от 27.06.2013 г. № 19, однако без раскрытия ее содержания и критериев, позволяющих отграничить условия освобождения от иных элементов соответствующего уголовно-правового механизма. Подобная ситуация свидетельствует о наличии пробела, имеющего не только теоретическое, но и существенное практическое значение, поскольку отсутствие легального и официально разъясненного понимания условий освобождения неизбежно отражается на единообразии их восприятия в теории и правоприменении. Именно этим во многом объясняется наличие в научной литературе расхождений в подходах к определению условий освобождения от уголовной ответственности.

Например, А.А. Сизов, Р.Ф. Шахбазов и Л.А. Назаренко, под юридическими условиями освобождения от уголовной ответственности понимают признаки, прямо содержащиеся в соответствующей норме закона. По их мнению, условия – это законодательно заданные и проверяемые критерии применимости конкретного вида освобождения. В этом смысле условия выступают маркерами и фильтрами. Они, с одной стороны, очерчивают предел усмотрения правоприменителя, с другой – задают предмет доказывания и стандарты проверки. Перечень таких условий, по

сути, носит исчерпывающий характер в рамках каждой нормы и не подлежит расширительному толкованию[1].

По мнению Е.А. Хлебницыной и А.А. Чугунова, условия представляют собой требования, закрепленные в соответствующей норме УК РФ, выполнение которых указывает на возможность (в дискреционных моделях) либо необходимость (в императивных конструкциях) освобождения от уголовной ответственности[2]. Такое понимание условий освобождения корреспондирует логике главы 11 УК РФ и примечаниям к статьям Особенной части УК РФ, поскольку именно текст нормы задает перечень проверяемых признаков и очерчивает пределы усмотрения.

Как верно отмечают П.Д. Фризен и С.Е. Суверов, без выполнения условий само по себе, например, внутреннее раскаяние лица, даже если оно искреннее, не может служить поводом для прекращения уголовного дела на досудебной стадии или в суде[3].

Обращение к Толковому словарю русского языка показывает, что одно из базовых значений слова «условие» определяется как «данные, требования, из которых следует исходить»[4]. Иными словами, условие задает исходные предпосылки, при соблюдении которых возможно наступление определенного результата. Характерный речевой оборот «при условии, что…» прямо выражает логику обусловленности: указанное последствие наступает только в случае выполнения названного требования, а если оно не выполнено, результат не наступает. «Условие» фиксирует не причину, а необходимую предпосылку, выступающую обязательным фильтром для реализации соответствующего действия или правового эффекта[5].

---

[1] Сизов А.А., Шахбазов Р.Ф., Назаренко Л.А. Некоторые аспекты освобождения от уголовной ответственности по российскому законодательству // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 5-5. С. 818-822.

[2] Хлебницына Е.А., Чугунов А.А. «Основание» и «условие» освобождения от уголовной ответственности: соотношение понятий (на примере ст. 76.2 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 169.

[3] Фризен П.Д., Суверов С.Е. Подходы к пониманию условий освобождения от уголовной ответственности (на основе анализа судебно-следственной практики применения статей 76 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1 (41). С. 157-163.

[4] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. С. 3123.

[5] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 3123.

Таким образом, *условия освобождения от уголовной ответственности* следует определить как закрепленные законом, подлежащие проверке требования применимости конкретного вида освобождения, которым должно соответствовать деяние или лицо, его совершившее, сформулированные в тексте соответствующей нормы УК РФ.

Как справедливо отмечает Г.Н. Кучеров, «… дискреционное регулирование не предполагает произвольное принятие решения властным субъектом. Дискреционность предоставленных ему полномочий обусловлена еще и дискреционной природой самих оснований»[1].

Важно подчеркнуть функциональное назначение условий дискреционного освобождения, которое не сводится только к тому, как по закону оценивается совершенное деяние. Они выполняют регулятивную функцию, задавая модель должного поведения лица после совершения преступления, и охранительную функцию, ограждая общество от лиц, не желающих вставать на путь исправления. А.В. Ендольцева справедливо указывает на то, что условия освобождения выполняют также дифференцирующую функцию, позволяя разграничивать ситуации, когда лицо может быть освобождено от ответственности, и ситуации, когда применение мер государственного принуждения является неизбежным[2]. При этом принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в рамках дискреционных видов освобождения соблюдение условий открывает перед правоприменителем возможность выбора, но не обязывает его к принятию положительного решения. В этом состоит коренное отличие от императивных видов освобождения, где при отсутствии препятствий освобождение является обязательным.

Сказанное обусловливает необходимость систематизации условий дискреционного освобождения, представляющей собой сложную теоретическую задачу, поскольку множественность механизмов, закрепленных как в Общей, так и

---

[1] Кучеров Г.Н. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям. С. 28.

[2] Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: монография. С. 67.

в Особенной частях УК РФ, порождает значительное разнообразие требований применимости видов дискреционного освобождения.

Наиболее устоявшейся в доктрине является *классификация условий по их отраслевой принадлежности* на *материально-правовые* и *процессуальные*[1].

К первой группе относятся обстоятельства, характеризующие само деяние, личность виновного или его посткриминальное поведение. Так, согласно ч. 1 ст. 75 УК РФ, лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления оно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред. Все перечисленные обстоятельства носят материально-правовой характер, поскольку непосредственно влияют на установление степени общественной опасности личности.

Процессуальные условия, напротив, лежат в плоскости уголовно-процессуальной деятельности и касаются порядка реализации материального права. К ним относится согласие обвиняемого на прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию, что прямо вытекает из требований ст. 27 УПК РФ. С.Г. Келина подчеркивает, что процессуальные условия играют подчиненную роль по отношению к материальным, однако их соблюдение является обязательным, поскольку затрагивает конституционное право лица на защиту и на судебное обжалование решения[2].

Деление условий на материально-правовые и процессуальные имеет первостепенное значение для законодателя при конструировании межотраслевых связей уголовного и уголовно-процессуального права. Оно позволяет четко разграничить сферы правового регулирования: материальные условия определяют саму возможность освобождения, тогда как процессуальные – порядок ее реализации. Для правоприменителя это разграничение выступает ориентиром при

---

[1] См., напр.: Джамалдаев М.Э.У. Понятие, основания и условия освобождения от уголовной ответственности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4. С. 71-74 и др.

[2] Келина С.Г. Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления. М., 1994. С. 27.

проверке законности и обоснованности принимаемого решения. Смешение материальных и процессуальных требований ведет к тому, что суды либо отказывают в освобождении по формальным основаниям, либо, напротив, игнорируют отсутствие необходимых процессуальных гарантий, нарушая права участников процесса. Для лица, в отношении которого решается вопрос об освобождении, данная классификация значима постольку, поскольку она определяет, какие обстоятельства он должен доказать (например, факт возмещения ущерба), а какие лишь удостоверить своим согласием (например, согласие на прекращение дела по нереабилитирующему основанию).

В *зависимости от стадии уголовного судопроизводства*, можно выделить *условия, устанавливаемые на этапе предварительного расследования* (явка с повинной, способствование раскрытию преступления, возмещение ущерба), и *условия, проверяемые на судебных стадиях* (например, оценка возможности исправления несовершеннолетнего без применения наказания по ст. 90 УК РФ). Деление условий на материальные и процессуальные важно для определения субъекта, правомочного принимать решение об освобождении. В то же время ряд условий (например, заглаживание вреда по ст. 76 УК РФ) формально могут быть установлены на досудебных стадиях, однако их оценочный характер зачастую требует судебного контроля[1].

По степени обязательности условия освобождения от ответственности делятся на *общие* и *специальные*[2].

Общие условия характерны для подавляющего большинства видов дискреционного освобождения. Так, совершение преступления впервые является обязательным условием для применения ст. 75, 76, 76^2 УК РФ, а также ряда примечаний к статьям Особенной части УК РФ (например, примечания к ст. 187, 195, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338, 352^1 УК РФ).

---

[1] Овсянников И.В. Об освобождении от уголовной ответственности на стадии подготовки к судебному заседанию // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 45. С. 100-112.

[2] См., напр.: Савин А.А. Освобождение от уголовной ответственности. Классификация видов, основания и условия // Modern science. 2020. № 10-1. С. 193-197; Савин А.А., Мешков Д.Н. Освобождение от уголовной ответственности. Объективные и субъективные условия и основания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 233-236 и др.

Общие условия образуют тот нормативный фундамент, без которого дискреционный механизм не может быть приведен в действие в принципе. Они выполняют роль фильтра, отсеивающего те категории дел, где освобождение заведомо недопустимо в силу высокой общественной опасности деяния или лица, его совершившего. К числу таких универсальных требований, пронизывающих практически все дискреционные виды освобождения, следует отнести совершение преступления определенной категории (как правило, небольшой или средней тяжести), исключение здесь составляют виды освобождения, предусмотренные примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, допускающие освобождение по отдельным более тяжким преступлениям. Закрепление данного требования в Общей части УК РФ применительно к ст. 75, 76, 76^2 свидетельствует о том, что законодатель рассматривает его в качестве своеобразной «точки входа» в механизм поощрения, доступной лишь тем, чье деяние не представляет повышенной общественной опасности, с учетом ряда исключений. Как отмечает Н.Ф. Кузнецова, «категория преступления является тем стержнем, который определяет саму принципиальную возможность применения поощрительных норм»[1].

Специальные условия, напротив, специфичны для конкретных составов и призваны учесть особенности объекта посягательства или способа совершения преступления[2]. Так, примечание к ст. 222 УК РФ предусматривает освобождение от ответственности за незаконный оборот оружия при условии добровольной сдачи предметов преступления. По мнению Е.В. Благова, выделение специальных условий обусловлено необходимостью стимулировать лицо к отказу от владения предметами, изъятыми из гражданского оборота, что является специальной целью, не свойственной общим нормам[3].

---

[1] Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Городец, 2007. С. 234.

[2] Балмочных С. Ю. Дискреционные основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 23.

[3] Благов Е.В. Применение уголовного права: теория и практика. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. С. 210.

Специальные условия выполняют функцию индивидуализации, привязывая абстрактную возможность освобождения к конкретному составу преступления или специфической посткриминальной ситуации. Они могут быть как позитивными (требующими совершения определенных действий), например добровольное освобождение похищенного (ст. 126 УК РФ), добровольная сдача предметов преступления (ст. 222 УК РФ), добровольное и своевременное сообщение органам власти или иное способствование предотвращению ущерба (ст. 275 УК РФ), так и негативными (требующими отсутствия определенных обстоятельств), например, отсутствие в действиях лица иного состава преступления (ст. 126, 206, 208 УК РФ).

Исследование примечаний к статьям Особенной части УК РФ показывает, что законодатель использует специальные условия для решения двух основных задач. Во-первых, для стимулирования отказа от особо опасных форм преступного поведения, например, примечания к ст. 126, 127^1, 205, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 275 УК РФ. Во-вторых, для учета специфики объекта посягательства, когда общие условия (например, возмещение ущерба) оказываются недостаточными для восстановления нарушенных общественных отношений. Наиболее наглядно это проявляется в примечаниях к ст. 204, 204^1, 204^2, 291, 291^1 и 291^2 УК РФ, где освобождение зависит не от компенсации, а от добровольного сообщения о подкупе или даче взятки и активного способствования раскрытию и расследованию преступления, поскольку вред причиняется не только имущественной сфере, но и нормальному функционированию публичной службы и управления. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова в этой связи подчеркивают, что специальные условия зачастую носят компромиссный характер, по существу, предлагая лицу определенную процессуальную сделку: отказ от преступной деятельности или восстановление нарушенного блага в обмен на освобождение от ответственности[1].

Взаимосвязь общих и специальных условий не является простым суммированием. Они образуют иерархическую систему, в которой общие условия выступают необходимым базисом, а специальные – дополнительными признаками,

[1] Козаченко И. Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. С. 327.

позволяющими дифференцировать основания освобождения. П.С. Яни указывает, что специальные условия никогда не отменяют общие, если иное прямо не оговорено в законе. Они лишь дополняют их, создавая сложный состав юридического факта, необходимого для освобождения[1].

Классификация условий на общие и специальные имеет ключевое значение для понимания объема дискреционных полномочий правоприменителя. Общие условия задают жесткие рамки, за пределами которых освобождение невозможно. Они выполняют функцию гарантии от необоснованного применения поощрительных норм. Специальные же условия, напротив, расширяют сферу усмотрения, позволяя учитывать специфику конкретного преступления и личности виновного. Для законодателя это деление служит инструментом дифференциации освобождения от ответственности, позволяя создавать специальные нормы, адаптированные к отдельным видам преступлений. Для лица, совершившего преступление, оно дает понимание того, какие дополнительные шаги (помимо общих требований) необходимо предпринять для получения освобождения по конкретному составу.

Традиционным для уголовно-правовой теории является деление условий освобождения от уголовной ответственности на *объективные* и *субъективные*. Основанием такого деления выступает *характер тех обстоятельств, с которыми законодатель связывает возможность либо необходимость прекращения уголовно-правового преследования*: одни из них существуют независимо от сознания и волеизъявления лица, другие, напротив, непосредственно обусловлены его поведением, мотивами и внутренним отношением к содеянному[2].

Объективные условия представляют собой такие юридически значимые обстоятельства, которые не зависят от психического отношения лица и его последующего волевого выбора. Их наличие или отсутствие определяется по внешним, поддающимся установлению признакам, не требующим оценки

---

[1] Яни П.С. Освобождение от ответственности за подготовку к теракту // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 27.

[2] См., напр.: Новиков В.А. Освобождение от уголовной ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 13.

внутренней мотивации субъекта. К числу подобных условий может быть отнесена, в частности, категория совершенного преступления, если именно с ней законодатель связывает допустимость применения соответствующего вида освобождения. К объективным условиям относят также факт возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного вреда в той части, в которой речь идет именно о самом результате в виде компенсации имущественных потерь, возврата имущества, устранения причиненных последствий[1].

Субъективные условия, напротив, связаны с волевой и интеллектуальной сферой поведения лица после совершения преступления. Они предполагают установление не только самого факта определенного действия, но и его внутренней направленности, мотивированности, осознанности и добровольности. Иначе говоря, в подобных случаях для правоприменителя имеет значение не только то, что сделал субъект, но и то почему и при каких внутренних побуждениях он это сделал[2].

Показательно, что субъективный элемент может иметь решающее значение и в других случаях, когда уголовный закон связывает благоприятные последствия с посткриминальным поведением лица. Так, явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, примирение с потерпевшим, заглаживание причиненного вреда в ряде ситуаций требуют оценки не только внешней стороны действий, но и их действительного содержания. Например, возмещение ущерба, произведенное исключительно под непосредственным давлением следственной ситуации и без какого-либо стремления устранить вред, формально может совпадать с законным требованием, однако в доктринальном плане ставит вопрос о действительном характере позитивного постпреступного поведения. Аналогично и примирение с потерпевшим не может рассматриваться сугубо механически, значимым является вопрос о том, свидетельствует ли оно о реальном урегулировании конфликта либо носит лишь формальный характер.

---

[1] Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: монография. С. 66.

[2] Сухарева Н.Д. Классификация видов освобождения от уголовной ответственности. С. 42.

В качестве примера того, как суд не стал рассматривать примирение с потерпевшим по формальным признакам, а оценил его действительность выступает приговор Еравнинского районного суда Республики Бурятия от 05 декабря 2019 г. по делу № 1-156/2019 о преступлении, предусмотренном ст. 116[1] УК РФ. Исходя из текста приговора следует, что несмотря на наличие ходатайства о прекращении уголовного дела за примирением сторон, заявленного подсудимым и потерпевшей, суд отказал в его удовлетворении, установив отсутствие действительного примирения. Как указал суд, потерпевшая сообщила, что «вынуждена простить» подсудимого, поскольку она вместе с малолетним ребенком материально зависит от него. Кроме того, было установлено, что подсудимый и ранее неоднократно применял к ней физическую силу и посягал на ее здоровье. При таких обстоятельствах суд пришел к выводу, что формального заявления о примирении недостаточно, поскольку реального урегулирования конфликта между сторонами не достигнуто[1]. Данный пример показателен тем, что суд исследовал не только внешнюю форму посткриминального поведения, но и его фактическое содержание, отказавшись признавать примирение состоявшимся лишь на основании соответствующего ходатайства сторон.

Разграничение условий освобождения от уголовной ответственности на объективные и субъективные имеет существенное гносеологическое и прикладное значение. В познавательном плане оно позволяет разграничить, с одной стороны, обстоятельства, устанавливаемые преимущественно путем фиксации внешних юридических фактов, а с другой – обстоятельства, требующие проникновения в волевую природу поведения лица и оценки его внутреннего отношения к совершаемым либо совершенным действиям. В практическом плане указанное деление задает различный стандарт доказывания и различную методику правоприменительной оценки. Если объективные условия, как правило, подтверждаются документально либо иными внешними доказательствами, то субъективные требуют более сложной оценки совокупности фактических данных:

[1] Приговор Еравнинского районного суда Республики Бурятия от 05 декабря 2019 г. по делу № 1-156/2019 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 01.07.2026).

показаний самого лица, поведения до и после совершения преступления, характера предпринятых им действий, временного интервала между преступлением и последующим поведением, наличия либо отсутствия внешнего принуждения.

Таким образом, деление условий освобождения от уголовной ответственности на объективные и субъективные позволяет более точно раскрыть юридическую природу соответствующих требований, конкретизировать предмет доказывания по каждому основанию освобождения и обеспечить надлежащее соотношение формально-юридического и содержательного подходов в правоприменении. Именно учет как внешних, так и внутренних характеристик поведения лица делает возможным обоснованное решение вопроса о допустимости освобождения от уголовной ответственности в каждом конкретном случае.

Особого внимания заслуживает классификация условий *в зависимости от субъекта, чья воля имеет определяющее значение для их реализации*. В рамках данного критерия выделяются три основные группы. Первая группа – *условия, зависящие от воли лица, совершившего преступление*. Сюда относятся все формы деятельного раскаяния (явка с повинной, способствование раскрытию преступления, заглаживание вреда), а также согласие на применение иных мер уголовно-правового характера, например, на назначение судебного штрафа по ст. 76^2 УК РФ[1]. Вторая группа – *условия, зависящие от воли потерпевшего*. Центральным здесь выступает факт примирения с потерпевшим, предусмотренный ст. 76 УК РФ. При этом, как верно указывает Л.В. Головко, воля потерпевшего не является абсолютной: правоприменитель обязан проверить, не было ли примирение вынужденным или мнимым, а также оценить характер заглаживания вреда[2]. Третья группа – *условия, зависящие от усмотрения правоприменителя* (следователя, дознавателя, суда). К ним относится, например, оценка возможности исправления несовершеннолетнего без применения наказания (ст. 90 УК РФ). Т.А. Лесниевски-Костарева обоснованно полагает, что подобные оценочные

[1] Соловьев А.Г. Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 21.

[2] Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 102.

категории являются наиболее сложными в правоприменении, поскольку они напрямую связаны с внутренним убеждением субъекта, принимающего решение[1]. В свою очередь последующая оценка внутреннего убеждения также сложна, в первую очередь из-за соотношения с принципом справедливости[2].

Представленная классификация имеет выраженное практическое значение для распределения бремени доказывания и учета волеизъявления участников процесса. Условия, зависящие от воли обвиняемого, требуют от него активных действий и, соответственно, именно он должен их инициировать. Условия, зависящие от воли потерпевшего, ставят возможность освобождения в прямую зависимость от усмотрения жертвы преступления, что выступает важной гарантией восстановления ее прав. Условия, зависящие от усмотрения правоприменителя, наиболее сложны, поскольку они связаны с оценкой поведения лица и обстоятельств дела. Логично следует, что субъектная привязка условий позволяет обеспечить баланс публичных и частных начал в уголовном судопроизводстве.

Рассмотренные основания классификации в их совокупности, позволяют раскрыть условия дискреционного освобождения не как разрозненный перечень требований, а как целостную систему, элементы которой находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Системный подход к условиям освобождения дает возможность не только упорядочить нормативный материал, но и выявить те закономерности, которые определяют эффективность реализации поощрительных норм на практике. Каждое из представленных оснований классификации выполняет в этом системном анализе свою уникальную функцию и имеет конкретное практическое значение для различных субъектов уголовно-правовых отношений.

Для целей исследования дискреционных видов освобождения от уголовной ответственности указанные подходы позволяют выявить отдельные свойства

---

[1] Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. М.: НОРМА, 1998. С. 145.

[2] См., напр.: Андреев С.П., Антонов А.Г. Актуальные вопросы обеспечения принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа: монография. СПб.: СПбУ МВД России, 2025. С. 9; Андреев С. П. Обеспечение принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. С. 15.

соответствующих требований, однако не дают ответа на принципиально важный для правоприменения вопрос: какова степень определенности того или иного условия в законе и, следовательно, каков объем усмотрения, предоставляемого правоприменителю при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности. В доктрине уголовного права отсутствует систематизированное деление условий по критерию того, насколько точно, формализованно или, напротив, оценочно они сформулированы в законе. Между тем именно от этого параметра напрямую зависит объем усмотрения правоприменителя, предсказуемость принимаемых решений и, в конечном счете, эффективность реализации поощрительных норм.

Некоторые авторы обращали внимание на разную степень определенности условий в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. В частности, В.К. Дуюнов указывал на то, что одни примечания содержат четкие указания на размер вреда, подлежащего возмещению, тогда как другие оперируют категорией «вред, причиненный интересам общества и государства»[1]. Однако подобные наблюдения не возводились в ранг самостоятельного классификационного критерия. Данный пробел представляется существенным, поскольку без учета степени формализации условий невозможно полноценно оценить природу дискреционных полномочий правоприменителя.

Целесообразно предложить иной, ранее не получивший самостоятельного оформления в качестве общего классификационного критерия, подход, основанный на *степени нормативной определенности условий освобождения от уголовной ответственности*. С позиций данного критерия условия следует подразделять на *формальные*, *оценочные* и *смешанные*. Такая классификация позволяет не только более точно охарактеризовать содержание самих условий, но и выявить их функциональное значение в механизме применения именно дискреционных видов освобождения от уголовной ответственности.

[1] Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 7.

Формальные условия представляют собой такие требования, содержание которых прямо закреплено в уголовном законе либо вытекает из него с достаточной степенью определенности и не требует сложной ценностной интерпретации. Их установление осуществляется преимущественно путем констатации юридического факта, а свобода усмотрения правоприменителя в данном случае сведена к минимуму.

Применительно к дискреционным, включая квази-императивные виды освобождения от уголовной ответственности формальные условия имеют особое функциональное назначение. Они, как правило, не образуют собственно содержательного повода к освобождению, а выступают в качестве *признаков допустимости его применения*. Иными словами, формальные условия очерчивают пределы, в рамках которых правоприменитель вправе проводить оценку иных условий.

Например, в соответствии со ст. 75, 76, 76^2 УК РФ *освобождение допускается лишь в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести*. Данное условие, представляется вполне оправданным, поскольку общественная опасность тяжких и особо тяжких преступлений, как правило, столь высока, что их совершение не может быть компенсировано никаким посткриминальным поведением. Законодатель, таким образом, устанавливает презумпцию, в силу которой лицо, посягнувшее на наиболее значимые общественные отношения, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях, вне зависимости от его последующих заслуг, за исключением случаев, когда законодатель прямо предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления в примечаниях к соответствующим статьям Особенной части УК РФ (ст. 110^2, 126, 127^1, 184, 187, 205, 205^1, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 210, 212, 222, 222^1, 222^2, 223, 223^1, 275, 275^1, 281^1, 281^2, 281^3, 282^1, 282^2, 282^3, 285^5 УК РФ). Категория преступления является той основой, которая определяет саму принципиальную возможность применения поощрительных норм.

Еще одним *формальным условием освобождения от уголовной ответственности выступает совершение преступления впервые*. Формальный характер данного условия обусловлен тем, что его установление не связано с оценкой личностных свойств виновного, степени его нравственной деформации или особенностей посткриминального поведения, а предполагает выявление строго определенных юридических фактов, имеющих значение для уголовно-правовой квалификации статуса лица. При этом термин «впервые» в контексте статей УК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности, следует рассматривать не в обыденном, а в специальном значении. Его содержание не сводится к указанию на отсутствие в биографии лица какого-либо предшествующего преступного эпизода, поскольку в уголовно-правовом смысле решающее значение имеет не сам по себе факт совершения деяния в прошлом, а наличие либо отсутствие сохраняющихся уголовно-правовых последствий такого деяния. Иными словами, признак «впервые» носит не фактический, а юридический характер, что придает ему значение формализованного критерия, подлежащего установлению на основе объективно проверяемых обстоятельств.

Указанный подход получил закрепление в п. 2 постановления Пленума от 27.06.2013 г. № 19, в котором определен круг случаев, когда лицо для целей освобождения от уголовной ответственности должно признаваться впервые совершившим преступление. Таковым, в частности, является лицо:

«а) совершившее одно или несколько преступлений […], ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности […];

г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;

д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности»[1].

Иную природу имеют *оценочные условия*, содержание которых закон не раскрывает в исчерпывающем виде, предоставляя правоприменителю возможность, а в действительности и необходимость, самостоятельно определять их наличие или отсутствие с учетом конкретных обстоятельств дела. Такие условия не могут быть установлены исключительно посредством формальной проверки. Они требуют содержательной интерпретации и мотивированной оценки. Именно при рассмотрении таких условий дискреция правоприменителя проявляется наиболее явно, поскольку необходимо решить не только вопрос о совершении определенных действий, но и об их достаточности, добросовестности, своевременности и значении для достижения целей соответствующей поощрительной нормы.

Наибольшая сложность правоприменения обусловлена тем, что оценочные условия допускают различные интерпретации. *К числу исключительно оценочных условий относится* прежде всего «*способствование раскрытию и расследованию преступления*» (ч. 1 ст. 75 УК РФ), а также сходные по юридической природе конструкции, содержащиеся в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, где законодатель использует формулы «*способствовало предотвращению*» (примечания к ст. 205, 275 УК РФ), «*способствовало раскрытию либо пресечению*» (примечания к ст. 210, 228, 228^3, 291^1 УК РФ), «*способствовало пресечению*» (примечание к ст. 284^1 УК РФ), «*способствовало предотвращению либо пресечению*» (примечания к ст. 205^1, 281^1, 282^3 УК РФ), «*способствовало раскрытию преступления*» (примечания к ст. 205^3, 212, 281^2, 322^2, 322^3 УК РФ), «*активно способствовало раскрытию или расследованию*» (примечания к ст. 178,

[1] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 : [в ред. от 29 ноября 2016 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

184, 187, 195, 200^5, 200^7, 204, 204^1, 204^2, 291, 291^2, 330^3 УК РФ). Оценочный характер данного условия обусловлен тем, что уголовный закон не раскрывает его содержание посредством формально определенных и исчерпывающих признаков: законодатель не указывает, какие именно действия лица должны рассматриваться как способствование, какова должна быть степень их активности, достаточности и результативности. Вследствие этого установить наличие данного условия исключительно путем констатации какого-либо юридического факта невозможно. Напротив, правоприменитель должен в каждом конкретном случае оценить, имело ли поведение лица реальное значение для установления обстоятельств преступления, выявления его участников, обнаружения следов преступной деятельности, предметов преступления либо иных значимых для доказывания данных.

Оценочный характер рассматриваемого условия наглядно проявляется в судебной практике. Так, постановлением Кировского районного суда от 28 января 2026 г. по делу № 1-199/2026 о преступлении, предусмотренном ст. 322^3 УК РФ, суд пришел к выводу о наличии способствования раскрытию преступления. Основанием для такого вывода послужило то, что лицо еще до возбуждения уголовного дела добровольно дало полные и развернутые объяснения об обстоятельствах фиктивной постановки иностранного гражданина на учет, указав. После возбуждения уголовного дела обвиняемый подтвердил эти сведения при допросе в качестве подозреваемого, активно сотрудничал со следствием, не скрывался и предоставил доступ для осмотра домовладения. Суд оценил совокупность этих действий как содействие установлению времени, места, способа и иных обстоятельств совершения преступления, что позволило применить примечание к ст. 322^3 УК РФ и освободить лицо от уголовной ответственности[1].

Иное имеет место в приговоре Енотаевского районного суда Астраханской области от 26 января 2026 г. по делу № 1-75/2025. В этом случае подсудимый также признал вину и дал подробные показания об обстоятельствах фиктивной

[1] Постановление Кировского районного суда от 28 января 2026 г. по делу № 1-199/2026 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 01.07.2026).

постановки на учет иностранных граждан, пояснив мотив своих действий, порядок оформления миграционных документов и фактическое место проживания зарегистрированных лиц. Однако суд не признал такие действия способствованием раскрытию преступления. Основанием для этого послужил вывод о том, что к моменту допроса подсудимого преступление уже было выявлено сотрудниками прокуратуры и полиции. В этой связи суд указал, что признательные показания лица не содержали новой информации для раскрытия преступления, а лишь подтверждали уже установленные обстоятельства. По существу, его действия были расценены как содействие расследованию уже раскрытого деяния, но не как способствование его раскрытию в смысле примечания к ст. 322^3 УК РФ[1].

Таким образом, сходные по внешнему выражению действия могут получать различную правовую оценку. Решающее значение приобретает не сам факт дачи объяснений или признательных показаний, а их реальное значение для раскрытия преступления, устанавливаемое судом, что и подтверждает оценочный характер рассматриваемого условия.

В приведенном выше примере обращает на себя внимание то, что суд ограничился исследованием возможности применении специального вида освобождения от уголовной ответственности и не ставил вопрос об освобождении от уголовной ответственности по общим видам – в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) либо с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ). Между тем применение указанных норм не зависит от того, на какой стадии процесса лицо заявило о своем поведении и содействии. Оно возможно и после возбуждения уголовного дела, и в ходе судебного разбирательства.

Поскольку речь шла о преступлении средней тяжести, данный вопрос, на наш взгляд, должен был быть обсужден. То обстоятельство, что он вообще не был затронут, наглядно демонстрирует более общую проблему. В практике вопросы применения этих норм нередко поднимаются спонтанно, ситуативно, несистемно, как правило, по инициативе стороны защиты. Иначе говоря, отсутствие ясного

[1] Приговор Енотаевского районного суда Астраханской области от 26 января 2026 г. по делу № 1-75/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 01.07.2026).

понимания порядка применения этих норм приводит к тому, что они обсуждаются непоследовательно и фрагментарно. В связи с этим особого внимания требует именно вопрос о порядке применения соответствующих видов освобождения от уголовной ответственности, который будет рассмотрен отдельно, далее в настоящем исследовании.

В системе условий дискреционного освобождения чисто оценочные конструкции встречаются сравнительно редко. Значительно чаще законодатель использует *смешанные* условия, специфика которых состоит в сочетании формально проверяемого признака и элементов, требующих оценки. Таким образом, правоприменитель должен не только установить наличие объективных обстоятельств, но и оценить их содержание и значение в конкретном деле. Речь здесь идет не о двух самостоятельных условиях, а об одном сложном условии, соединяющем оба элемента.

К числу таких *смешанных условий* следует относить, например, «*добровольное освобождение* …» (примечания к ст. 126, 127^{1}, 206 УК РФ), «*добровольное прекращение участия* …» (примечания к ст. 208, 210, 205^{4}, 205^{5}, 282^{1}, 282^{2} УК РФ), «*добровольная сдача* …», предполагающая сдачу предметов преступления (примечания к ст. 222, 222^{1}, 223, 223^{1}, 228 УК РФ), «*добровольное сообщение* …» (примечания к ст. 204, 291, 291^{1}, 291^{2} УК РФ) или «*добровольное и своевременное сообщение* …» (примечание к ст. 275 УК РФ).

Специфику установления смешанных условий можно наглядно проследить в постановлении Спасского районного суда Приморского края от 27 января 2026 г. по делу № 1-91/2026 в отношении лица, обвинявшегося по ч. 2 ст. 228 УК РФ, где суду предстояло установить не только сам факт сдачи наркотического средства, но и оценить ее добровольный характер. Формальный элемент данного условия был подтвержден объективно, поскольку ФИО1 после прибытия сотрудников полиции сообщил о наличии у него наркотического средства и частей наркосодержащего растения, указал место их хранения в кухонном шкафу, а затем при осмотре жилища эти предметы были изъяты и зафиксированы в протоколе. Таким образом,

сам факт сдачи в данном случае не вызывал сомнений и устанавливался посредством проверки конкретных процессуально закрепленных обстоятельств.

Более сложным в указанном примере является решение вопроса о добровольности такой сдачи, что потребовало от суда уже не формальной констатации, а оценки всей совокупности материалов дела. Суд учитывал, что сотрудники полиции прибыли по анонимному сообщению, до начала осмотра ФИО1 сам впустил их в квартиру, до производства следственного действия сообщил о наличии наркотического средства, после разъяснения права на добровольную выдачу показал место хранения запрещенных веществ, а затем, имея возможность распорядиться ими иным образом, в том числе уничтожить их до прибытия следственно-оперативной группы, этого не сделал и повторно выдал их дознавателю. Дополнительное значение имело и то обстоятельство, что судебное решение на проникновение в жилище не выносилось, оперативно-розыскные мероприятия не проводились, а сообщение о наличии наркотического средства исходило от самого ФИО1 еще до начала осмотра. При таких обстоятельствах суд признал, что в деле имела место именно добровольная сдача, и впоследствии освободил лицо от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 228 УК РФ[1].

Такие условия имеют сложную структуру. Их содержание образуют, с одной стороны, внешне выраженные действия, установление которых не предполагает оценочной деятельности правоприменителя (сдача предметов, освобождение похищенного, прекращение участия и др.), а с другой качественные характеристики этих действий, которые не могут быть установлены путем простой констатации факта и требуют оценки конкретных обстоятельств дела (добровольность, своевременность). Следовательно, подобные условия сочетают в себе одновременно формальный и оценочный элементы, что позволяет рассматривать их в качестве *смешанных условий* освобождения от уголовной ответственности и выделить в самостоятельную группу. Такое выделение, по

[1] Постановление Спасского районного суда Приморского края от 26 января 2026 г. по делу № 1-481/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 03.07.2026).

нашему мнению, имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет точнее определить особенности их установления, разграничить случаи формального выполнения требуемого действия и случаи действительного соблюдения условий применения поощрительной нормы, а также обеспечить более последовательное решение вопроса о соотношении специальных и общих видов освобождения от уголовной ответственности, о чем далее будет сказано в исследовании.

Примером смешанного условия также *служит совершение преступления предусмотренного конкретной статьей УК РФ*, которое вместе с этим носит специфический характер и присуще только специальным видам освобождения, закрепленным в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Одностороннее отнесение данного условия к числу формальных, по нашему мнению, представляется методологически неточным, поскольку его установление осуществляется посредством уголовно-правовой квалификации, которая по своей природе не сводится к технической фиксации юридического факта. Так, формальный элемент выражается в том, что пределы применения соответствующей поощрительной нормы заранее определены законом и поставлены в зависимость от совершения деяния, подпадающего под признаки конкретного состава преступления. Квалификация же предполагает правовую оценку содеянного, включая соотнесение фактического деяния с признаками состава преступления, разграничение смежных составов, разрешение вопросов конкуренции уголовно-правовых норм и, при необходимости, установление направленности умысла и иных квалифицирующих признаков. Следовательно, рассматриваемое условие содержит не только формализованный, но и оценочный компонент.

Это подтверждается и судебной практикой. В постановлении Бакчарского районного суда Томской области от 22 января 2026 г. по делу № 1-25/2026 вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 126 УК РФ рассматривался уже после того, как орган предварительного следствия квалифицировал действия ФИО1 по ч. 1 ст. 126 УК РФ как похищение человека. В материалах дела были описаны обстоятельства, которые следствие

оценило через признаки данного состава, а именно захват потерпевшей против ее воли, применение к ней насилия, помещение в автомобиль, удержание и перемещение в другое место[1]. Лишь после такой юридической оценки стало возможным поставить вопрос о применении специального вида освобождения, предусмотренного примечанием к ст. 126 УК РФ.

По тем же причинам отсутствие в действиях лица иного состава преступления, предусмотренное в качестве условия в примечаниях к ст. 126, 127^1, 205^1, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 210, 275, 282^1, 282^2, 282^3, 322^2 и 322^3 УК РФ также не следует рассматривать как сугубо формальное. Установление данного обстоятельства требует самостоятельной оценки содеянного с точки зрения возможной совокупности преступлений, наличия дополнительного объекта посягательства и др. Иначе говоря, вывод об отсутствии иного состава преступления возможен лишь как результат квалификационного решения. Но и исключительно оценочным, его невозможно определить в силу того, что пределы соответствующей оценки заданы уголовным законом. Следовательно, *отсутствие в действиях лица иного состава преступления* также *является смешанным условием.*

Заглаживание причиненного вреда также целесообразно рассматривать в качестве смешанного условия освобождения от уголовной ответственности. Вместе с тем применительно к данному условию необходимо учитывать его специфику. Законодатель предусматривает два варианта заглаживания вреда. В одном случае вред компенсируется путем уплаты денежной суммы, размер которой прямо установлен законом либо определен потерпевшим. В такой ситуации заглаживание вреда связывается с самим фактом уплаты соответствующей суммы и, как правило, не требует самостоятельной содержательной оценки достаточности поведения лица, а предполагает лишь установление количественного соответствия между подлежащей уплате и фактически уплаченной суммой. Поэтому усмотрение

[1] Постановление Бакчарского районного суда Томской области от 21 января 2026 г. по делу № 1-25/2026 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 05.07.2026).

правоприменителя в данном случае сведено к минимуму и в этой части условие о заглаживании вреда является формальным.

Здесь интересен вопрос о размере возмещения вреда. Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 постановления № 39 от 22 декабря 2022 года «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)»[1] (далее – постановление Пленума от 22.12.2022 г. № 39) специально указал, что по делам о неуплате алиментов (ст. 157 УК РФ) под возмещением ущерба для целей ст. 75 УК РФ понимается платеж в размере не менее суммы алиментов за инкриминируемый период. А для примирения по ст. 76 УК РФ размер определяет сам потерпевший. Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ, по сути, переложил определение размера возмещения на потерпевшего.

Указанная логика прослеживается, например, в постановлении Таганрогского городского суда Ростовской области от 23 июня 2025 г. по делу № 1-310/2024 о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 157 УК РФ. Подсудимому вменялась неуплата алиментов за октябрь и ноябрь 2024 г., причем задолженность за указанный инкриминируемый период с учетом частичных выплат составила 6 887 руб. 20 коп. Однако в судебном заседании было установлено, что к моменту рассмотрения дела подсудимый полностью погасил задолженность по исполнительному производству, и по состоянию на дату принятия решения задолженность отсутствовала. Сославшись на примечание 3 к ст. 157 УК РФ и п. 11 постановления Пленума от 22.12.2022 г. № 39, суд указал, что под полным погашением задолженности понимается уплата всей суммы задолженности по исполнительному производству о взыскании алиментов, имеющейся на дату прекращения уголовного дела. В связи с этим уголовное дело было прекращено на основании ч. 2 ст. 75 УК РФ, ч. 2 ст. 28 УПК РФ и примечания 3 к ст. 157 УК РФ[2].

---

[1] О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 39 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

[2] Постановление Таганрогского городского суда Ростовской области от 23 июня 2025 г. по делу № 1-310/2024 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 23.03.2026).

Что касается освобождения в связи с примирением с потерпевшим, то здесь показательно постановление Советского районного суда города Липецка от 23 декабря 2025 г. по делу № 1-334/2025. Исходя из текста постановления подсудимый обвинялся в неоднократной неуплате алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка. Размер задолженности, образовавшейся за инкриминируемый период, составил 47 158 руб. 29 коп. в то время как общая задолженность по алиментам превышала 800 000 руб. При этом законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего заявил ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, указав, что подсудимый перечислил в ее пользу 200 000 руб.

Несмотря на возражения прокурора, суд прекратил уголовное дело на основании ст. 25 УПК РФ в связи с примирением сторон. Суд специально отметил, что подсудимый впервые совершил преступление небольшой тяжести, признал вину, раскаялся, а также возместил ущерб, причиненный преступлением, в полном объеме, то есть в размере задолженности за период, вмененный по обвинению[1].

Приведенные примеры наглядно подтверждают различие между механизмом установления заглаживания вреда применительно к деятельному раскаянию и примирению с потерпевшим. Если при примирении решающее значение имеет позиция потерпевшего и его оценка того, заглажен ли вред, то при деятельном раскаянии определяющим является объективный факт полного погашения задолженности за инкриминируемый период.

Иная ситуация имеет место в случаях, когда заглаживание вреда осуществляется не в форме выплаты суммы, эквивалентной установленному ущербу, а посредством иных действий компенсационного характера. В таких случаях правоприменитель уже не может ограничиться простой проверкой факта совершения определенного действия. Необходимо оценить, насколько эти действия соотносятся с характером причиненного вреда, последствиями

[1] Постановление Советского районного суда города Липецка от 23 декабря 2025 г. по делу № 1-334/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 25.03.2026).

преступления, положением потерпевшего и общими обстоятельствами дела. Именно в этой части заглаживание вреда приобретает оценочный характер.

Судебная практика знает случаи заглаживания вреда в форме благотворительного пожертвования в специализированный фонд и принесения извинений государству. Так, постановлением Центрального районного суда города Омска от 05 июня 2019 г. по делу № 1-219/2019 в отношении лица, обвинявшегося по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, суд прекратил уголовное дело с назначением судебного штрафа на основании ст. 76^2 УК РФ и ст. 25^1 УПК РФ. При этом суд исходил из того, что реальный имущественный ущерб по делу отсутствовал, потерпевшая сторона не была определена, а причиненный преступлением вред не мог быть компенсирован в обычной денежной форме. В качестве допустимого способа его заглаживания суд признал благотворительное пожертвование, внесенное обвиняемым в специализированную организацию, деятельность которой связана со сферой допущенного нарушения, а также принесенные государству извинения[1]. Показательно, что в данном случае вывод о заглаживании вреда был сделан не на основании одного лишь факта перечисления денежных средств, а с учетом характера причиненного вреда, отсутствия потерпевшего, личности обвиняемого и всей совокупности обстоятельств дела. Данный пример наглядно подтверждает, что в подобных ситуациях заглаживание вреда требует не формальной констатации совершенного действия, а содержательной оценки его связи с последствиями преступления.

Указанный пример демонстрирует еще одну, более глубокую проблему. Состав, предусмотренный ст. 171 УК РФ, относится к числу экономических преступлений, применительно к которым законодатель предусмотрел императивный механизм освобождения от уголовной ответственности, предусмотренный ч. 2 ст. 76^1 УК РФ, в соответствии с которой лицо освобождается от уголовной ответственности «… если возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления,

[1] Постановление Центрального районного суда города Омска от 05 июня 2019 г. по делу № 1-219/2019 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 29.03.2026).

и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба, либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и денежное возмещение в двукратном размере этой суммы». Однако эта норма распространяется лишь на, менее опасные составы соответствующих преступлений, тогда как в рассматриваемом случае обвинение было предъявлено по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ[1], то есть по квалифицированному, более опасному составу.

Таким образом, возникает ситуация, при которой для освобождения от уголовной ответственности за менее опасные экономические преступления по ст. 76^1 УК РФ закон требует выполнения строгих обременительных условий, включая возмещение ущерба и уплату двукратного денежного возмещения, то при совершении более опасного квалифицированного состава, не подпадающего под действие этой нормы, лицо может быть освобождено по ст. 76^2 УК РФ при существенно менее строгих условиях. При этом даже с учетом назначения самого судебного штрафа совокупное обременение в рамках ст. 76^2 УК РФ часто оказывается меньшим, чем объем имущественных затрат, необходимых для одного лишь применения ст. 76^1 УК РФ. Тем самым складывается ситуация, при которой освобождение от уголовной ответственности за более опасное деяние фактически может требовать от лица меньших усилий и меньших материальных издержек, чем

[1] На момент рассмотрения дела ч. 2 ст. 171 УК РФ действовала в иной редакции. В действующей редакции уголовного закона п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ отсутствует в связи с изменениями, внесенными в УК РФ в соответствии с Федеральным законом от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

освобождение за менее опасное преступление. Указанная ситуация указывает на нежизнеспособность механизма освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 76[1] УК РФ в ее нынешнем виде, что подтверждается негативным отношением к указанному виду освобождения в научной литературе[1].

Возвращаясь к заглаживанию вреда следует указать, что способ его реализации, связанный с совершением действий компенсационного характера, требующих оценки их достаточности, подтверждает, что данное условие действительно носит смешанный характер, поскольку суд должен установить не только сам факт совершения соответствующих действий, но и их соразмерность характеру причиненного вреда, последствиям преступления и обстоятельствам дела.

Таким образом, смешанные условия освобождения от уголовной ответственности образуют самостоятельную и достаточно значимую группу условий, занимающую промежуточное положение между формальными и оценочными и объединяющую присущие им элементы. При этом данные условия несмотря на их значимость не выделяются в качестве самостоятельной группы. Формальные элементы таких условий ограничивают круг случаев, в которых возможно применение поощрительной нормы, тогда как оценочные составляющие позволяют установить, действительно ли поведение лица либо характер сложившейся ситуации оправдывают освобождение от уголовной ответственности. В связи с этим, выделение смешанных условий имеет принципиальное значение для практики применения дискреционных видов освобождения от уголовной ответственности, поскольку позволяет точнее определить структуру судебного усмотрения, установить пределы оценочной деятельности правоприменителя и тем самым обеспечить более последовательное, обоснованное и единообразное применение поощрительных уголовно-правовых норм.

---

[1] См., напр.: Подройкина И.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ) // Вестник Югорского государственного университета. 2023. № 1 (68). С. 15-22; Ткачев И.О. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ) // Уголовное право. 2019. № 14. С. 30-35; Кузнецов А.В. Освобождение от уголовной ответственности по ч. 2 ст. 76.1 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 113-122 и др.

Проведенное исследование показывает, что условия дискреционного освобождения от уголовной ответственности не сводятся к техническому перечню нормативных требований, подлежащих механической проверке. Их юридическая природа непосредственно связана с самой сущностью дискреционного правоприменения, поскольку именно через систему условий законодатель определяет пределы допустимого усмотрения уполномоченного субъекта. Иными словами, дискреционный характер освобождения от уголовной ответственности выражается не в произвольном выборе, а в предоставлении правоприменителю возможности принять решение в рамках закона на основе установления и оценки тех обстоятельств, которые сформулированы в уголовно-правовой норме с различной степенью определенности.

Как, верно, указывает Р.Г. Валиев «дискреционная практика правового регулирования в узком значении – актуальный на данный момент, фрагментированный на уровне конкретной правовой ситуации опыт правового регулирования, опосредованный усмотрением его субъектов и объективированный в конкретном дискреционном правовом акте»[1].

Таким образом, под условиями дискреционного освобождения от уголовной ответственности следует понимать *закрепленные в уголовном законе и подлежащие установлению и проверке нормативные требования, с наличием которых связывается возможность применения соответствующего вида освобождения.* Их содержание раскрывается через систему нормативных признаков, характеризующих деяние, лицо, его совершившее, либо посткриминальное поведение.

Наиболее значимой для дискреционных видов освобождения является *классификация условий по степени их нормативной определенности на формальные* (совершение преступления небольшой или средней тяжести, совершение преступления впервые), *оценочные* (способствование раскрытию и расследованию преступления) *и смешанные* (добровольное освобождение

[1] Валиев Р. Г. Дискреционная практика правового регулирования: теоретико-правовая концепция: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Казань, 2023. С. 17.

похищенного, добровольная сдача предметов, добровольное сообщение о преступлении, совершение преступления, предусмотренного конкретной статьей, отсутствие в действиях лица иного состава преступления, заглаживание причиненного вреда). Такое деление позволяет показать, что одни условия выполняют функцию внешних пределов допустимости освобождения, тогда как другие требуют содержательной оценки и тем самым непосредственно определяют объем усмотрения правоприменителя.

Особое значение имеет выделение *смешанных условий* в самостоятельную группу в рамках данной классификации. Именно они в наибольшей степени *характеризуют механизм дискреционного освобождения от уголовной ответственности*, поскольку *требуют не только установления юридического факта, но и его оценки применительно к целям конкретного вида освобождения*. Это имеет важное практическое значение, поскольку именно от оценки смешанных условий нередко зависит выбор между общими видами освобождения при их конкуренции, а также решение вопроса о соотношении общих и специальных видов освобождения от уголовной ответственности, о чем будет сказано далее в исследовании.

§ 2.2. Основание дискреционного освобождения от уголовной ответственности

Установление условий освобождения от уголовной ответственности само по себе не дает ответа на вопрос о том, почему при их наличии государство считает допустимым отказаться от дальнейшего уголовного преследования. Они фиксируют юридические рамки дискреционного освобождения, но не раскрывают его внутреннюю, ценностно-содержательную предпосылку.

Поэтому следующим шагом в исследовании является рассмотрение основания дискреционного освобождения от уголовной ответственности, то есть содержательной характеристики, которая позволяет объяснить допустимость

отказа от реализации уголовной ответственности при соблюдении установленных законом условий.

Действующее уголовное законодательство не содержит легального определения основания освобождения от уголовной ответственности. Нормативное регулирование ограничивается закреплением перечня условий, при наличии которых допускается применение соответствующего вида освобождения, не раскрывая их юридической природы и функционального назначения в механизме правоприменения. Следовательно, прежде чем раскрывать содержание основания дискреционного освобождения от уголовной ответственности, необходимо определить его соотношение с условиями.

В доктрине выделяются два основных подхода к соотношению указанных понятий. Первый фактически отождествляет основание и условия, другой настаивает на их принципиальном разграничении[1].

Сторонники первого подхода исходят из того, что основание дискреционного освобождения не существует вне и сверх текста закона, а потому не образует самостоятельного элемента по отношению к условиям освобождения. Поскольку возможность освобождения связывается ими исключительно с теми обстоятельствами, которые прямо указаны в уголовном законе, вся совокупность предусмотренных нормой признаков одновременно выполняет две функции. С одной стороны, она объясняет, почему освобождение в принципе допустимо, а с другой определяет условия его применения в конкретном случае. Поэтому различение между основанием и условиями в рамках данного подхода носит не сущностный, а скорее описательный характер. Так, Х.Д. Аликперов относит к основанию освобождения позитивное посткриминальное поведение лица (прежде всего примирение с потерпевшим и действия, свидетельствующие о деятельном раскаянии), тогда как факт впервые совершенного преступления и его принадлежность к установленной законом категории тяжести рассматриваются им

[1] Хлебницына Е.А., Чугунов А.А. «Основание» и «условие» освобождения от уголовной ответственности: соотношение понятий (на примере ст. 76.2 УК РФ). С. 166-170.

как условия освобождения[1]. Однако такое разграничение не опирается на строгий теоретический критерий. Все указанные признаки в равной мере являются необходимыми предпосылками применения соответствующей нормы. Следовательно, в рамках данного подхода основание фактически не отделяется от условий, а выводится из той же совокупности законодательно закрепленных обстоятельств.

В данном подходе конструкция фактически сводится к единой нормативно заданной совокупности признаков, где основой выступает поведенческий элемент, а иные предпосылки освобождения выполняют функцию формальных ограничителей сферы применения. В этой логике правоприменителю не требуется дополнительная оценка утраты общественной опасности вне перечисленных признаков, а достаточно установить реальность и полноту соответствующих признаков и подтвердить формальные рамки применимости. Следовательно, пределы усмотрения определяются проверкой наличия прямо названных обстоятельств, а мотивировка решения сводится к их констатации и ссылке на соответствующую норму.

Второй подход, к соотношению рассматриваемых понятий состоит в разграничении основания освобождения от уголовной ответственности и условий его применения[2]. По нашему мнению, именно данный подход является более корректным, поскольку он отделяет ценностно-содержательный критерий допустимости отказа от реализации охранительного отношения от закрепленных в законе формальных признаков и процедурных предпосылок, обеспечивающих проверяемость и предсказуемость.

Так, разграничение основания освобождения от уголовной ответственности и условий его применения является методологически необходимым, поскольку эти категории отвечают на разные вопросы правового регулирования. Основание

---

[1] Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности: учебно-методическое пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. С. 20.

[2] См., напр.: Сверчков В.В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. … д-ра. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 22; Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. С. 12 и др.

раскрывает содержательную причину допустимости отказа от реализации уголовной ответственности, то есть позволяет установить, почему в конкретном случае уголовно-правовое воздействие утрачивает свою необходимость или чрезмерность. Условия, напротив, определяют нормативные пределы признания такой допустимости, обеспечивая ее формальную определенность, единообразное применение и возможность последующего контроля. Их смешение ведет либо к формализации института освобождения, когда оценка его оправданности подменяется установлением перечня признаков, либо к неоправданному расширению усмотрения, когда решение принимается без достаточно четких нормативных ориентиров.

При таком подходе ключевое значение приобретает вопрос о том, что именно следует понимать под основанием дискреционного освобождения от уголовной ответственности. Так, в теории уголовного права наиболее обобщенным определением основания освобождения является его понимание в качестве той социальной или юридической причины, которая делает нецелесообразным или невозможным применение уголовной ответственности[1].

По мнению С.Г. Келиной, основание освобождения от уголовной ответственности представляет собой материально-правовой критерий, выраженный в конкретном обстоятельстве или их совокупности, которые характеризуют либо само деяние, либо личность виновного и при наличии которых возможно освобождение[2]. Тем самым автор выделяет два ключевых измерения основания: во-первых, на что именно указывает обстоятельство; во-вторых, какое правовое следствие оно обычно порождает. С представленной точки зрения, «основание» – это не просто перечисление формальных признаков, а сущностная причина, легитимирующая освобождение.

По мнению А.С. Барабаша, основанием применения соответствующего вида освобождения от уголовной ответственности выступает не столько определенный

[1] Джемалдаев М.Э.У. Понятие, основания и условия освобождения от уголовной ответственности. С. 71-74.
[2] Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. … д-ра. юрид. наук. М., 1975. С. 12.

набор формальных признаков, сколько принятое компетентным органом решение о возможности исправления лица без назначения наказания[1]. Такой подход привлекателен тем, что прямо соотносит механизм освобождения с задачами уголовного закона и индивидуализацией ответственности. Он требует от правоприменителя не формальной проверки совокупности условий, а содержательного ответа на вопрос, о том возможно ли исправление без наказания. При таком подходе главное внимание уделяется не формальному соблюдению условий, а сути дела, что делает применение института более гибким и помогает избежать чрезмерной суровости или, напротив, необоснованного освобождения от уголовной ответственности.

По мнению, Н.Ф. Кузнецовой, основанием освобождения от уголовной ответственности признается сама правовая норма, предусматривающая такую возможность. Иными словами, не выделяется самостоятельный материальный критерий, отличающийся от текста закона, напротив, основание складывается из существования и применимости соответствующей диспозиции уголовно-правовой нормы, в которой законодатель уже воплотил оценку допустимости отказа от реализации охранительного отношения. Фактические предпосылки освобождения при таком подходе выступают не самостоятельными материализованными основаниями, а критериями ее применимости[2]. Мы полагаем, что такой подход полезен, потому что он опирается на закон и делает применение нормы более понятным и предсказуемым. Однако считать основанием освобождения только саму норму закона не совсем верно, на наш взгляд. Так как в этом случае не раскрывается главное, а именно то, почему отказ от уголовной ответственности допустим по существу. По этой причине основание освобождения и условия его применения сливаются.

Вышеизложенное позволяет заключить, что в науке также отсутствует единое мнение о том, что считать основанием освобождения от уголовной

---

[1] Барабаш А.С. Прекращение уголовных дел в стадии предварительного расследования в связи с применением мер административного взыскания: дис. … канд. юрид. наук. Ленинград, 1982. С. 10.

[2] Кузнецова Н.Ф. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд. М.: Юридическая литература, 1964. С. 57.

ответственности, разные авторы по-разному определяют саму суть основания, что влечет его смешение с условиями. При этом разграничение основания и условий освобождения от уголовной ответственности необходимо ввиду того, что они выполняют разные функции. Основание объясняет, почему освобождение в принципе допустимо, то есть в чем состоит его содержательная причина. Юридические же условия показывают, при каких именно обстоятельствах закон разрешает применить такое освобождение. Если основание и условия не различать, то освобождение сводится лишь к перечню признаков (обстоятельств), а вопрос о том, почему оно допустимо, остается без ответа.

Кроме того, в научной литературе термин «основание освобождения от уголовной ответственности» нередко употребляется в слишком широком значении для обозначения конкретных предусмотренных законом механизмов такого освобождения. Деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, назначение судебного штрафа, механизмы, предусмотренные примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, зачастую именуются основаниями освобождения от уголовной ответственности[1]. Такой подход вряд ли можно признать точным. Каждый из названных механизмов представляет собой не само основание, а самостоятельный вид освобождения, то есть установленную законом конструкцию, включающую в себя совокупность определенных условий (требований). Таким образом, именуя указанные механизмы основаниями мы не получаем ответ на вопрос о содержательной причине отказа от привлечения к уголовной ответственности. Указанные механизмы позволяют нам установить то, в какой форме и при наличии каких признаков такой отказ может быть реализован.

Так, деятельное раскаяние само по себе не раскрывает содержательную причину освобождения. Нельзя сказать, что «деятельное раскаяние» и есть основание в строгом смысле слова, поскольку за этим понятием стоит целый набор

[1] См., напр.: Петухова В.Б. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: место в системе оснований освобождения от уголовной ответственности // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 10 (91). С. 244-250; Чернова М.В. Проблемы правового регулирования деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. 2019. С. 166-168; Афанасенко А.А. Судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности // Диалог. 2024. № 3. С. 10-11 и др.

предусмотренных законом условий. Более того, часть этих признаков носит оценочный или смешанный характер и требует содержательной проверки. Поэтому более точным представляется разграничивать не только основание и условия, но и основание и вид освобождения. Это позволяет избежать терминологической путаницы и точнее понять природу как института освобождения от уголовной ответственности в целом, так и субинститута дискреционного освобождения от уголовной ответственности в частности.

Сказанное обуславливает необходимость уточнения содержания понятия «основание освобождения». Поэтому целесообразно обратиться к языковому значению данного понятия, которое позволяет выявить его смысл.

В русском языке слово «основание» многозначно, однако его смысловой центр устойчиво связан с идеей опоры – тем, на чем держится предмет, мысль или решение. В Толковом словаре русского языка одним из ключевых значений данного понятия является «причина, достаточный повод, оправдывающий что-нибудь»[1], то есть такое обстоятельство, которое не просто объясняет действие или вывод, но делает их легитимными и внутренне обоснованными. Именно поэтому в речевой практике «основание» противопоставляется случайным или недостаточным мотивам. Употребляя конструкции «иметь основания полагать», «действовать при наличии оснований», «без достаточных оснований», подчеркивается, что речь идет о признанной, достаточной причине. Показателен и устойчивый оборот «действовать на основании того, что…», который по смыслу эквивалентен конструкциям «потому что…», «по причине того, что…» и указывает на логическую и фактическую опору принимаемого решения[2].

В представленной логике определить основание означает найти ответ на вопрос «почему?», то есть указать на содержательную причину допустимости определенного результата. Применительно к освобождению от уголовной ответственности этот вопрос конкретизируется и предстает в виде: почему

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 1698.
[2] Там же, С. 1699.

государство считает возможным и оправданным отказаться от реализации охранительного уголовно-правового отношения в данном случае?

Так, в диспозиции ч. 1 ст. 75 УК РФ прямо указано, что лицо может быть освобождено от ответственности, если оно «вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Здесь конкретно дается ответ на вышеуказанный вопрос «почему…?» – «потому что перестало быть общественно опасным». Хотя данная формулировка содержится лишь в статье, посвященной одному из видов освобождения, она, по справедливому мнению И.А. Подройкиной, имеет методологическое значение для понимания всей группы дискреционных механизмов[1]. Примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), уплата судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ) или применение воспитательных мер к несовершеннолетнему (ст. 90 УК РФ) лишь подтверждают, что позитивное последующее поведение лица, свидетельствующее об утрате общественной опасности личности, либо, если речь идет об освобождении в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, то перечень иных ранее изложенных признаков, нивелирует необходимость в реализации уголовной репрессии. Исходя из этого *позитивное посткриминальное поведение*, а равно иные признаки, характеризующие деяние либо лицо, его совершившее, не образует самостоятельного основания, а *служат индикатором утраты общественной опасности личности*, что делает возможным отказ от привлечения лица к уголовной ответственности.

И.В. Ищенко, анализируя понятия характера и степени общественной опасности деяния, обоснованно указывает, что «характер и степень, являясь показателями общественной опасности, устанавливаются в зависимости от двух различных групп обстоятельств: характер опасности – от конкретных признаков преступления, лежащих в рамках его состава, а степень общественной опасности – исходя из обстоятельств, которые не отражены в составе преступления, но

[1] Подройкина И.А. Условия освобождения от уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 75 УК РФ // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 10 (111). С. 67-72.

учитываются судом и влияют на различные аспекты уголовной ответственности»[1]. Применительно к дискреционному освобождению это означает, что правоприменитель обязан оценить не только формальные, но и те оценочные и смешанные условия, которые произошли в личности виновного после совершения преступления и которые находят свое выражение в его посткриминальном поведении.

И.В. Овсянников акцентирует внимание на том, что определение утраты общественной опасности в ряде случаев носит оценочный характер и осуществляется правоприменителем на основе анализа всей совокупности обстоятельств дела и личности виновного[2]. Именно эта оценочность и определяет дискреционный характер данных норм.

Обращает на себя внимание, что, рассуждая о содержательном наполнении основания освобождения от уголовной ответственности, одни авторы говорят об «утрате общественной опасности личности»[3], другие – о «позитивном посткриминальном изменении социальной связи лица с обществом»[4], третьи – о «восстановлении социальной справедливости»[5].

Наиболее обоснованным, по нашему мнению, является принятие в качестве основания освобождения от уголовной ответственности факта утраты общественной опасности личности. Подтверждается это и судебной практикой. Так, в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2024 г. № 26-УД24-5-К5 коллегия фактически отвергла попытку нижестоящего суда применить ч. 1 ст. 75 УК РФ. Верховный Суд РФ подчеркнул,

---

[1] Ищенко И.В. Характер и степень общественной опасности преступлений и непреступных деяний: проблемы понятия и критериев определения // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25. № 1. С. 169.

[2] Овсянников И.В. Правовой институт судебного штрафа: недостатки и пути совершенствования // Российская юстиция. 2023. № 6. С. 76-80.

[3] См., напр.: Сверчков В.В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики: монография. Издательство: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 47; Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: монография. С. 67 и др.

[4] См., напр.: Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве: монография. С. 102; Келина С.Г. Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления. С. 27 и др.

[5] См., напр.: Прозументов Л. М. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 13-17 и др.

что деятельное раскаяние может влечь освобождение только тогда, когда *лицо* вследствие этого *перестало быть общественно опасным*, добавив, что признание вины без совершения предусмотренных нормой действий таковым не является[1]. Позиция Верховного Суда РФ по данному делу свидетельствует о том, что решающее значение при освобождении от уголовной ответственности имеет именно основание в виде утраты общественной опасности личностью, которая может быть установлена лишь на основе оценки всей совокупности условий, предусмотренных соответствующей нормой.

В судебной практике встречаются и примеры, когда суд конкретно оценивает способность условий освобождения в своей совокупности свидетельствовать об утрате общественной опасности личности. Так, в постановлении Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2025 г. по делу № 1-41/2025 о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 159^2 УК РФ, суд прекратил уголовное дело в отношении ФИО1 в связи с деятельным раскаянием. Разрешая вопрос об освобождении от уголовной ответственности, во внимание было принято, что обвиняемый ранее не судим, положительно характеризуется, полностью возместил ущерб, оказал благотворительную помощь, а также активно способствовал раскрытию преступления, дав изобличающие себя показания и предоставив документы, подтверждающие незаконное получение выплат. На основании этого суд пришел к выводу, что поведение ФИО1 свидетельствует об утрате общественной опасности лицом[2].

Еще одним показательным примером является постановление Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга от 10 марта 2024 г. по делу № 1-185/2024 о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 327 УК РФ, в котором разрешая ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием, суд учел, что обвиняемый признал вину, подробно сообщил обстоятельства совершенного деяния, чем способствовал раскрытию и

---

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 июля 2024 г. № 26-УД24-5-К5 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Постановление Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2025 г. по делу № 1-41/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 09.07.2026).

расследованию преступления, раскаялся, ранее не судим, не привлекался к административной ответственности, оформил медицинскую книжку в установленном порядке, перечислил пожертвование в благотворительный фонд, а также в течение значительного времени после совершения преступления не допускал новых противоправных действий. На основании совокупности этих обстоятельств суд пришел к выводу, что ФИО1 перестал быть общественно опасным, и прекратил уголовное дело[1].

Таким образом, судебная практика показывает, что при применении ч. 1 ст. 75 УК РФ решающее значение имеет не формальное наличие отдельных действий, перечисленных в законе, а вывод суда о том, что вследствие этих действий лицо действительно утратило общественную опасность.

Следовательно, перечисленные в ч. 1 ст. 75 УК РФ обстоятельства выступают как необходимые, но не всегда достаточные условия освобождения от уголовной ответственности. Суд оценивает их не изолированно, а в совокупности с характером совершенного преступления, тяжестью причиненного вреда и степенью убедительности посткриминального поведения виновного. Именно поэтому в одних случаях выполнение условий оказывается достаточным, а в других – нет.

Такая практика обнаруживает внутреннее противоречие законодательной конструкции. Часть 1 ст. 75 УК РФ сформулирована как единая норма для всех преступлений небольшой и средней тяжести и не предусматривает различий в стандартах деятельного раскаяния, однако фактически эти стандарты складываются в судебной практике. Это снижает определенность правового регулирования и создает риск неравномерного применения нормы, когда при формально схожих условиях исход дела зависит от оценочного усмотрения суда. Следовательно, проблема состоит не только в толковании отдельных признаков

[1] Постановление Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга от 10 марта 2024 г. по делу № 1-185/2024 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 09.07.2026).

деятельного раскаяния, но и в отсутствии четких критериев установления основания освобождения в виде утраты общественной опасности личности.

Таким образом, именно утрата общественной опасности личности будучи прямо названной лишь в ст. 75 УК РФ, пронизывает нормы о дискреционном освобождении.

Вместе с тем в судебной практике имеют место случаи, когда в текстах постановлений и приговоров, по делам, в ходе которых решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности, используется формулировка о снижении общественной опасности деяния. Например, в постановлении Норильского городского суда Красноярского края от 22 января 2026 г. по делу № 1-490/2025 о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 327 УК РФ, суд прекратил уголовное дело и освободил лицо от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Из текста постановления следует, что в обоснование ходатайства об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа адвокат ссылался на то, что обвиняемый впервые совершил преступление небольшой тяжести, признал вину, раскаялся, оказал благотворительную помощь, а также полностью возместил работодателю и Фонду социального страхования причиненный ущерб. При этом было прямо указано, что в результате такого постпреступного поведения *степень общественной опасности совершенного преступления существенно снижена*[1].

Другим примером служит постановление Центрального районного суда города Оренбурга от 09 сентября 2025 г. по делу № 1-345/2025 о преступлении, предусмотренном п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Здесь уже суд оценив материалы дела прекратил уголовное дело в связи с примирением сторон и указал, что в результате заглаживания вреда и примирения с потерпевшим *общественная опасность преступления* значительно *снижена*[2]. Тем самым суд связал посткриминальное поведение с изменением общественной опасности самого преступления.

---

[1] Постановление Норильского городского суда Красноярского края от 22 января 2026 г. по делу № 1-490/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 10.07.2026).

[2] Постановление Центрального районного суда города Оренбурга от 09 сентября 2025 г. по делу № 1-345/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 10.07.2026).

Мы не можем согласиться с такой мотивировкой. Признание вины, раскаяние, возмещение ущерба, заглаживание вреда и иные положительные действия после совершения преступления действительно имеют значение для освобождения от уголовной ответственности, но они характеризуют не само деяние, а поведение лица после его совершения. Иными словами, они показывают, как изменилось отношение виновного к содеянному, но не меняют природу уже совершенного преступления.

Того же мнения придерживается, например, Е.Т. Тарасова, которая исследуя взаимосвязь института освобождения от ответственности с категорией общественной опасности, приходит к выводу, что «за счет позитивных действий, совершаемых виновным в постпреступный период, возможна лишь утрата общественной опасности лицом, деяние, будучи совершенным, утратить таковую не может»[1]. Данное наблюдение представляется принципиально важным, поскольку, по нашему мнению, уголовный закон, допуская освобождение от ответственности, исходит из того, что лицо, совершившее преступление, перестало быть общественно опасным, то есть вероятность совершения им новых преступлений в будущем является минимальной либо отсутствует вовсе.

Принятие в качестве основания освобождения от уголовной ответственности утраты общественной опасности деяния противоречит содержанию уголовно-правовых запретов и логике института освобождения от уголовной ответственности.

Во-первых, общественная опасность деяния оценивается применительно к моменту его совершения. Если деяние в момент совершения обладало признаками преступления, оно уже причинило вред либо создало угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, последующее поведение виновного, каким бы позитивным оно ни было, не изменяет того факта, что преступное деяние уже состоялось. Иными словами, посткриминальные

[1] Тарасова Е.Т. Общественная опасность и освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 5 (143). С. 58-65.

действия не способны ретроспективно «отменить» опасность уже совершенного деяния.

Во-вторых, сама конструкция нормы, закрепляющей утрату общественной опасности (ч. 1 ст. 75 УК РФ), ориентирована не на характеристику деяния, а на характеристику поведения лица после его совершения. Все условия, перечисленные в данной норме, касаются именно постпреступной активности субъекта (добровольной явки, содействия раскрытию и расследованию, возмещения ущерба, заглаживания причиненного вреда). Норма, таким образом, строится вокруг оценки того, как изменилось лицо после совершения преступления, а не вокруг переоценки объективных свойств самого деяния. Это означает, что законодатель связывает возможность освобождения не с исчезновением общественной опасности преступления как такового, а с выводом о том, что виновный перестал нуждаться в реализации уголовной ответственности. Общественная опасность деяния имеет более устойчивый и объективированный характер, чем общественная опасность личности в контексте освобождения от уголовной ответственности. Деяние уже получило уголовно-правовую оценку законодателя как преступное. Оно отнесено к числу запрещенных под угрозой наказания именно потому, что посягает на значимые общественные отношения[1]. Поэтому утверждать, что такое деяние в силу последующего поведения утрачивает свою общественную опасность, значит фактически переносить акцент с объективной характеристики преступления на субъективные изменения лица. Но это логически некорректно, так как положительное поведение после преступления не устраняет ни факта посягательства, ни факта причиненного вреда, ни социальной значимости нарушенного запрета.

В-третьих, целевая направленность субинститута дискреционного освобождения от уголовной ответственности также подтверждает приоритет личностного критерия. Смысл этого субинститута состоит в стимулировании позитивного посткриминального поведения, свидетельствующего о снижении

[1] См.: Урда М.Н., Урда А.О. Общественная опасность в межотраслевом измерении // Известия Юго-Западного государственного университета. 2024. Т. 14. № 3. С. 190-199.

вероятности повторного совершения преступлений и о возможности достижения целей уголовного закона без привлечения лица к уголовной ответственности. Эта задача может быть решена только через оценку личности, ее поведения после преступления, отношения к потерпевшему, готовности устранить причиненные последствия, степени сотрудничества с правосудием. Напротив, оценка опасности деяния отвечает на вопрос о том, насколько опасным было совершенное посягательство для охраняемых общественных отношений. Для решения вопроса об освобождении данный аспект имеет значение лишь косвенно, поскольку он влияет на пределы допустимого применения нормы, но не образует ее непосредственного основания.

В-четвертых, признание утраты общественной опасности личности в качестве единственного основания освобождения от уголовной ответственности в большей степени соответствует принципу системности уголовного права. Если деяние утрачивает общественную опасность, то это обычно связано либо с изменением внешней социально-правовой ситуации, либо с переоценкой самого деяния законодателем, либо с отсутствием существенного вреда, что выводит вопрос в плоскость иных институтов, таких как малозначительность, декриминализация, изменение обстановки и т.д., освобождение от уголовной ответственности занимает иную нишу.

В-пятых, нельзя не отметить остро дискуссионный характер самого термина «общественная опасность деяния». М.Н. Урда справедливо обращает внимание, что в науке критической оценке подвергнут это признак, «воспринимаемый как основной критерий отграничения преступного от непреступного, а вместе с ним и главенствующая в доктрине российского уголовного права концепция формально-материального определения преступления»[1]. А.Э. Жалинский отмечал, что общественная опасность в структуре преступления не насыщена юридическим содержанием и не отражена демонстрационными признаками, кроме

[1] Кузнецова Н.И., Урда М.Н. И снова об уголовной ответственности юридических лиц: два взгляда на проблему (на примере экологических преступлений) // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 6. С. 572.

определенного во многих случаях описания последствий совершенного деяния. В итоге уголовно-правовая оценка деяния, правоприменительное признание его преступлением на практике часто опираются на признак противоправности[1]. И.П. Семченков считает признание преступления общественно опасным методологически несостоятельным и не соответствующим действительности[2]. Схожей позиции придерживается Я.И. Гилинский. Учёный полагает, что привычное обращение к этой категории малопродуктивно, поскольку создаёт иллюзию объективности, тогда как на деле многое зависит от субъективных факторов[3].

Таким образом, логичным и теоретически последовательным и обоснованным основанием освобождения является утрата общественной опасности личности.

Вместе с этим, на практике имеют место случаи, когда на основе посткриминального поведения лица правоприменитель приходит к выводу о том, что общественная опасность не утрачена полностью, но существенно снижена. В таких ситуациях, если посткриминальное поведение лица, его отношение к содеянному, возмещение причиненного вреда, изменение образа жизни и иные обстоятельства позволяют сделать вывод о существенном снижении (уменьшении) общественной опасности личности, это также может свидетельствовать об отпадении необходимости применения мер уголовной ответственности.

В качестве примера можно привести постановление Орджоникидзевского районного суда города Новокузнецка Кемеровской области от 04 декабря 2025 г. по делу № 1-349/2025, в соответствии с которым ФИО1, обвинявшийся в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ был освобожден от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Прекращая уголовное дело, суд исходил из того, что подсудимый возвратил

---

[1] Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2009. С. 3.

[2] Семченков И.П. Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 41-44.

[3] Гилинский Я.И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетейя, 2024. С. 155, 181.

похищенное имущество, компенсировал моральный вред, принес извинения, а потерпевшая сочла такие действия достаточными для заглаживания причиненного вреда. Эти действия в своей совокупности были оценены судом в качестве свидетельствующих об *уменьшении общественной опасности личности* подсудимого[1].

Таким образом, представляется, что наиболее точным и емким термином, охватывающим все аспекты рассматриваемого явления, выступает понятие «*утрата лицом общественной опасности*» либо его смягченный вариант – «*существенное снижение (уменьшение) общественной опасности лица*». Именно это состояние выступает тем глубинным основанием, которое позволяет правоприменителю сделать вывод о возможности (и целесообразности) освобождения от уголовной ответственности. Ю.С. Караваева, исследуя проблему учета общественной опасности личности в целях криминализации, приходит к выводу, что «основанием криминализации признается общественная опасность деяния, однако вопрос о том, включается ли в ее содержание общественная опасность деятеля, остается дискуссионным»[2]. Применительно к освобождению от ответственности, по нашему мнению, этот вопрос решается однозначно. Именно оценка опасности личности является ключевой для принятия положительного решения.

Вместе с тем несмотря на то, что в судебной практике как утрата, так и существенное снижение общественной опасности личности влекут освобождение от уголовной ответственности между ними нельзя ставить знак равенства, поскольку они отражают различную степень изменения общественной опасности личности. Если утрата общественной опасности предполагает полное исчезновение тех свойств личности, которые обусловливали необходимость привлечения к ответственности, то ее существенное снижение свидетельствует лишь об

---

[1] Постановление Орджоникидзевского районного суда города Новокузнецка Кемеровской области от 04 декабря 2025 г. по делу № 1-349/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 11.07.2026).

[2] Караваева Ю.С. Общественная опасность личности и основание криминализации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 3 (67). С. 265.

ослаблении таких свойств при сохранении определенной степени общественной опасности. В связи с этим указанные состояния не могут влечь одинаковые правовые последствия и должны учитываться при выборе конкретного вида освобождения от уголовной ответственности. То есть различие в степени снижения общественной опасности личности должно влиять и на различие в характере уголовно-правовой реакции государства. Более подробно такое влияние на выбор соответствующего вида освобождения от уголовной ответственности будет рассмотрено далее в настоящем исследовании.

Далее встает вопрос о том, почему же данный факт как основание освобождения от уголовной ответственности, будучи, по сути, определяющим, не нашел своего прямого закрепления в тексте уголовного закона. Ответ, как представляется, кроется в специфике законодательной техники. Законодатель, формулируя нормы об освобождении от ответственности, использует не абстрактные оценочные категории, а конкретные, эмпирически верифицируемые признаки (явка с повинной, возмещение ущерба и т.д.), которые выступают индикаторами утраты (существенного снижения) лицом общественной опасности. Это делает норму более определенной и предсказуемой для правоприменителя, а также создает для лица, совершившего преступление, ясные ориентиры посткриминального поведения.

Между тем выделение утраты (существенного снижения) общественной опасности лица в качестве основания дискреционного освобождения имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Оно позволяет задать единый стандарт оценки посткриминального поведения, исключающий формальный подход, при котором возмещение ущерба рассматривается как своего рода «откуп» от правосудия. Суд, принимая решение об освобождении, должен быть убежден не только в том, что формальные требования закона соблюдены, но и в том, что лицо действительно утратило ту степень опасности, которая была присуща ему в момент совершения преступления. В противном случае, как справедливо предупреждает В.В. Лунеев, «освобождение от уголовной ответственности и наказания за пассивное посткриминальное поведение будет

способствовать росту преступности в стране и недовольству законопослушных граждан уровнем охраны своих прав и свобод»[1]. Утрата (существенное снижение) общественной опасности лица – это тот конечный результат, ради достижения которого законодатель и предоставляет правоприменителю дискреционные полномочия.

Убедительность предложенного суждения подтверждается тем, что все без исключения условия направлены на достижение единой цели, а именно – удостовериться в том, что лицо более не представляет опасности. Категория преступления здесь показывает, что совершенное деяние не отличается высокой общественной опасностью. Положительное поведение лица после преступления указывает на изменение его отношения к содеянному и к правовым требованиям. Отсутствие новых преступлений подтверждает, что лицо не проявляет устойчивой склонности к совершению преступлений. В совокупности эти обстоятельства дают основания для вывода о том, что общественная опасность лица снизилась до уровня, при котором применение репрессии становится избыточным.

Предлагаемое понимание основания органично вытекает из природы уголовной ответственности, адресатом которой является не только деяние, но и личность, его совершившая[2]. Если при назначении наказания суд обязан учитывать личность виновного (ст. 60 УК РФ), то при решении вопроса об освобождении от ответственности эта обязанность трансформируется в необходимость оценки позитивных изменений в личности. Как справедливо указывают В.К. Андрианов и Ю.Е. Пудовочкин, «учет личности при освобождении от ответственности имеет свою специфику: здесь оценивается не столько статическая характеристика, сколько динамика – изменения, произошедшие под влиянием посткриминальных событий»[3].

---

[1] Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность: монография. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. С. 214.

[2] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. С. 89.

[3] Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 204.

В доктрине уголовного права ранее высказывались суждения, близкие к предлагаемой концепции, однако они, как правило, не получали оформления в виде самостоятельного основания, объединяющего все виды дискреционного освобождения от уголовной ответственности. Так, В.В. Мальцев, исследуя проблемы освобождения от ответственности, указывает на необходимость оценки «действительного исправления лица», которое не может быть сведено к формальному перечню действий[1]. Т.Г. Понятовская, анализируя категорию общественной опасности, приходит к выводу, что «деяние и личность образуют единый комплекс, определяющий возможность применения мер уголовно-правового воздействия»[2]. Следует учитывать, что за счет позитивных действий, совершаемых виновным в постпреступный период, возможна лишь утрата общественной опасности лицом, деяние, будучи совершенным, утратить таковую не может. Однако в приведенных выше трудах данный подход к определению основания, подлежащего установлению в каждом конкретном случае, не выделялся.

На основе всего вышеизложенного следует констатировать, что *основание дискреционного освобождения от уголовной ответственности* следует понимать как *внутреннюю, ценностно-содержательную причину отказа государства от дальнейшей реализации уголовной ответственности при наличии предусмотренных законом условий*. В отличие от условий освобождения, которые фиксируют внешние юридические рамки применения соответствующей нормы, основание отвечает на вопрос о том, почему в конкретном случае привлечение к уголовной ответственности утрачивает свою необходимость и допустимо без ущерба для задач уголовного закона. *Содержательно такое основание выражается в утрате либо существенном снижении общественной опасности лица, совершившего преступление*, что устанавливается правоприменителем на основе всесторонней оценки посткриминального поведения виновного, характера

---

[1] Мальцев В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве. Волгоград: ВА МВД России, 2004. С. 78.

[2] Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного права. Ижевск: Удмуртский ун-т, 1996. С. 112.

и степени причиненного вреда, данных о личности и иных обстоятельств, свидетельствующих о снижении вероятности совершения новых преступлений. Следовательно, именно утрата либо существенное снижение общественной опасности личности образует основание дискреционного освобождения от уголовной ответственности, тогда как закрепленные в уголовном законе условия выступают нормативно формализованными средствами его выявления, проверки и юридически допустимой реализации.

Основание дискреционного освобождения и юридические условия его применения находятся в неразрывной диалектической связи, в соотношении содержания и формы. Основание здесь задает целевую направленность поощрительных норм и демонстрирует достижимость целей уголовного закона без осуждения и наказания. Условия придают данному основанию необходимую правовую определенность и обеспечивают возможность его практического применения. Отождествление основания и условий ведет либо к формальному автоматизму, при котором освобождение связывается лишь с констатацией набора признаков, либо, напротив, к чрезмерному расширению усмотрения правоприменителя.

§ 2.3. Порядок установления условий и основания дискреционного освобождения от уголовной ответственности

Исходя из принципа справедливости освобождение лица от уголовной ответственности не может быть результатом автоматического применения формальных требований либо произвольного ценностного суждения суда или иного уполномоченного органа. Справедливость в данном случае предполагает, что решение об освобождении основывается на понятном, проверяемом и внутренне последовательном порядке оценки тех обстоятельств, которые свидетельствуют о полной утрате либо существенном снижении общественной опасности лица. Только при соблюдении такого порядка возможно обеспечить

надлежащее соотношение между тяжестью совершенного деяния, последующим поведением виновного, интересами потерпевшего, общества и государства[1].

Как отмечалось ранее, установление основания дискреционного освобождения от уголовной ответственности представляет собой содержательно-оценочную деятельность правоприменителя. При этом, такая деятельность, ее порядок, особенности в каждом конкретном случае, а также последствия сделанных выводов не могут быть произвольными, они в большинстве случаев четко регламентированы соответствующими нормами.

Дискреционное освобождение от уголовной ответственности имеет смешанную природу, в связи с этим для более точного понимания порядка установления условий и основания такого освобождения его необходимо рассмотреть в трех измерениях.

Во-первых, в уголовно-процессуальном, так как именно в нормах уголовно-процессуального права определяется то, что запускает соответствующую процедуру, какие обстоятельства подлежат доказыванию, кто и на основе чего уполномочен устанавливать наличие условий освобождения от уголовной ответственности, в какой форме принимается итоговое решение и какими гарантиями обеспечивается его законность.

Во-вторых, в материально-правовом, поскольку уголовный закон закрепляет сами виды освобождения от уголовной ответственности, указывает условия их применения и пределы усмотрения при их оценке.

В-третьих, в криминологическим, поскольку содержание дискреционного освобождения от уголовной ответственности связано именно с оценкой личности и изменением степени ее общественной опасности.

Несмотря на то, что соответствующие виды дискреционного освобождения от уголовной ответственности и условия их применения регламентированы уголовным законом их формальное существование еще не делает их юридически

[1] См., напр.: Карпов К.Н. Нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности в контексте принципов равенства и справедливости // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4 (52). С. 160-166; Серенко Р.С. Реализация принципа справедливости при применении института освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право в эволюционирующем обществе. 2025. С. 70-75 и др.

значимыми по конкретному уголовному делу. Предусмотренные уголовным законом предпосылки будут способны влечь соответствующие последствия только в том случае, когда будут выявлены, проверены, доказаны, оценены и зафиксированы в надлежащей форме, поскольку *освобождение от уголовной ответственности в правоприменении не существует вне процедуры*. В силу этого порядок установления условий и основания дискреционного освобождения является преимущественно уголовно-процессуальным.

В этом смысле порядок установления юридических условий дискреционного освобождения от уголовной ответственности следует понимать как нормативно и процессуально организованную последовательность действий по выявлению, проверке, оценке и юридическому осмыслению обстоятельств, предусмотренных уголовным законом, с последующим формированием вывода о наличии либо отсутствии основания освобождения. Указанный порядок включает в себя не только установление отдельных фактов, но и их системную оценку, поскольку в рамках дискреционных моделей освобождения решающее значение имеет не простое накопление выполненных условий, а их способность в совокупности свидетельствовать об изменении уголовно-правовой характеристики личности[1].

При этом, как справедливо отмечает И.Э. Звечаровский «об освобождении от уголовной ответственности речь может идти лишь тогда, когда эта ответственность существует, т.е. когда есть от чего освобождать. […] освобождение от уголовной ответственности может иметь место только в отношении тех лиц, которые совершили деяние, содержащее признаки конкретного состава преступления»[2].

Действительно, для того чтобы поставить вопрос об освобождении от уголовной ответственности нужно установить, что лицо совершило преступление. Например, в п. 30 постановления Пленума от 09.07.2013 г. № 24 специально указывается, что «освобождение от уголовной ответственности взяткодателя либо лица, совершившего коммерческий подкуп, которые активно способствовали

---

[1] Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: монография. С. 67.

[2] Звечаровский И.Э. Отграничение преступного от непреступного в уголовном законе: материальные последствия и процессуальная форма // Уголовное право. 2013. № 3. С. 97-101.

раскрытию и (или) расследованию преступления и в отношении которых имело место вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа, не означает отсутствия в их действиях состава преступления».

Исходя из этого в качестве первичной процессуальной предпосылки постановки вопроса о дискреционном освобождении от уголовной ответственности является поступление сообщения о преступлении и его проверка в порядке ст. 140, 144 и 145 УПК РФ, так как именно здесь впервые обнаруживаются причины того, от чего в дальнейшем лицо может быть освобождено[1]. Кроме того, уже на этом этапе могут быть выявлены сведения о возмещении ущерба, примирении с потерпевшим, явке с повинной или ином позитивном посткриминальном поведении, которые служат условиями освобождения и в дальнейшем будут оцениваться. Например, в постановлении Ленинского районного суда города Тюмени от 22 января 2026 г. по делу № 1-1253/2025 об обвинении ФИО4 по п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ суд прекратил уголовное дело на основании примечания к ст. 291 УК РФ, указав, что лицо добровольно сообщило о даче взятки органу, уполномоченному возбуждать уголовные дела, и активно способствовало раскрытию и расследованию преступления. При этом суд отметил, что признательные показания были даны лицом еще до возбуждения уголовного дела и именно они послужили поводом для его возбуждения, а по состоянию на этот момент у правоохранительных органов не имелось достаточных данных о причастности данного лица к преступлению[2]. Тем самым суд фактически признал, что предусмотренные уголовным законом условия освобождения от уголовной ответственности были выявлены до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Вместе с тем, на этапе доследственной проверки еще невозможно реализовать освобождение от уголовной ответственности. Связано это с тем, что

---

[1] См., напр.: Хакимова Т.М. Поступление сообщений о преступлениях и их процессуальное оформление на этапе начала уголовного судопроизводства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 4 (50). С. 145-152.

[2] Постановление Ленинского районного суда города Тюмени от 22 января 2026 г. по делу № 1-1253/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 13.07.2026).

рассматриваемые виды освобождения носят нереабилитирующий характер и предполагают установление причастности лица к деянию. Таким образом, в качестве следующей необходимой предпосылки для рассмотрения вопроса о дискреционном освобождении от уголовной ответственности выступает возбуждение уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 146 УПК РФ и как следствие появление у лица статуса подозреваемого или обвиняемого. Именно с этого момента возникает процессуальная возможность не только расследовать преступление, но и решать вопрос об освобождении от уголовной ответственности[1].

Что касается непосредственно постановки вопроса о дискреционном освобождении от уголовной ответственности, то она возможна при наличии определенных «поводов», то есть процессуальных обстоятельств, при наличии которых в уже начатом производстве возникает необходимость обсудить возможность освобождения от уголовной ответственности.

Такой вопрос может быть поставлен: во-первых, по инициативе дознавателя или следователя, которые обязаны всесторонне исследовать обстоятельства дела и дать им надлежащую правовую оценку и которым в ходе этого может стать известен ряд фактов, выступающих в качестве условий освобождения[2]; во-вторых, по позиции прокурора, который в ходе осуществления надзора за законностью предварительного расследования может прийти к выводу о возможности рассмотрения вопроса об освобождении.

В качестве примера ситуации, когда инициатива об освобождении исходит от следователя можно привести постановление Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 29 января 2026 г. по делу № 1-104/2026 в отношении лица, обвинявшегося по ч. 1 ст. 306 УК РФ. В данном случае следователь обратился в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела и уголовного преследования

---

[1] См., напр.: Федорская Л.А. Уголовная ответственность: сущность, момент возникновения. Освобождение от уголовной ответственности // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 15. С. 229-233.

[2] Гужова Д.Ю. Профессиональная деятельность следователя при назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в ходе досудебного производства по уголовному делу // Гуманитарные исследования в современном образовании: прошлое, настоящее, будущее. 2025. С. 100-103.

с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Исследовав материалы дела, суд установил наличие предусмотренных ст. 76^2 УК РФ и ст. 25^1 УПК РФ условий и ходатайство следствия было удовлетворено несмотря на возражения прокурора, а уголовное дело прекращено с назначением судебного штрафа[1].

Самостоятельным «поводом» является ходатайство стороны защиты, заявляемое в порядке ст. 119-122 УПК РФ, если подозреваемый, обвиняемый или защитник указывают на наличие обстоятельств, позволяющих в перспективе прийти к выводу о возможности освобождения от уголовной ответственности[2].

Кроме того, вопрос об освобождении от уголовной ответственности может впервые возникнуть в суде, когда инициатива исходит от самого суда. Это имеет место в случае, если после поступления дела или в ходе его рассмотрения обнаруживаются обстоятельства, указывающие на наличие возможности рассмотреть вопрос об утрате (снижении) общественной опасности лица. Это подтверждается ч. 1 ст. 25^1 УПК РФ и п. 1 постановления Пленума от 27.06.2013 г. № 19, где подчеркивается необходимость проверки судами по каждому уголовному делу возможности наличия основания для освобождения от уголовной ответственности.

Таким образом, вопрос о дискреционном освобождении от уголовной ответственности может быть инициирован на разных стадиях уголовного судопроизводства, однако основное значение имеет стадия предварительного расследования, поскольку именно здесь собираются, проверяются и оцениваются доказательства, которые в дальнейшем могут быть положены в основу вывода об утрате лицом общественной опасности и как следствие постановления об освобождении от уголовной ответственности. В частности, на этой стадии устанавливаются событие деяния, причастность к нему конкретного лица,

---

[1] Постановление Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 29 января 2026 г. по делу № 1-104/2026 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 13.07.2026).

[2] Харашкин К.А. Ходатайство как основное процессуальное средство защиты по уголовному делу: проблемы правоприменения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. 2025. № 3 (49). С. 85-96.

категория преступления, сведения о личности, размер причиненного вреда, особенности посткриминального поведения и иные обстоятельства, имеющие значение для применения соответствующего вида освобождения.

Что касается непосредственно процесса установления условий дискреционного освобождения от уголовной ответственности, то он представляет собой последовательную процессуальную деятельность по собиранию, проверке и оценке сведений, которые в дальнейшем будут иметь значение при решении вопроса о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Такая деятельность осуществляется по общим правилам доказывания, закрепленным в ст. 73, 74, 85-88 УПК РФ. Однако следует учитывать, что наряду с обстоятельствами совершения преступления здесь также подлежат установлению и специальные факты, прямо указанные в уголовном законе в качестве условий освобождения. То есть, установлению подлежат не только событие деяния, причастность к нему конкретного лица и его уголовно-правовую квалификация, но и дополнительные обстоятельства, с которыми закон связывает возможность отказа от дальнейшей реализации уголовной ответственности.

Установление таких условий происходит также через собирание и проверку доказательств, подтверждающих обстоятельства, указанные в качестве условий соответствующего вида освобождения от уголовной ответственности в статьях Общей части УК РФ или в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. При этом значение имеет не только формальное наличие таких фактов, но и их реальность, добровольность, полнота и юридическая значимость. Поэтому процессуальное установление условий освобождения не сводится к механическому фиксированию отдельных сведений, а предполагает их проверку на предмет допустимости, достоверности и достаточности[1]. В связи с этим подлежит установлению, носили ли действия лица действительно добровольный характер, были ли они направлены на устранение или смягчение причиненного вреда,

[1] См., напр.: Назырова Н.А. Реализация следователем функции разрешения дела при принятии правового решения о прекращении уголовного дела // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 199-208.

содействовало ли лицо раскрытию преступления, предпринимало ли меры к примирению с потерпевшим.

Показателен в этом отношении приговор Заельцовского районного суда города Новосибирска от 28 января 2026 г. по делу № 1-111/2026 о краже денежных средств с банковского счета, предусмотренной п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В данном деле подсудимый после изобличения признал вину, дал подробные показания об обстоятельствах совершенного деяния, оформил явку с повинной, возместил причиненный ущерб и примирился с потерпевшей. Суд, однако, специально разграничил фактическое содействие расследованию и его юридическое значение. Было указано, что на момент обращения подсудимого к следователю правоохранительным органам уже было известно о его причастности к преступлению, вследствие чего его сообщение не содержало таких новых сведений, которые позволяли бы рассматривать его как добровольное сообщение о преступлении. По этой причине положительное посткриминальное поведение лица были расценены судом в качестве смягчающего обстоятельства, а не условия освобождения от уголовной ответственности[1]. Вопрос о прекращении уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием и (или) примирением с потерпевшим, либо в связи с уплатой судебного штрафа не ставился, поскольку хищение денежных средств с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) относится к категории тяжких преступлений, на которые не распространяется действие ст. 75,76 и 76[1] УК РФ.

Таким образом, установление условий дискреционного освобождения представляет собой не одномоментный акт, а комплексную процедуру, включающую собирание и проверку доказательств, подтверждение предусмотренных уголовным законом обстоятельств, оценку посткриминального поведения лица, выяснение его отношения к прекращению уголовного преследования. Именно в результате такой процедуры создается необходимая процессуальная основа для вывода о наличии либо отсутствии основания

[1] Приговор Заельцовского районного суда города Новосибирска от 28 января 2026 г. по делу № 1-111/2026 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 13.07.2026).

освобождения от уголовной ответственности, то есть о том, свидетельствуют ли все оцененные условия об утрате или о снижении общественной опасности личности.

Вместе с тем установление и процессуальная фиксация указанных обстоятельств еще не означают автоматического вывода о возможности освобождения лица от уголовной ответственности. Следующим необходимым этапом выступает их оценка, причем такая оценка должна осуществляться не произвольно, а в определенной логической последовательности, основанной на том, что в действующем законодательстве дискреционное освобождение от уголовной ответственности построено на сочетании условий различной юридической природы и разной степени определенности. Следовательно, и порядок их установления не может быть единообразным в техническом смысле, поскольку соответствующие условия требуют разных познавательных и доказательственных процедур, а также различной степени мотивировки итогового вывода.

Прежде всего, необходимо отметить, что установление условий дискреционного освобождения от уголовной ответственности подчиняется определенной внутренней логике. Эта логика заключается в движении от менее спорных и более формализованных обстоятельств к обстоятельствам, требующим содержательной интерпретации. Иными словами, правоприменитель не может сразу переходить к выводу об утрате общественной опасности личности, минуя проверку тех формальных предпосылок, которые очерчивают саму возможность применения соответствующей поощрительной нормы[1].

При решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности, в первую очередь, подлежат установлению формальные условия его применения. К таким условиям относятся совершение преступления впервые, отнесение деяния к преступлениям определенной категории тяжести, отсутствие неснятой или непогашенной судимости в случаях, когда это влияет на признание лица впервые

[1] Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации. С. 7.

совершившим преступление, а также иные обстоятельства, которые могут быть подтверждены посредством установления юридически значимых фактов.

Проверка указанных условий осуществляется на основе сведений о судимости, материалов уголовного дела, процессуальных документов, данных о личности обвиняемого и иных официальных источников[1]. Назначение формальных условий заключается не в оценке внутренней обоснованности освобождения, а в установлении пределов его допустимости. Так, если совершенное деяние не относится к преступлениям небольшой или средней тяжести применительно к ст. 75, 76 и 76[2] УК РФ либо лицо не может быть признано впервые совершившим преступление, последующая оценка условий утрачивает самостоятельное уголовно-правовое значение для решения вопроса об освобождении от ответственности[2].

Следовательно, формальные условия выполняют функцию предварительного правового фильтра. Они позволяют определить, может ли вопрос об освобождении от уголовной ответственности быть поставлен в принципе, и лишь при положительном ответе целесообразен переход к дальнейшей содержательной оценке поведения лица после совершения преступления.

Только после установления формальных условий правоприменителю необходимо переходить к исследованию оценочных и смешанных условий, содержание которых не исчерпывается констатацией юридического факта. К ним относятся все те обстоятельства, при установлении которых необходимо определить не только наличие действия, но и его юридическое качество.

Именно на этой стадии наиболее отчетливо проявляется специфика дискреционного механизма. Так, само по себе признание вины еще не означает деятельного раскаяния, так как оно может быть как следствием внутреннего пересмотра лицом своего поведения, так и вынужденной реакцией на уже

---

[1] См., напр.: Владимирова О.А. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 28-32.

[2] См., напр.: Лепина Т.Г. «Совершение лицом преступления впервые» как условие освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 1. С. 52-57.

собранные доказательства. Аналогичным образом возмещение ущерба может быть выражением реального стремления устранить причиненные последствия, а может выступать лишь тактическим шагом, предпринятым исключительно в расчете на освобождение от ответственности. В связи с этим установление условий, необходимой составляющей которых является субъективное отношение лица к совершаемым действия, требует исследования не только внешнего факта совершения соответствующего действия, но и его контекста, а именно момента, в который оно было совершено, степени его инициативности, реального вклада в достижение охраняемой законом цели[1].

Наиболее сложными здесь являются именно смешанные условия, в которых как отмечалось ранее формальный и оценочный элементы соединены в пределах одной нормативной конструкции. Поэтому и установление смешанных условий предполагает двухуровневую процедуру, сочетающую удостоверение наличия соответствующего факта с определением его качественной характеристики.

Так, при добровольной сдаче предметов преступления, выступающей в качестве условия освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечаниями к ст. 222, 222[1], 223, 223[1], 228, 228[3] УК РФ, на первом этапе устанавливается его внешняя, фактически подтверждаемая сторона, то есть имело ли место освобождение потерпевшего, прекращение участия, передача предмета, сообщение о совершенном деянии либо иное предусмотренное законом действие. Этот этап носит преимущественно доказательственный характер и предполагает обращение к протоколам следственных действий, объяснениям лица, показаниям свидетелей, материалам оперативно-розыскной деятельности и иным источникам. Однако установления самого факта совершения соответствующего действия недостаточно. На втором этапе правоприменитель должен оценить его качественную сторону, поскольку именно она придает такому поведению значение при решении вопроса об освобождении, так как сдача предметов при отсутствии добровольности, не может свидетельствовать о позитивных изменениях в личности

[1] См., напр.: Арсенова Н.В. Признание вины, полученное при проверке сообщения о преступлении, как доказательство по уголовному делу // Алтайский юридический вестник. 2018. № 4 (24). С. 105-110.

правонарушителя и соответственно указывать на утрату или снижение степени общественной опасности. Таким образом, необходимо установить, являлась ли такая передача результатом свободного волеизъявления лица в ситуации, когда оно сохраняло фактическую возможность продолжить незаконное хранение, скрыть предмет либо распорядиться им иным образом. Если же предмет был изъят в ходе обыска, обнаружен сотрудниками правоохранительных органов либо передан лицом лишь после того, как его сокрытие стало невозможным, оснований для вывода о добровольности не имеется.

Следовательно, при оценке данного условия необходимо разграничивать формальное исполнение предусмотренного законом действия и его действительное уголовно-правовое содержание. Первое подтверждает сам факт поведения лица, второе позволяет определить, может ли это поведение рассматриваться как добровольное, своевременное и социально значимое условие для освобождения от уголовной ответственности. Именно необходимость такой двойной проверки и обусловливает смешанный характер рассматриваемого условия.

Следовательно, значение посткриминального поведения определяется не только его содержанием, но и тем, в рамках какого вида освобождения оно оценивается. Специальные нормы связывают его с более жесткими временными пределами, тогда как общие виды допускают более широкую и содержательную оценку. Подробнее о разграничении общих и специальных видов дискреционного освобождения и роли признака своевременности далее в настоящем исследовании.

Не менее наглядно необходимость содержательной оценки проявляется на примере заглаживания причиненного вреда. Указание в законе на возможность загладить вред «иным образом» означает, что законодатель допускает разные формы посткриминального поведения и не связывает заглаживание вреда с каким-то универсальным способом. В таких случаях правоприменитель уже не ограничивается установлением количественных параметров компенсации, а должен оценить, способны ли совершенные действия реально устранить либо смягчить последствия преступления, являются ли они соразмерными причиненному вреду и достаточны ли для восстановления нарушенных интересов

потерпевшего. Именно здесь проявляется собственно оценочный элемент рассматриваемого условия. Однако применительно к оценке заглаживания вреда не всегда все прозрачно. Так, в постановлении Волоколамского городского суда Московской области от 29 августа 2025 г. по делу № 1-139/2025 подсудимые обвинялись в незаконном лишении свободы и самоуправстве (ст. 127, 330 УК РФ). Потерпевший заявил о возмещении ущерба и примирении, не раскрывая в чем именно выражалось заглаживание вреда. Суд ограничился общей фразой «материальный и моральный ущерб полностью возмещен»[1].

Исходя из текста закона вред может быть заглажен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные охраняемым общественным отношениям. Казалось бы, проблема решена. Но именно эта, на первый взгляд, прогрессивная позиция порождает главную коллизию: как оценить «достаточность» заглаживания вреда, когда потерпевший как таковой отсутствует и (или) когда вред причинен абстрактным интересам общества и государства?

Постановление Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г. № 117-УД23-1-К4 демонстрирует эту коллизию в ее классическом виде. Ч. обвинялся в публичном оскорблении представителя власти (ст. 319 УК РФ). Кассационный суд отменил постановление мирового судьи о прекращении дела с назначением судебного штрафа, посчитав, что суд не учел объект преступления (нормальную деятельность органов власти) и не указал, как действия Ч. снижают общественную опасность личности. Верховный Суд РФ, отменяя кассационное постановление, подчеркнул, что Ч. принес извинения потерпевшему лично и публично через газету, а также сделал пожертвование в детский дом. Эти действия были расценены как направленные на восстановление нарушенных прав потерпевшего и авторитета органов власти[2]. Иными словами, Верховный Суд признал «заглаживанием» комплекс мер, адресованных как конкретному лицу, так и обществу в целом.

---

[1] Постановление Волоколамского городского суда Московской области от 29 августа 2025 года по делу № 1-139/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 № 117-УД23-1-К4 // Интернет-ресурс: Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 23.01.2026).

Изложенное позволяет заключить, что порядок установления условий дискреционного освобождения от уголовной ответственности не является единым в процессуально-техническом смысле. Он варьируется в зависимости от природы соответствующего условия. Однако при всем многообразии условий их установление подчиняется общей последовательности от проверки формальных признаков допустимости к исследованию оценочных и смешанных условий.

Вместе с тем установление условий освобождения само по себе еще не исчерпывает содержание правоприменительного вывода. Условия позволяют определить, соблюдены ли предусмотренные законом предпосылки применения поощрительной нормы, однако они не всегда прямо отвечают на вопрос о том, почему в конкретном случае отказ от уголовной ответственности является оправданным. Такой вопрос, как было установлено ранее, относится уже к выявлению основания освобождения. Иными словами, условия дискреционного освобождения очерчивают пределы допустимости применения соответствующей нормы и задают правоприменителю необходимые ориентиры доказывания. Основание же выражает внутреннюю причину такого освобождения, то есть тот итоговый уголовно-правовой вывод, который делает применение ответственности нецелесообразным либо чрезмерным[1].

В связи с этим далее следует этап, суть которого состоит в сопоставлении всех установленных обстоятельств с характером совершенного преступления, тяжестью причиненного вреда, данными о личности, поведением после преступления, наличием или отсутствием новых противоправных проявлений и иными данными, имеющими значение для прогноза дальнейшего поведения лица. По сути здесь как раз и устанавливается наличие либо отсутствие основания, для чего правоприменителю необходимо ответить на вопрос о том, свидетельствует ли вся совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица о действительном изменении его отношения к содеянному, а не только о ситуативном стремлении избежать уголовной ответственности. Иными словами,

[1] Шеслер А.В., Шеслер С.С. Уголовно-правовая оценка общественной опасности лица, совершившего преступление // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 21-25.

правоприменитель должен оценить не отдельное действие как таковое, а его место в общей картине посткриминального поведения.

Именно здесь решается главный вопрос о том, можно ли считать, что лицо перестало быть общественно опасным либо степень его общественной опасности снизилась настолько, что уголовная ответственность становится излишней.

В этом ключе интерес вызывает постановление Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 29 января 2026 г. по делу № 1-104/2026 о прекращении уголовного дела по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 306 УК РФ, с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Из содержания постановления видно, что суд последовательно выделяет два самостоятельных этапа. Сначала он устанавливает условия применения ст. 76^2 УК РФ, фиксирует наличие тех обстоятельств, которые делают освобождение допустимым с точки зрения закона. После констатации условий суд переходит к их оценке в совокупности, прямо указывая, что эти условия «в совокупности позволяют сделать вывод о существенном снижении общественной опасности ФИО2». Лишь после этого вывода суд формулирует итоговое решение о допустимости освобождения от уголовной ответственности[1].

Таким образом, даже полностью подтвержденные условия не освобождают правоприменителя от обязанности оценить, свидетельствуют ли они в своей совокупности о фактической утрате либо существенном снижении общественной опасности личности. И наоборот, убежденность в положительных изменениях личности не может заменить собой необходимость соблюдения установленных законом условий. В этом и состоит специфика порядка установления рассматриваемых элементов.

В указанном смысле дискреционное освобождение от уголовной ответственности тесно связано с идеей восстановительного правосудия, сущность которого проявляется в том, что уголовно-правовой конфликт в ряде случаев может

[1] Постановление Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 29 января 2026 г. по делу № 1-104/2026 // Интернет-ресурс: Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 15.07.2026).

быть разрешен не только посредством традиционного карательного воздействия, но и через восстановление нарушенных преступлением общественных отношений, компенсацию причиненного вреда, учет позиции потерпевшего и позитивное посткриминальное поведение виновного. Возмещение ущерба, заглаживание вреда, примирение с потерпевшим, активное способствование раскрытию и расследованию преступления в данном контексте выступают не просто как формально закрепленные в законе условия освобождения, а как юридически значимые проявления восстановительной модели реагирования на преступление[1]. В связи с этим оценка таких условий должна быть направлена на установление не только самого факта совершения соответствующих действий, но и того, привели ли они к реальному снижению социальной конфликтности, восстановлению нарушенных интересов потерпевшего и изменению уголовно-правовой характеристики личности, выраженной в утрате или снижении ее общественной опасности. Таким образом, применение дискреционных видов освобождение от уголовной ответственности становится допустимым тогда, когда цели уголовно-правового воздействия в значительной мере достигаются без дальнейшей реализации уголовной репрессии.

Таким образом, процессуальная сторона позволяет определить порядок проверки и оценки юридически значимых обстоятельств дискреционного освобождения от уголовной ответственности. Однако, *уголовно-процессуальное измерение исследуемого порядка не может быть до конца уяснено в отрыве от его уголовно-правового (материального) содержания*.

Именно нормы уголовного права определяют виды освобождения от уголовной ответственности, закрепляют круг необходимых условий их применения, задают правоприменителю пределы усмотрения и тем самым формируют внутреннее содержание оценки, которая затем получает процессуальное выражение. То есть, если уголовно-процессуальное измерение

[1] См., напр.: Бажанов С.А., Пырченкова Г.С. Восстановительное правосудие // Право и управление. 2026. № 3. С. 155-160; Филоненко Т.В. Восстановительное правосудие как альтернатива уголовному наказанию // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 736-741.

отвечает на вопрос о том, *каким образом* соответствующие обстоятельства освобождения должны быть выявлены, проверены, доказаны и процессуально оформлены, то материально-правовое позволяет установить, что именно подлежит выяснению в содержательном смысле и почему эти обстоятельства способны повлечь отказ государства от дальнейшей реализации уголовной ответственности.

Материально-правовое измерение позволяет перейти от нормативных условий освобождения к оценке содержательной причины его применения. В этой связи исследуемый порядок приобретает и криминологическое измерение, поскольку, как было обосновано ранее, основанием дискреционного освобождения от уголовной ответственности является утрата либо существенное снижение общественной опасности личности. Указанное различие в посткриминальном изменении личности правонарушителя имеет не только теоретическое, но и непосредственное прикладное значение, поскольку от степени такого изменения зависит допустимость и выбор конкретного вида освобождения от уголовной ответственности. Именно в рамках оценки степени утраты лицом общественной опасности проявляется криминологическое измерение исследуемого порядка. Поскольку личность правонарушителя и динамика ее общественной опасности традиционно относятся к числу центральных объектов криминологического исследования.

Логично, что разная степень общественной опасности личности не может влечь одинаковые правовые последствия. Если лицо вследствие совершенных им посткриминальных действий утратило общественную опасность, то дальнейшее уголовно-правовое воздействие становится излишним[1]. В этом случае освобождение должно носить «полный» характер, поскольку отпадает сама необходимость в сохранении какой-либо формы публичной уголовно-правовой реакции. Если же указанные обстоятельства свидетельствуют не об утрате, а лишь о снижении общественной опасности личности, то отказ от уголовной ответственности может быть допустим, однако полное устранение

[1] Кузьмина О.Н. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 87-91.

государственного реагирования уже не выглядит оправданным. Сохранение хотя бы минимальной степени общественной опасности требует сохранения и определенного объема публичного воздействия.

Как представляется, в качестве такой формы публичного воздействия выступает судебный штраф, который, как отмечалось ранее, обладает особой правовой природой и может рассматриваться как форма реализации уголовной ответственности, имеющая характер квази-ответственности. Его применение, с одной стороны, означает отказ государства от традиционной модели уголовного преследования и осуждения, а с другой сохраняет необходимый минимум уголовно-правового воздействия на лицо, еще не утратившее общественную опасность полностью. Именно поэтому освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа представляется уместным в тех случаях, когда посткриминальное поведение лица свидетельствует о снижении его общественной опасности, однако не позволяет сделать вывод о ее полной утрате. В такой ситуации судебный штраф выступает в качестве обоснованной реакции государства, позволяющей учесть позитивные изменения в личности виновного, но не игнорировать сохраняющуюся потребность в публично-правовом воздействии.

Указанное подтверждается результатами экспертного опроса, проведенного нами в ходе работы над диссертацией. На вопрос: «Можно ли считать судебный штраф (ст. 76^2 УК РФ) промежуточной формой реагирования государства, занимающей место между полным освобождением от ответственности и уголовным наказанием?» 40% опрошенных ответили, что это, по сути, новая форма уголовно-правового воздействия, не являющаяся ни ответственностью, ни ее отсутствием, еще 39% посчитали, что судебный штраф по своим последствиям ближе к иным мерам уголовно-правового характера, в то же время судебный штраф как специфический вид освобождения от уголовной ответственности рассматривают лишь 17,2% опрошенных. Интересно, что на вопрос: «Какой из перечисленных факторов, на Ваш взгляд, должен иметь приоритетное значение при решении вопроса о применении ст. 76^2 УК РФ?» примерно треть опрошенных

посчитали, что в данном случае на первом месте стоит достижение целей восстановительного правосудия и снижения общественной опасности личности (Приложение 2).

Из сказанного следует, что результаты криминологического исследования личности должны непосредственно влиять на выбор конкретного вида дискреционного освобождения от уголовной ответственности. В рамках общих видов освобождения, предусмотренных ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ, данная логика проявляется особенно наглядно. Несмотря на частичное совпадение или пересечение формальных условий их применения, эти нормы не являются функционально равнозначными.

Следовательно, степень изменения общественной опасности личности должна рассматриваться не только как основание дискреционного освобождения от уголовной ответственности, но и как критерий выбора между его общими видами. Иначе говоря, при утрате общественной опасности предпочтение должно отдаваться ст. 75 или 76 УК РФ, а при ее снижении ст. 76^2 УК РФ. Иное решение фактически приводило бы к уравниванию ситуаций, различающихся по своему криминологическому содержанию, что нарушало бы требования справедливой и индивидуализированной уголовно-правовой реакции.

Изложенное также подтверждается результатами экспертного опроса. Так, на вопрос: «Как Вы оцениваете соотношение норм, предусмотренных ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ, с учетом схожести формальных условий их применения?» 48,6% ответили, что несмотря на формальное сходство, они имеют различную правовую природу и не должны подменять друг друга (Приложение 2).

В специальных видах освобождения от уголовной ответственности указанная закономерность проявляется в несколько иной, но сходной форме. Если лицо выполнило все условия, предусмотренные примечанием к соответствующей статье Особенной части УК РФ, то это, как правило, свидетельствует о таком позитивном изменении его поведения, которое позволяет сделать вывод об утрате общественной опасности. Вместе с тем определяющим здесь выступает не только и не столько сам факт выполнения предусмотренных законом условий, сколько

их своевременность. Именно своевременное совершение соответствующих действий позволяет в таком случае применить специальный вид освобождения как форму полного отказа государства от дальнейшего уголовно-правового преследования. Однако возможны ситуации, при которых лицо не выполнило специальные условия в полном объеме, либо такие действия не обладают признаком своевременности, вследствие этого применение соответствующего примечания исключается[1], но предпринятые им действия, положительно характеризующие его личность все же не могут остаться без внимания. В подобного рода случаях сам по себе отказ в применении специального вида освобождения не должен автоматически влечь необходимость продолжения уголовного преследования в обычном порядке. Напротив, установленное снижение общественной опасности может служить основанием для обращения к общим дискреционным механизмам, и прежде всего, по обозначенным ранее причинам, к освобождению с назначением судебного штрафа, если для этого имеются предусмотренные законом условия (более подробно об этом далее в настоящем исследовании).

Таким образом, уголовно-правовое и криминологическое измерение порядка установления условий и основания дискреционного освобождения от уголовной ответственности в своей совокупности проявляются в оценке правоприменителем факта соблюдения требований закона, на основе которой далее устанавливаются изменения, произошедшие в личности виновного после совершения преступления, поскольку именно особенности таких изменений, по нашему мнению, должны предопределять характер правовых последствий, что будет обеспечивать внутренне непротиворечивое соотношение общих и специальных видов освобождения, соответствует задачам индивидуализации уголовно-правового воздействия и придаст субинституту дискреционного освобождения больше согласованности.

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам.

---

[1] См., напр.: Сердюкова Е.В. Соотношение общих и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. С. 163-166.

1. *Порядок установления условий и основания дискреционного освобождения от уголовной ответственности представляет собой последовательную правоприменительную процедуру, имеющую смешанную природу*. Он включает в себя выявление обстоятельств, потенциально свидетельствующих о возможности освобождения, их процессуальную проверку и доказывание, установление предусмотренных уголовным законом условий, оценку этих условий в совокупности, формирование вывода о наличии либо отсутствии основания освобождения, принятие и надлежащее мотивирование итогового процессуального решения. Вместе с этим порядок установления условий и основания не может быть сведен исключительно к уголовно-процессуальной процедуре, материально-правовой конструкции или самостоятельной криминологической оценке личности. Его содержание раскрывается только в единстве этих взаимосвязанных измерений, что обеспечивает проверяемость, обоснованность и справедливость решения об освобождении от уголовной ответственности.

2. *Установление условий дискреционного освобождения должно осуществляться в определенной логической последовательности, начиная с проверки формальных условий допустимости*, очерчивающих саму возможность применения соответствующей нормы, *заканчивая содержательной оценкой оценочных и смешанных условий*, требующих исследования их юридического качества.

3. *Установление предусмотренных законом условий не тождественно установлению основания дискреционного освобождения от уголовной ответственности*. После подтверждения необходимых условий правоприменитель обязан оценить их в совокупности с характером преступления, размером причиненного вреда, данными о личности, поведением после совершения преступления и иными обстоятельствами и мотивированно установить, свидетельствуют ли они о полной утрате либо существенном снижении общественной опасности лица, поскольку *выбор конкретного вида дискреционного освобождения от уголовной ответственности должен*

определяться именно степенью изменения общественной опасности личности. Различная степень такого изменения должна предопределять разницу в том, насколько государство может отступить от уголовно-правового реагирования в ее традиционном виде (привлечение к уголовной ответственности). Такой подход обеспечивает внутреннюю согласованность системы освобождения от уголовной ответственности, ее дифференциацию и соответствие требованиям справедливости, индивидуализации и экономии уголовной репрессии. В целях практической реализации данного подхода необходимо его закрепление на уровне разъяснений Верховного Суда РФ. В связи с этим целесообразно *п. 23 постановления Пленума от 27.06.2013 г. № 19 дополнить абзацем вторым следующего содержания:*

«*При наличии нескольких нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования согласие лица на применение любого из них не исключает обязанности суда мотивировать выбор конкретного основания, исходя из характера и степени общественной опасности деяния, данных о личности виновного и его поведения после совершения преступления*» (Приложение 3).

ГЛАВА 3. ПРИМЕНЕНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДИСКРЕЦИОННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 3.1. Конкуренция общих видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности

При решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности, как отмечалось ранее, определяющее значение должно иметь не формальное наличие условий, указанных в законе, а основание такого освобождения, то есть утрата или существенное снижение общественной опасности лица, совершившего соответствующее уголовно наказуемое деяние. Именно это позволяет не только понять, действительно ли уголовно-правовой конфликт исчерпан, но и то, какой из предусмотренных законом видов освобождения является предпочтительным.

Особую теоретическую и практическую сложность представляет проблема соотношения значительно совпадающих по содержанию деятельного раскаяния, примирения с потерпевшим и назначения судебного штрафа. Как справедливо отмечает И.В. Овсянников, внешнее сходство условий нередко создает впечатление об их взаимозаменяемости, что подтверждается материалами неоднородной судебной практики, в которой по сходным делам принимаются принципиально различные процессуальные решения, причем расхождения наблюдаются даже в пределах одного и того же районного суда[1].

Уголовный закон вопрос о том, как необходимо разрешать конкуренцию между видами освобождения от уголовной ответственности, предусмотренными ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ, прямо не урегулировал.

Соотношение указанных норм трудно объяснить с позиций традиционных правил о конкуренции уголовно-правовых норм. В данном случае нельзя говорить о конкуренции общей и специальной нормы, поскольку все три рассматриваемых

[1] Овсянников И.В. Назначение судебного штрафа: неоднородность судебных решений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 60–63

вида дискреционного освобождения закреплены в Общей части УК РФ, имеют самостоятельное содержание и не находятся в отношении подчинения друг к другу. Также этот вопрос нельзя решить и опираясь на правило конкуренции части и целого, так как каждый из этих видов является самостоятельным. Поэтому, здесь имеет место ситуация, при которой одни и тех же фактические обстоятельства могут влечь возможность применения нескольких норм, однако в силу их разных правовых последствий данный факт нельзя оставлять без внимания.

Решение данной проблемы было предложено Верховным Судом РФ, который в постановлении Пленума от 27.06.2013 г. № 19 исходит из того, что выбор конкретного вида освобождения от уголовной ответственности во многом связан с волеизъявлением лица, в отношении которого решается вопрос об освобождении. Так, в п. 23 указанного постановления сказано, что «если имеется несколько нереабилитирующих оснований, суд в целях соблюдения требований ч. 2 ст. 27 УПК РФ разъясняет лицу право возражать против прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования по каждому из этих оснований и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование по тому основанию, против которого оно не возражает».

На этот счет С.Е. Суверов, исследуя вопросы разрешения конкуренции между нормами института освобождения от уголовной ответственности, указывает, что «в действительности может возникнуть ситуация, при которой такое лицо не выражает какого-либо предпочтения относительно выбора конкретного вида освобождения от уголовной ответственности, соглашаясь на все возможные»[1].

Например, М.Н. Урда, исследуя вопросы противодействия незаконной миграции затрагивает вопрос освобождения от уголовной ответственности в случае совершения преступлений, предусмотренных ст. 322^2 и 322^3 УК РФ. Она

[1] Суверов С.Е. Подходы к разрешению конкуренции между нормами института освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2. С. 53-55.

приводит пример того, как подсудимые обращаются с ходатайством о прекращении производства по любому из трех доступных им механизмов (деятельное раскаяние, освобождение с назначением судебного штрафа и освобождение в соответствии с примечанием к ст. 322[3] УК РФ)[1].

В.В. Ценева считает при таком положении дел правоприменителю следует исходить из того, что выбирать следует норму, наиболее полно отражающую все признаки постпреступного поведения[2].

С этим, в принципе, можно согласиться. Вместе с тем нельзя исключать ситуации, когда одновременно соблюдаются все необходимые условия, что создает равную возможность применения нескольких норм. Судебная практика показывает, что при обосновании разных видов дискреционного освобождения суды нередко используют одни и те же аргументы.

Например, постановлением Советского районного суда города Махачкалы от 28 августа 2025 г. по делу № 1-619/2025 было прекращено уголовное дело в отношении ФИО1, совершившего кражу с причинением значительного ущерба гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ), с освобождением его от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Из постановления следует, что в качестве обстоятельств, учитываемых судом при решении вопроса об освобождении, выступили совершение впервые преступления средней тяжести, признание вины и раскаяние, возмещение ущерба, а также положительные характеристики личности обвиняемого[3]. Именно эти обстоятельства были приведены судом в обоснование применения нормы о деятельном раскаянии в связи с тем, что их совокупность свидетельствует об утрате лицом общественной опасности, однако они с тем же успехом подходят под условия для применения судебного штрафа.

---

[1] Урда М.Н. Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции как инструмент миграционного контроля: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 218.

[2] Ценева В.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: дис. … канд. юрид. наук. Кемерово, 2002. С. 168.

[3] Постановление Советского районного суда города Махачкалы от 28 августа 2025 г. по делу № 1-619/2025 // Интернет-ресурс: Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 19.07.2026).

Другим примером здесь служит постановление Трусовского районного суда города Астрахани от 18 января 2026 г. по делу № 1-41/2026 в отношении ФИО1, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 322^2 УК РФ. В результате рассмотрения дела суд прекратил его с освобождением ФИО1 от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа указав, что совершение впервые преступления средней тяжести, положительные характеристики личности подсудимого, действия, предпринятые им для заглаживания вреда, а также признание вины и раскаяние в совокупности являются достаточными для вывода о возможности применения именно ст. 76^2 УК РФ[1].

Из приведенных постановлений видно, что суды опирались на сходные обстоятельства, которые могли бы обосновывать как деятельное раскаяние, так и судебный штраф. При этом в судебных актах не было ясно указано, почему в одном случае применена ст. 75 УК РФ, а в другом ст. 76^2 УК РФ.

Исследователи предлагают различные пути решения конкуренции общих видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности. По мнению Л.В. Иногамовой-Хегай и П.В. Коробова, приоритет имеет наиболее благоприятный для освобождаемого лица вид освобождения[2]. В.В. Олейник и ВВ Ценёва считают, что приоритетным является вида освобождения, наиболее предпочтительный для потерпевшего[3]. С.Е. Суверов предпочтение отдает виду освобождения, способному в наибольшей степени способствовать достижению задач уголовного закона[4].

Более предпочтительным и соответствующим принципам уголовного права, на наш взгляд, является подход, согласно которому при конкуренции общих видов

---

[1] Постановление Трусовского районного суда города Астрахани от 18 января 2026 г. по делу № 1-41/2026 // Интернет-ресурс: Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 19.07.2026).

[2] См.: Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права: дис. … д-ра юрид наук. М., 1999. С. 230; Коробов П.В. О двух группировках видов освобождения от уголовной ответственности // Вестник ВУиТ. 2010. № 73. С. 98.

[3] См., напр.: Олейник В.В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании: дис. .. канд. юрид. наук. Хабаровск, 2020. С. 10; Ценёва В.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. С. 178.

[4] См., напр.: Суверов С.Е. Подходы к разрешению конкуренции между нормами института освобождения от уголовной ответственности. С. 54.

дискреционного освобождения приоритет должен отдаваться тому из них, который в наибольшей степени способствует достижению задач уголовного закона. Так, вопрос конкуренции общих видов дискреционного освобождения стоит остро в первую очередь из-за обозначенной ранее разницы в правовой природе этих видов освобождения. Как уже отмечалось, судебный штраф обладает особой правовой природой и не может рассматриваться как равнозначный деятельному раскаянию и примирению с потерпевшим. Если освобождение по ст. 75 и 76 УК РФ означает фактическое прекращение уголовно-правового конфликта ввиду утраты лицом общественной опасности, то освобождение с назначением судебного штрафа сохраняет минимально необходимую форму воздействия на правонарушителя[1]. В этом и проявляется его промежуточный характер, который не должен упускаться из виду правоприменителем.

По мнению И.В. Овсянниковой, ст. 76^2 УК РФ подлежит применению лишь в тех случаях, когда освобождения от уголовной ответственности без иной формы воздействия невозможно либо является явно недостаточным[2]. Иной подход предлагает Т.В. Гриценко. По ее мнению, при формальном совпадении условий применения дискреционных видов освобождения от уголовной ответственности суд вправе выбрать любой из предусмотренных законом механизмов, в том числе судебный штраф, если именно он представляется более адекватной формой реагирования[3].

По нашему мнению, судебный штраф не должен подменять собой иные общие дискреционные виды освобождения от уголовной ответственности. Иначе утрачивается смысл ст. 76^2 УК РФ как меры, сохраняющей определённую форму публичного реагирования при отказе от полноценной уголовной ответственности.

---

[1] Гриценко Т.В., Абызова Е.Р., Кравцов С.С. К вопросу о правовой природе судебного штрафа и его месте в системе оснований прекращения уголовного преследования (дела), связанных с позитивным постпреступным поведением обвиняемого (подозреваемого) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. № 2. С. 110-117.

[2] Овсянников И.В. Назначение судебного штрафа: неоднородность судебных решений. С. 60-63.

[3] Гриценко Т.В., Абызова Е.Р., Кравцов С.С. К вопросу о правовой природе судебного штрафа и его месте в системе оснований прекращения уголовного преследования (дела), связанных с позитивным постпреступным поведением обвиняемого (подозреваемого). С. 113-115.

Если вред заглажен, конфликт фактически исчерпан, нарушенные отношения восстановлены, а лицо перестало быть общественно опасным, применение судебного штрафа вместо «полного» освобождения может носить избыточный характер и не в полной мере соответствовать принципам справедливости и экономии уголовной репрессии.

Вместе с этим, по мнению П.А. Каматесова, в случае конкуренции судебного штрафа с иными видами освобождения от уголовной ответственности приоритетными являются все остальные нереабилитирующие виды[1]. Данный подход, безусловно заслуживает внимание, однако всегда при конкуренции ставить на первое место иные виды освобождения не вполне оправдано.

На наш взгляд, при разрешении конкуренции между общими видами освобождения от уголовной ответственности первостепенное значение должна иметь степень утраты общественной опасности личности. Если в результате совершённого деяния лицо полностью утратило общественную опасность, а причинённый вред заглажен, конфликт с потерпевшим фактически исчерпан и восстановлены нарушенные общественные отношения, приоритет следует отдавать освобождению по ст. 75 или 76 УК РФ. Судебный штраф должен применяться тогда, когда общественная опасность лица не исчезла полностью, но существенно снизилась, а для достижения целей уголовного закона сохраняется потребность в минимальной публично-правовой реакции. Иными словами, судебный штраф следует рассматривать как субсидиарный вид освобождения, подлежащий применению лишь при невозможности или недостаточности иных общих дискреционных механизмов, что в наибольшей степени соответствует его функциональному назначению и обеспечивает внутреннюю согласованность системы дискреционного освобождения от уголовной ответственности.

Исходя из этого, конкуренция между ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ разрешается не на уровне сравнения формальных признаков, а на уровне содержательной оценки

[1] Каматесов П.А. Применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при конкуренции с иными основаниями прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 106-110.

того, требует ли совершенное деяние сохранения какого-либо принудительного воздействия со стороны государства.

Вместе с этим на практике выбор общего дискреционного вида освобождения имеет больше переменных и зависит от характера преступления, особенностей причиненного вреда, наличия потерпевшего и других обстоятельств конкретного дела. Поэтому значимым является рассмотрение вопросов конкуренции указанных норм применительно к отдельным, наиболее спорным с этой точки зрения группам составов преступлений.

Самостоятельную группу образуют составы с административной преюдицией, в которых уголовно-правовая квалификация деяния обусловлена предшествующим привлечением лица к административной ответственности за аналогичное правонарушение (ст. 116^1, 158^1, 264^1 УК РФ и др.). Конкуренция общих дискреционных видов освобождения по таким делам приобретает особую остроту, поскольку сама конструкция состава предполагает, что лицо ранее уже подвергалось государственному принуждению, оказавшемуся недостаточным для предупреждения нового, теперь уже преступного деяния. В подобных случаях освобождение от уголовной ответственности по ст. 75 или 76 УК РФ создает внутренне противоречивую правовую ситуацию, при которой за первое деяние лицо понесло административное наказание, а за аналогичное, признанное законодателем преступлением, фактически не испытывает никаких публично-правовых последствий.

В научной литературе вопрос об освобождении от уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией также ставится под сомнение.

По мнению О.А. Беларевой, ограничение применения к лицам, совершившим преступление с административной преюдицией, норм об освобождении от уголовной ответственности не соответствует принципу

равенства всех перед законом и ставит их в неравное положение с иными лицами, совершившими впервые преступление небольшой или средней тяжести[1].

Не смотря на наличие в теории уголовного права противоположных позиций относительно возможности освобождения от уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией[2] на практике суды исходят из возможности применения любого из видов дискреционного освобождения в случае их совершения.

Например, Канашский районный суд Чувашской Республики в постановлении от 30 ноября 2025 г. по делу № 1-220/2025 по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116[1] УК РФ, прекратил уголовное дело в связи с деятельным раскаянием. Суд установил, что подсудимый впервые совершил преступление небольшой тяжести, полностью признал вину, после совершения деяния написал явку с повинной, способствовал раскрытию и расследованию преступления, принес потерпевшей извинения и выплатил компенсацию морального вреда в размере 50 000 рублей. Дополнительно суд учел данные о личности виновного, наличие у него постоянного места работы, детей на иждивении, а также позицию потерпевшей, не имевшей к нему претензий и просившей прекратить уголовное дело. Несмотря на возражения государственного обвинителя, суд пришел к выводу, что вследствие деятельного раскаяния лицо перестало быть общественно опасным, и освободил его от уголовной ответственности[3].

Иным примером служит постановление Кунгурского городского суда Пермского края от 09 октября 2025 г. по делу № 1-375/2025 о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 116[1] УК РФ. Исходя из текста постановления видно, что суд прекратил уголовное дело с назначением меры уголовно-правового характера

---

[1] Беларева О.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при совершении преступлений с административной преюдицией // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3 (56). С. 26.

[2] См., напр.: Анощенкова С.В., Суверов С.Е. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при совершении преступлений с административной преюдицией // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 63.

[3] Постановление Канашский районный суд Чувашской Республики в постановлении от 30 ноября 2025 г. по делу № 1-220/2025 // Интернет-ресурс: Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 20.07.2026).

в виде судебного штрафа. Подсудимый, ранее подвергнутый административному наказанию по ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административной ответственности (далее – КоАП РФ), вновь совершил насильственные действия, причинившие потерпевшей физическую боль. Вместе с тем суд установил, что он впервые совершил преступление соответствующей категории, признал вину, принес потерпевшей извинения и выплатил 10 000 рублей в счет заглаживания причиненного вреда. Потерпевшая не возражала против прекращения дела, государственный обвинитель также поддержал возможность применения ст. 76^2 УК РФ и ст. 25^1 УПК РФ. В результате суд прекратил уголовное дело и назначил виновному судебный штраф[1].

Приведенные примеры наглядно показывают, что в правоприменительной практике суды, как правило, не рассматривают наличие административной преюдиции как препятствие для применения любого вида дискреционного освобождения от уголовной ответственности.

По нашему мнению, в случае совершения преступлений с административной преюдицией наиболее адекватной формой реагирования при наличии условий освобождения от уголовной ответственности является освобождение с назначением судебного штрафа. Это обусловлено тем, что повторное совершение лицом аналогичного правонарушения в течение установленного срока, уже не позволяет говорить об утрате им общественной опасности в результате позитивных посткриминальных действий. В такой ситуации на основе выполненных условий можно говорить лишь о снижении общественной опасности, достаточном для отказа от полноценной уголовной репрессии, но не для полного освобождения от уголовной ответственности. В данном случае судебный штраф обеспечивает необходимый баланс. С одной стороны, он позволяет не реализовывать уголовную ответственность в полном объеме, а с другой, сохраняет качественное отличие уголовно-правовой реакции

[1] Постановление Кунгурского городского суда Пермского края от 09 октября 2025 г. по делу № 1-375/2025 // Интернет-ресурс: Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 20.07.2026).

от ранее примененного административного взыскания. Поэтому освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений с административной преюдицией представляется целесообразным именно в связи с назначением судебного штрафа что в полной мере будет соответствовать требованиям межотраслевой согласованности. С нами согласилось около трети респондентов (Приложение 2).

Вместе с тем, действующее законодательство не содержит каких-либо специальных ограничений или указаний относительно выбора конкретного вида дискреционного освобождения от уголовной ответственности по делам данной категории. Поэтому несмотря на то, что судебный штраф выглядит наиболее оправданным в подобных случаях, отсутствие ограничений в законе допускает и иные варианты правоприменительного решения.

М.Н. Урда предлагает установить соответствующий запрет в тексте уголовного закона[1]. Мнения респондентов на этот счет разделились, 34,3% опрошенных посчитали, что необходимы четкие критерии в Уголовном кодексе РФ, а 31,4% респондентов указали, что достаточно будет разъяснений на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ (Приложение 2).

Представляется, что решение этого вопроса может быть любым. Вместе с тем, проблема, на наш взгляд, состоит не столько в недостаточности самого уголовно-правового регулирования, сколько в отсутствии единых ориентиров для правоприменителя при выборе между несколькими формально допустимыми видами освобождения от уголовной ответственности.

Кроме того, в настоящее время руководящее значение разъяснений Верховного Суда РФ получило прямое законодательное закрепление. Так, принятым Федеральным конституционным законом от 04 августа 2026 г. № 3-ФКЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и статью 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации»,

[1] Урда М.Н. Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции как инструмент миграционного контроля: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 221.

подготовленным на основе законопроекта № 1241629-8[1], внесены изменения в ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которым разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики, принимаемые в целях обеспечения единообразного применения законодательства, имеют для судов руководящее значение.

Данное изменение подтверждает особую роль актов Верховного Суда РФ в формировании единообразной судебной практики, предупреждении судебных ошибок и обеспечении эффективности судебной защиты. В этой связи устранение обозначенного противоречия посредством разъяснений Пленума Верховного Суда РФ представляется не только наиболее оперативным, но и в наибольшей степени соответствующим современному законодательному пониманию места Верховного Суда РФ в механизме судебного правоприменения.

В связи с этим целесообразно *постановление Пленума от 27.06.2013 г. № 19 дополнить пунктом 1.1 следующего содержания:*

«*По делам о преступлениях с административной преюдицией судам следует учитывать, что предшествующее привлечение лица к административной ответственности за аналогичное деяние свидетельствует о недостаточности ранее примененных мер государственного принуждения. В связи с этим при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76 и 76^2 УК РФ, приоритет следует отдавать освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа*» (Приложение 3).

Отдельного внимания в рамках рассмотрения вопроса о конкуренции общих видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности требуют преступления, где объектом (основным или дополнительным) является жизнь или здоровье человека. В научной литературе отмечается, что сложные преступления, посягающие на два объекта, следует рассматривать в качестве обладающих

[1] Все разъяснения Верховного суда станут обязательными – проект. Уголовный процесс. URL: https://www.ugpr.ru/news/9867-vse-razyasneniya-verhovnogo-suda-stanut-obyazatelnymi-proekt (дата обращения: 18.07.2026).

особым качественным признаком взаимосвязи объективной и субъективной сторон[1]. Это указывает на принципиальную невозможность простой оценки такого деяния через показатели, относящиеся лишь к одному объекту посягательства. Кроме того, зачастую обращается внимание на то, что необходимо аккуратно отграничивать двухобъектные составы от иных конструкций уголовного закона, а равно на то, что отнесение состава к числу двухобъектных должно опираться на систематический анализ диспозиции соответствующей статьи и охраняемых ею общественных отношений[2].

Полагаем, что именно характер объекта и тяжесть наступивших последствий определяют, насколько глубоко преступление поразило охраняемые уголовным законом общественные отношения и способно ли позитивное постпреступное поведение виновного нейтрализовать причиненный вред.

Если объект посягательства относится к числу особо ценных социальных благ, а последствия деяния обладают высокой общественной опасностью, ограничение реакции государства лишь освобождением в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим представляется недостаточным.

Здесь нас, в первую очередь, интересуют составы о причинении смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) и причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ), преступления, имеющие основным объектом жизнь и здоровье человека, а также преступления, где они являются дополнительным объектом (ст. 124, 143, 215, 215[1], 216, 217[1], 217[2], 217[3], 218, 219, 235, 263, 263[1], 264, 266, 267, 268, 293, 349, 350 УК РФ). Указанные статьи (или их части) предусматривают уголовную ответственность за преступления, связанные с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности и относятся к категории небольшой или средней тяжести. Соответственно, к каждому из этих преступлений применим любой из общих видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности. Однако возникает вопрос о

---

[1] Ораздурдыев А.М. Понятие и признаки сложного преступления // Российский следователь. 2022. № 1. С. 42-46.

[2] Бушуев И.В., Иванченко Е.В. Предмет и объект преступления, предусмотренного статьей 228.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Закон и право. 2022. № 3. С. 142-144.

целесообразности освобождения от уголовной ответственности в случае совершения преступления, в результате которого наступила смерть человека или причинение тяжкого вреда здоровью, пусть даже по неосторожности.

В научной литературе вопрос, касающийся освобождения от уголовной ответственности в случае причинения смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности, обсуждается достаточно активно. В первую очередь, внимание исследователей концентрируется на возможности освобождения от уголовной ответственности в случае причинения смерти по неосторожности. Одни авторы в данном случае исходят из того, что ввиду отсутствия юридических запретов по подобным делам освобождение допустимо[1]. Другие указывают на недопустимость освобождения по таким делам ввиду высокой ценности объекта[2].

В.В. Антонченко на этот счет указывает, что «любой вред, причиненный потерпевшему, в том числе и моральный, можно возместить. Хотя бы частично, хотя бы деньгами. И только лишение человека жизни компенсировать нельзя никак и никогда»[3].

Лысенко В.С. полагает, что «применение положений ст. 76^2 УК РФ к лицу, совершившему посягательство на жизнь человека, свидетельствует о ее обесценивании…»[4].

Судебная практика по данному вопросу также не является единообразной. Одни суды при отсутствии прямого законодательного запрета исходят из допустимости «полного» освобождения от уголовной ответственности по делам о причинении смерти по неосторожности. В то время как другие, причинение смерти рассматривают в качестве обстоятельства, не допускающего применения любого из дискреционных видов освобождения от уголовной ответственности.

---

[1] См., напр.: Сосновская С.С. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Молодой ученый. 2019. № 35 (273). С. 76-78.

[2] См., напр.: Рогова Н.Н. Особенности уголовной ответственности при причинении смерти по неосторожности // Евразийский Союз Ученых. 2014. № 5-5 (5). С. 159-161.

[3] Антонченко В.В. Охрана жизни человека – приоритет действующего уголовного закона? // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 4 (18). С. 21-25.

[4] Лысенко В.С. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в отношении преступлений, посягающих на жизнь и здоровье человека: проблемы теории и практики // Теория и практика общественного развития. 2025. № 5. С. 190-195.

Например, постановлением Кавалеровского районного суда Приморского края от 13 октября 2025 г. по делу № 1-138/2025 было прекращено уголовное дело в отношении лица, обвинявшегося по ч. 1 ст. 109 УК РФ. По обстоятельствам дела мать малолетнего ребенка, проявив преступную небрежность, оставила в доступном для него месте плоскую металлическую батарейку, которую ребенок проглотил, вследствие чего наступила его смерть. Несмотря на наступление наиболее тяжкого последствия в виде смерти человека, суд, установив, что обвиняемая впервые совершила преступление небольшой тяжести, полностью признала вину, активно способствовала расследованию, загладила причиненный вред и перестала быть общественно опасной, прекратил уголовное дело на основании ст. 28 УПК РФ в связи с деятельным раскаянием с применением положений ст. 75 УК РФ[1].

Другим примером служит приговор Баяндаевского районного суда Иркутской области от 29 января 2026 г. по делу № 1-14/2026 в отношении С.Т.И., осуждённой по ч. 1 ст. 109 УК РФ. Несмотря на то, что подсудимая впервые совершила преступление небольшой тяжести, признала вину, явилась с повинной, способствовала раскрытию преступления, загладила вред и положительно характеризовалась, суд отказал в прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием. В обоснование такого решения суд указал, что содеянное посягает на основополагающее право человека на жизнь, а наступившие последствия в виде смерти потерпевшего не позволяют признать снижение общественной опасности лица достаточным для освобождения от уголовной ответственности[2]. Тем самым суд исходил из того, что высокая ценность объекта посягательства сама по себе может исключать применение освобождения, даже при формальном наличии условий, предусмотренных ст. 75 УК РФ.

---

[1] Постановление Кавалеровского районного суда Приморского края от 13 октября 2025 г. по делу № 1-138/2025 // Интернет-ресурс: Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 20.07.2026).

[2] Приговор Баяндаевского районного суда Иркутской области от 29 января 2026 г. по делу № 1-14/2026 // Интернет-ресурс: Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 21.07.2026).

В данном случае целесообразно опираться на мнение экспертов. 37,1% респондентов считают, что тяжесть последствий может влиять на выбор вида освобождения в совокупности с характеристикой личности виновного и его посткриминальным поведением, а 31,4% опрошенных назвали данный критерий одним из ключевых при таком выборе (Приложение 2).

Вместе с этим на вопрос «Как Вы оцениваете допустимость применения судебного штрафа по делам, связанным с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности при формальном соблюдении условий, предусмотренных ст. 76^2 УК РФ?» мнения респондентов разделились. 41% посчитали это недопустимым ввиду высокой общественной опасности деяний с указанными последствиями, а еще 38% указали на допустимость освобождения при согласии потерпевшего или его родственников и признании судом заглаженного вреда достаточным (Приложение 2).

Вышеизложенное позволяет нам предложить следующее. Если основным или дополнительным объектом преступления выступает жизнь человека и в результате совершения преступления наступила смерть человека освобождение от уголовной ответственности по любому из дискреционных механизмов должно исключаться. По нашему мнению, причиненный такому объекту вред невосполним, и никакое позитивное постпреступное поведение виновного не способно нейтрализовать наступившие последствия. Полный отказ государства от уголовно-правового воздействия в подобных случаях вступает в противоречие как с принципом справедливости, так и с задачами уголовного закона, направленными на охрану наиболее значимых социальных благ. Применение ст. 76^2 УК РФ здесь также представляется нецелесообразным, поскольку назначение судебного штрафа не соответствует тяжести последствий преступления, повлекшего смерть человека.

При этом в рассматриваемой ситуации вопрос о допустимости освобождения от уголовной ответственности не должен ставиться в зависимость от установления основания в виде утраты либо существенного снижения общественной опасности личности виновного. Определяющее значение здесь

имеет не столько характеристика лица и его посткриминальное поведение, сколько сам характер причинённого вреда, затрагивающего объект уголовно-правовой охраны, обладающий исключительной социальной ценностью. Если в результате деяния причинена смерть человеку, то сама природа нарушенного блага исключает возможность признания последствий нейтрализованными или компенсированными в такой степени, которая позволяла бы отказаться от уголовно-правового реагирования. Таким образом, в подобных случаях пределы применения дискреционных видов освобождения обусловлены не отсутствием положительных изменений в личности виновного, а спецификой самого объекта посягательства и необратимостью наступивших последствий.

В сравнительно-правовом аспекте показателен подход законодателя Республики Казахстан. Так, в ст. 68 и ст. 69 УК Республики Казахстан, регулирующих соответственно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением и с установлением поручительства, прямо предусмотрено, что данные виды освобождения не применяются в случаях причинения смерти по неосторожности. Тем самым казахстанский законодатель на нормативном уровне исходит из того, что наступление такого последствия, как смерть человека, исключает возможность использования отдельных дискреционных видов освобождения от уголовной ответственности, даже при наличии иных формальных предпосылок их применения. Представляется, что подобное решение заслуживает внимания и в контексте российского уголовного права, поскольку демонстрирует последовательный подход к ограничению освобождения от уголовной ответственности в делах, затрагивающих наиболее значимое охраняемое уголовным законом благо в виде жизни человека.

Иначе должна разрешаться конкуренция в случаях, когда совершение преступления связано с причинением тяжкого вреда здоровью по неосторожности. Возможность освобождения по ст. 75 или 76 УК РФ здесь также должна исключаться ввиду того, что это представляется чрезмерным, поскольку причиненный вред затрагивает социальное благо, не сводимое к имущественным или организационным интересам, а потому не поддающееся полной

нейтрализации одним лишь примирением или возмещением ущерба. Однако, привлечение к уголовной ответственности в подобных делах при наличии всех необходимых условий также представляется избыточным. Здесь именно судебный штраф способен выступить адекватной формой реагирования, однако ввиду значимости общественных отношений, на которые посягают подобные преступления, в каждом случае суду следует особо тщательно подходить к оценке всех обстоятельств.

С учетом изложенного представляется, что вопрос о конкуренции общих видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях, связанных с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности, также требует специального разъяснения на уровне постановления Пленума от 27.06.2013 г. № 19. В этой связи *целесообразно постановление Пленума от 27.06.2013 г. № 19 дополнить пунктом 1.2 следующего содержания:*

«*При рассмотрении уголовных дел о преступлениях, в результате совершения которых по неосторожности причинена смерть человеку, освобождение от уголовной ответственности на основании статей 75, 76 и 76^2 УК РФ не применяется.*

По уголовным делам о преступлениях, в результате совершения которых по неосторожности причинен тяжкий вред здоровью человека, при наличии предусмотренных законом условий приоритет отдаётся освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, предусмотренному статьей 76^2 УК РФ» (Приложение 3).

Также спорной является конкуренция общих видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности при совокупности преступлений.

Одним из обязательных условий освобождения от уголовной ответственности по ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ является совершение преступления впервые. При этом, как разъяснено в п. 2 постановления Пленума от 27.06.2013 г. № 19, к преступлению, совершенному впервые, относится и ситуация, когда лицо совершило несколько преступлений, но ни за одно из них ранее не было осуждено.

Таким образом, Верховный Суд РФ исходит из того, что для целей применения указанных норм совокупность преступлений также может признаваться в качестве преступления, совершенного впервые.

Однако исследование других актов Верховного Суда РФ позволяет установить определенную непоследовательность его позиции в данном вопросе. Так, в Обзоре судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием, утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 01 июня 2005 года[1] (далее – Обзор от 01.06.2005 г.) Верховный Суд РФ прямо указал:

«… на термин «впервые» в ст. 76 УК РФ законодатель указал применительно к одному преступлению. Таким образом, закон установил возможность прекращения уголовного дела только в отношении лиц менее общественно опасных, не вставших на преступный путь, для которых совершенное преступление является случайным эпизодом в жизни, и предусмотрел тем самым возможность прекращения уголовного дела только за впервые совершенное преступление как за первый и единственный факт уголовно наказуемого деяния, а не прекращение уголовного преследования за преступную деятельность…

… Кроме того, при толковании данного понятия необходимо, как представляется, учитывать положения общей теории квалификации преступлений и норм общей части Уголовного кодекса, регламентирующих понятие множественности преступлений. К такой множественности относится и совокупность преступлений, под которой согласно ст. 17 УК РФ понимается совершение лицом двух и более преступлений, ни за одно из которых оно не было осуждено. Наличие в действиях лица множественности преступлений исключает оценку всех их, как совершенных впервые, поскольку хотя первое из них в совокупности противоправных деяний действительно и может рассматриваться,

[1] Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 01.06.2005 г. // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home&rnd=OKR4A (дата обращения: 19.07.2026).

как впервые совершенное, но остальные объективно уже таковыми не будут, а, следовательно, и все содеянное как первый и единственный факт совершения общественно опасных деяний впервые признаваться не должно».

Кроме того, в научной литературе имеют место споры о целесообразности отнесения к числу лиц, впервые совершивших преступление, применительно к решению вопроса об освобождении от уголовной ответственности, лиц, предыдущий приговор в отношении которых на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу либо если такой приговор ступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности, а равно лиц, которые ранее были освобождены от уголовной ответственности.

Например, по мнению Л.Ю. Лариной, лица, освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и совершившие новое преступление, не могут признаваться впервые совершившими преступление в силу того, что в постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в таких случаях четко указывается факт совершения лицом преступления, при том, что лицо таковым себя признает[1].

А.А. Нечепуренко и В.В. Бабурин, в свою очередь, указывают на целесообразность пересмотра Верховным Судом РФ своей позиции относительно определения лица, впервые совершившего преступление, с последующими разъяснениями нижестоящим судам[2].

Таким образом, сформулированное в постановлении Пленума от 27.06.2013 г. № 19 толкование лица, впервые совершившего преступления, вряд ли можно считать бесспорным, что подтверждается многими трудами в области уголовного права[3].

---

[1] Ларина Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. 2014. № 1. С. 87-90.

[2] Нечепуренко А.А., Бабурин В.В. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 68-79.

[3] См., напр.: Понятовская Т.Г. Нужны ли условия освобождения от уголовной ответственности формальные признаки? // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 93-98; Андрианов В.К. Юридико-фактическая

Показательной иллюстрацией приведенного подхода служит приговор Зюзинского районного суда г. Москвы от 28 ноября 2025 г. по делу № 01-0861/2025, которым лицо, ранее не привлекавшееся к уголовной ответственности, было осуждено за совершение совокупности из двадцати четырех преступлений против собственности, причем одиннадцать из них квалифицированы по ч. 2 ст. 159 УК РФ как преступления средней тяжести с полным возмещением ущерба, а тринадцать – по ч. 1 ст. 159 УК РФ как преступления небольшой тяжести. Несмотря на формальное соответствие условиям применения ст. 76^2 УК РФ по каждому из эпизодов, суд назначил наказание в виде лишения свободы со штрафом, не прибегнув ни к одному из дискреционных видов освобождения[1]. Подобное решение обнаруживает, что совокупность совершенных деяний, даже при заглаживании имущественного вреда, рассматривается судебной практикой как обстоятельство, свидетельствующее о сохранении публичной значимости уголовно-правового конфликта в той степени, которая исключает не только освобождение от ответственности по ст. 75 и 76 УК РФ, но и замену ее мерой уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

По нашему мнению, это показывает, что слишком широкое понимание признака «впервые совершившее преступление» следует пересмотреть. Треть респондентов посчитали целесообразным при оценке данного признака исходить из фактических обстоятельств, а не только из формально-юридических признаков (Приложение 2).

Таким образом, действующее толкование признака «впервые совершившее преступление», закрепленное в п. 2 постановления Пленума от 27.06.2013 г. № 19, представляется не вполне оправданным, поскольку оно не позволяет в полной мере учитывать, свидетельствуют ли обстоятельства конкретного дела об утрате либо лишь о снижении общественной опасности личности виновного. Единое и чрезмерно широкое понимание данного условия не учитывает различия между

характеристика института освобождения от уголовной ответственности // Российское правосудие. 2020. № 10. С. 83-92.

[1] Приговор Зюзинского районного суда г. Москвы от 27 ноября 2025 г. по делу № 01-0861/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

разной степенью утраты общественной опасности при освобождении в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим и назначением судебного штрафа. В связи с этим более обоснованным видится закрепление дифференцированного подхода к пониманию признака «впервые совершившее преступление».

По нашему мнению, применительно к ст. 75 и 76 УК РФ условие о впервые совершенном преступлении должно толковаться более строго ввиду полного отсутствия каких-либо обременительных последствий для виновного в случае применения предусмотренных данными статьями видов освобождения. В этих случаях впервые совершившим преступление целесообразно считать лицо, которое фактически совершает преступление впервые. Исключение, как представляется, может быть сделано лишь для лица, предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, однако к моменту рассмотрения нового уголовного дела преступность деяния, за которое оно ранее было осуждено, устранена законом. В такой ситуации прежнее деяние утрачивает значение для оценки личности, а потому не должно автоматически исключать возможность применения ст. 75 и 76 УК РФ.

Совершение же совокупности преступлений, а равно совершение нового преступления лицом, ранее освобождавшимся от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, не должно позволять рассматривать его как впервые совершившее преступление для целей применения ст. 75 и 76 УК РФ. В подобных случаях речь уже не идет о единичном и случайном эпизоде преступного поведения, в связи с чем полный отказ от воздействия на виновного со стороны государства представляется необоснованным.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что и среди таких лиц могут быть те, чье постпреступное поведение свидетельствует о существенном снижении общественной опасности, что, как нам представляется, нельзя обходить вниманием. Применительно к таким ситуациям адекватной формой реагирования будет выступать не «полное» освобождение от уголовной ответственности,

предусмотренное ст. 75 и 76 УК РФ, а освобождение с назначением судебного штрафа.

Таким образом, предлагаем пункт 2 постановления Пленума от 27.06.2013 г. № 19 изложить в следующей редакции:

«*Для целей применения статей 75 и 76 УК РФ впервые совершившим преступление следует считать лицо, совершившее одно преступление, если ранее оно не совершало преступлений, за исключением случаев осуждения за деяние, преступность которого к моменту рассмотрения уголовного дела устранена уголовным законом.*

Для целей применения статей 76^1 и 76^2 УК РФ впервые совершившим преступление, помимо указанного в абзаце первом настоящего пункта следует также считать лицо:

а) совершившее несколько преступлений вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

г) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности» (Приложение 3).

В результате проведенное исследование позволяет прийти к ряду выводов:

1. *Судебный штраф* не следует рассматривать как равнозначный деятельному раскаянию или примирению с потерпевшим. Он представляет собой самостоятельную форму уголовно-правового реагирования, которая по своей

правовой природе и функциональному назначению *занимает промежуточное положение между полным освобождением от уголовной ответственности и полноценной уголовной ответственностью*. Статьи 76^2, 104^4 и 104^5 УК РФ должна применяться тогда, когда общественная опасность лица не утрачена полностью, а лишь существенно снижена. Вместе с тем возможны исключения, обусловленные спецификой самого преступления, объектом посягательства либо конструкцией состава, когда выбор судебного штрафа определяется не только степенью посткриминального изменения личности, но и его наибольшей целесообразностью как формы уголовно-правового реагирования в конкретной ситуации.

2. Таким образом, разрешение конкуренции между ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ должно основываться на разграничении утраты и существенного снижения общественной опасности личности. Если посткриминальное поведение и обстоятельства дела свидетельствуют об утрате лицом общественной опасности, допустимо применение полного освобождения от уголовной ответственности по ст. 75 или 76 УК РФ. Если же общественная опасность лишь снизилась, но не отпала полностью, приоритет должно получить освобождение с назначением судебного штрафа, поскольку он сохраняет необходимый объем публично-правового воздействия.

Такой подход позволяет содержательно оценивать различные категории дел. При причинении тяжкого вреда здоровью, совершении преступлений с административной преюдицией, а также при наличии нескольких самостоятельных эпизодов содеянного, позитивное посткриминальное поведение лица может указывать лишь на снижение общественной опасности личности и обосновывать применение судебного штрафа. Напротив, когда вред полностью заглажен, конфликт исчерпан, отсутствуют признаки устойчивого противоправного поведения, а объект посягательства не относится к числу невосполнимых, возможно признание полной утраты лицом общественной опасности и применение ст. 75 и 76 УК РФ.

3. Субсидиарная природа (дополнительный, вспомогательный характер) ст. 76^2 УК РФ исключает ее применение при исчерпанности конфликта. Один из возможных вариантов подобной корректировки, предложенный в рамках данного исследования, состоит в изменении и дополнении в постановление Пленума от 27.06.2013 г. № 19 (Приложение 3).

§ 3.2. Соотношение общих и специальных видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности

Расширение перечня специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности, приобрело за последние два десятилетия характер устойчивой законодательной тенденции. Если в первоначальной редакции УК РФ 1996 года такие примечания исчислялись единицами и касались преимущественно преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (ст. 222 УК РФ) и наркотических средств (ст. 228 УК РФ), то к настоящему времени существует 61 примечание, предусмотренное для экономических составов (ст. 173^1, 178, 184, 195, 198-199^4, 200^1-200^7 УК РФ), миграционных (ст. 322^2 и 322^3 УК РФ), коррупционных (ст. 204, 204^1, 204^2, 291, 291^1 и 291^2 УК РФ), составов против личности (ст. 122, 126, 127^1, 145^1 и 157 УК РФ), экономических преступлений, связанных с государственным оборонным заказом и подкупом в частной сфере (ст. 200^7 и 201^2 УК РФ), преступления против порядка управления (ст. 330^3 УК РФ), преступления против правосудия (ст. 307 УК РФ), террористических составов и посягающих на государственную безопасность (ст. 205, 205^1, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 210, 275, 276, 278 и 284^1 УК РФ) и других составов преступлений (Приложение 1).

Отметим, что наличие специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности, не является ни новшеством отечественного уголовного законодательства, ни его специфической особенностью. Как отмечается в научных источниках, статьи, имеющие примечания, предусматривающие специальные виды освобождения от

уголовной ответственности, имели место как в дореволюционный, так и в советский период развития отечественного уголовного права[1]. О.Н. Чупрова отмечает, что в большинстве развитых стран специальные виды освобождения от уголовной ответственности также имеют место и служат динамично развивающимся инструментом поощрения положительного постпреступного поведения[2]. Так, специальные виды освобождения от уголовной ответственности, известны уголовному законодательству ряда государств постсоветского пространства, в частности Республики Казахстан (например, ст. 118, 125, 175, 182, 217, 236, 253, 255, 258, 261, 288, 453 УК РК и другие)[3], Беларуси (например, ст. 124, 125, 157, 168, 193[1], 235, 252 УК РБ и другие)[4], Кыргызстана (например, ст. 143, 166, 178, 179, 209, 210, 212[1], 218, 220, 231, 250, 261, 267 УК КР и другие)[5]. Для европейских государств характерно, что специальные виды освобождения от уголовной ответственности закреплены в самом тексте нормы, а не в виде примечания к статье. Это имеет место в уголовном законодательстве Австрии (например, ст. 165, 171, 173, 223, 232, 247 УК Австрии и другие)[6], Швейцарии (например, ст. 173, 188, 193, 260, 305 УК Швейцарии и другие)[7], Франции (например, ст. 414-2, 414-3, 422-1 УК Франции и другие)[8].

Таким образом, само существование подобных примечаний является проявлением развития уголовного законодательства и стремления законодателя к

---

[1] Бурлаков В.Н., Селиверстова М.А. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности. С. 23-28.

[2] Чупрова О.Н. Социальные основания освобождения от уголовной ответственности в отечественном и зарубежном уголовном праве // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 2 (63). С. 89-93.

[3] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 12.08.2026 г.) // Интернет-ресурс: База данный «Законодательство стан СНГ». URL: https://continent-online.com/ (дата обращения: 05.08.2026).

[4] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 01.01.2026 г.) // Интернет-ресурс: База данный «Законодательство стан СНГ». URL: https://continent-online.com/ (дата обращения: 05.08.2026).

[5] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изм. и доп. по сост. на 05.06.2026 г.) // Интернет-ресурс: База данный «Законодательство стан СНГ». URL: https://continent-online.com/ (дата обращения: 05.08.2026).

[6] Уголовный кодекс Австрии. Принят 29 января 1974 г. Вступил в силу с 1 января 1975 г. С изменениями и дополнениями на 1 мая 2003 г.: перевод с немецкого // Пер.: Вихрова Л.С.; Предисл.: Фабрици Э.О.; Науч. ред.: Милюков С.В. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. 352 с.

[7] Уголовный кодекс Швейцарии: перевод с немецкого // Науч. ред.: Серебренникова А.В. (пер. и предисл.). СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 350 с.

[8] Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 г. Вступил в силу с 1 марта 1994 г. С изменениями и дополнениями на 1 января 2002 г.: перевод с французского // Науч. ред.: Головко Л.В., Крылова Н.Е. (Пер., предисл.). СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 650 с.

поощрению различных форм позитивного постпреступного поведения. Вместе с тем, в науке критически оцениваются темпы расширения их числа.

А.Г. Антонов отмечает, что «… спонтанные изменения уголовного закона свидетельствуют об отсутствии у законодателя единого подхода и какой-либо системы в установлении указанных оснований», по его словам, «в науке … нет единства в понимании сущности и перспектив рассматриваемых видов оснований освобождения от уголовной ответственности»[1].

В.Н. Бурлаков и М.А. Селиверстова указывают на отсутствие единообразия при применении специальных видов освобождения от уголовной ответственности в связи с неверным толкованием норм уголовного и уголовно-процессуального законов, регулирующих освобождение от уголовной ответственности по специальным основаниям[2].

Как было указано ранее, в качестве необходимого условия применения любого из общих дискреционных видов освобождения от уголовной ответственности выступает совершение преступления небольшой или средней тяжести, что исключает возможность их применения в случае совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Не оставляя без внимания случаи позитивного посткриминального поведения лиц, совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление, а в отдельных случаях и стимулируя такое поведение, законодатель также предусмотрел для них возможность освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечаниями к соответствующим статьям. Если в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. статей подобной категории тяжести с такими примечаниями было всего 10, то на сегодняшний день имеется 39 статей Особенной части УК РФ, имеющих примечания, предусматривающие возможность освобождения в случае совершения тяжких или особо тяжких преступлений (ст. 110^2, ч. 2,3 ст. 126, ст. 127^1, ч. 3, 4 ст. 178, ч. 2 ст. 184, ч. 2, 3 ст. 200^5, ч. 3, 4 ст. 200^7, ст. 201^2, ч. 3, 4 ст. 204, ч. 3 ст. 204^1, ст. 205, 205^1, 205^3, 205^4,

[1] Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности. С. 4.

[2] Бурлаков В.Н., Селиверстова М.А. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности. С. 23-28.

205^5, 206, 208, 210, 212, ч. 2, 3, 4, 5, 6 ст. 222, ст. 222^1, 222^2, ч. 1, 2, 3 ст. 223, ст. 223^1, ч. 2, 3 ст. 228, ст. 275, 275^1, 281^1, 281^2, 281^3, 282^1, 282^2, 282^3, ч. 3 ст. 284^1, ст. 285^5, ч. 3, 4, 5 ст. 291, ч. 2, 3, 4, 5 ст. 291^1, ст. 338 и 352^1 УК РФ). Такой подход законодателя, связанный с расширением количества статей о тяжких и особо тяжких преступлениях, имеющих подобные примечания, является логичным, поскольку именно специальные примечания в подобных случаях позволяют урегулировать те ситуации, которые изначально не охватываются общими видами дискреционного освобождения.

Вместе с тем расширение перечня специальных примечаний, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности, происходит и применительно к статьям о преступлениях небольшой и средней тяжести, то есть к тем деяниям, в отношении которых могут применяться общие дискреционные виды освобождения от уголовной ответственности (ст. 122, ч. 1 ст. 126, 157, 173^1, ч. 1, 5 ст. 184, ст. 187, 199^3, 200^1, 200^3, ч. 1 ст. 200^5, ч. 1, 2 ст. 200^7, ч. 1, 2 ст. 204, ч. 1, 2, 4 ст. 204^1, ст. 204^2, ч. 7 ст. 222, ч. 4 ст. 223, ч. 1 ст. 228, ст. 228^3, ч. 1, 2 ст. 284^1, ч. 1, 2 ст. 291, ч. 1 ст. 291^1, ст. 291^2, 307, 322^2, 322^3, 330^3 и 337 УК РФ). Это требует отдельного внимания, поскольку в подобных случаях возникает вопрос о соотношении общих и специальных видов освобождения от уголовной ответственности, а также о том, имеют ли специальные примечания самостоятельное значение или во многом дублируют уже существующие общие виды освобождения.

Среди специалистов отношение к расширению числа специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности, также нет однозначного отношения, что подтверждается результатами экспертного опроса. Отвечая на вопрос «Как Вы оцениваете расширение числа специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ об освобождении от уголовной ответственности за совершение конкретного преступления?» однозначно положительное отношение выразили лишь 15,7% опрошенных. Почти половина респондентов указали, что относятся к такой тенденции положительно с оговоркой на то, что это требует системной

ревизии на предмет соответствия общим видам освобождения от уголовной ответственности. Треть опрошенных отрицательно оценивает расширение числа таких примечаний, считая, что это носит избыточный характер и приводит к размыванию границ освобождения от уголовной ответственности[1].

Очевидно, что наиболее спорным здесь является введение подобных примечаний к статьям Особенной части УК РФ о преступлениях небольшой и средней тяжести, которые практически дословно воспроизводят условия деятельного раскаяния. При этом закрепление в Особенной части УК РФ примечаний, предусматривающих возможность освобождения при условиях, не охватываемых общими видами освобождения, не вызывает вопросов даже если они относятся к преступлениям небольшой и средней тяжести.

Почему тогда законодатель пошел по пути умножения специальных примечаний вместо совершенствования механизмов применения общих видов дискреционного освобождения? Ответ на этот вопрос лежит, на наш взгляд, в особенностях законодательной техники и политики. Внесение изменений в Общую часть УК РФ представляет собой более сложную процедуру, требующую установления множества системных связей, в то время как введение примечания к конкретной статье Особенной части УК РФ выступает в качестве локального решения, не затрагивающего структуру кодекса в целом. Однако в результате накопления таких локальных решений возникает необходимость разрешения вопроса соотношения с нормами Общей части УК РФ, что подтверждается результатами экспертного опроса. Треть респондентов отвечая на вопрос «Возникают ли у Вас трудности при выборе между общими и специальными основаниями освобождения от уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести, если они близки по содержанию?» указали на наличие трудностей в отдельных случаях. В то же время 25,5% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос (Приложение 2).

[1] Примечание 2.

Решение вопроса соотношения общих и специальных видов освобождения от уголовной ответственности требует дифференцированного подхода, поскольку, например, применительно к специальным видам освобождения от уголовной ответственности, указанным в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ о тяжких и особо тяжких преступлениях, их соотношение с общими видами дискреционного освобождения вопросов не вызывает. В ч. 2 ст. 75 УК РФ специально указано, что «лицо, совершившее преступление иной категории, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса». Следовательно законодатель заранее урегулировал этот вопрос и тем самым указал, что в подобных случаях специальные примечания действуют самостоятельно. Они позволяют учесть позитивное посткриминальное поведение лица там, где общие виды дискреционного освобождения применить нельзя.

Спорным является соотношение общих видов освобождения со специальными, предусмотренными примечаниями к статьям Особенной части УК РФ о преступлениях небольшой и средней тяжести, поскольку это, по мнению И.В. Килиной, затруднено тем, что существование данных примечаний «… не согласуется с положением ч. 2 ст. 75 УК РФ о том, что на основании примечаний предусматривается освобождение от уголовной ответственности за совершение преступлений иных категорий»[1].

Однако такие примечания также следует разграничивать на два вида. Первые предусматривают условия, не охваченные общими нормами, тогда как вторые практически дословно их повторяют.

Например, примечание к ст. 122 УК РФ предусматривает освобождение лица от ответственности за поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, если потерпевший был своевременно предупрежден о наличии у виновного этой болезни и добровольно согласился совершить действия, создавшие опасность

[1] Килина И.В. Освобождение от уголовной ответственности на основании примечаний к статьям особенной части УК РФ: аксиология института // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19. № 4. С. 432-439.

заражения. Описанное в примечании следует рассматривать в качестве уникального условия в виде информированного согласия потерпевшего, поскольку такие действия в случае отсутствия примечания не смогли бы повлечь освобождение в связи с общими видами освобождения.

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ предусмотрел возможные противоречия и специально в п. 7 постановления Пленума от 27.06.2013 г. № 19 указал, что «освобождение от уголовной ответственности за преступление небольшой или средней тяжести в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, производится по правилам, установленным такими примечаниями. При этом выполнения общих условий, предусмотренных частью 1 статьи 75 УК РФ, не требуется», в то же время «невозможность применения примечания не исключает освобождение от уголовной ответственности по части 1 статьи 75 УК РФ».

Таким образом, на данный момент регулирование соотношения общих и специальных видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности происходит следующим образом. Если примечание к статье Особенной части УК РФ предусматривает освобождение, условия применения которого не охватываются содержанием общего вида, решение вопроса о соотношении представляется однозначным. В первую очередь подлежит проверке наличие условий специального вида как нормы, рассчитанной на конкретный состав преступления и учитывающей его особенности. При отсутствии таких условий может быть поставлен вопрос о применении общего вида дискреционного освобождения. В подобной ситуации специальный и общий виды освобождения не конкурируют между собой, а соотносятся как специальные и общие конструкции, каждая из которых имеет собственную сферу применения. Их соотношение, определенное в указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ, отвечает правилу приоритета специальной нормы перед общей (lex specialis derogat legi generali).

Иная ситуация имеет место при определении соотношения общего вида освобождения с освобождением по примечаниям, условия применения которых практически дословно повторяют описанные в ст. 75 УК РФ. Например, ч. 1, 2 ст. 204, ч. 1, 2, 4 ст. 204^1, ст. 204^2, ч. 1, 2 ст. 291, ч. 1 ст. 291^1, ст. 291^2 (коммерческий подкуп и взяточничество) содержат примечания, освобождающие взяткодателя или лицо, передавшее предмет взятки (коммерческого подкупа), при условии добровольного сообщения о преступлении или вымогательства со стороны получателя. Условие о вымогательстве представляет собой действительно специфический элемент, отсутствующий в главе 11 УК РФ. Вместе с тем условие о добровольном сообщении, рассматриваемое изолированно от вымогательства и служащее альтернативным условием, дублирует ст. 75 УК РФ, поскольку является разновидностью деятельного раскаяния.

Именно при схожести условий возникает вопрос о критерии разграничения сфер применения общих и специальных видов дискреционного освобождения. Так, наиболее спорными в вопросе соотношения здесь являются ст. 145^1, ч. 1, 2 ст. 178, ч. 1, 5 ст. 184, ст. 187, 200^1, 200^3, ч. 1 ст. 200^5, ч. 1, 2 ст. 200^7, ч. 1, 2 ст. 204, ч. 1, 2, 4 ст. 204^1, 204^2, ч. 7 ст. 222, ч. 4 ст. 223, ч. 1 ст. 228, ст. 228^3, ч. 1, 2 ст. 284^1, ч. 1, 2 ст. 291, ч. 1 ст. 291^1, ст. 291^2, 307, 322^2, 322^3 и 330^3 УК РФ.

Важно оговориться, что вопрос о соотношении общих и специальных видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности не должен ставить под сомнение целесообразность существования самих специальных примечаний об освобождении. Они нередко выполняют важную стимулирующую функцию, побуждая лицо к наиболее раннему и инициативному позитивному посткриминальному поведению, которое хотя в отдельных случаях и охватывается общими видами дискреционного освобождения, но его качественные характеристики зачастую остаются без внимания. В этом смысле специальные примечания выступают важным инструментом индивидуализации последствий совершенного деяния, учета особенностей отдельных составов преступлений и создания дополнительных стимулов для добровольного прекращения преступного поведения.

Поэтому в рамках настоящего исследования не ставится вопрос об исключении соответствующих примечаний к статьям Особенной части УК РФ. По нашему мнению, проблема заключается не в наличии специальных примечаний, сколько в необходимости более четкого определения их соотношения с общими видами дискреционного освобождения от уголовной ответственности.

В качестве возможного критерия разграничения сфер применения общих и специальных видов освобождения от уголовной ответственности может рассматриваться условие о совершении преступления впервые. Для любого из общих видов дискреционного освобождения это условие является обязательным, тогда как в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ о преступлениях небольшой и средней тяжести оно предусмотрено лишь для ст. 145^1, 187 и 195 УК РФ. Большинство специальных примечаний, сходных по иным условиям с общими видами освобождения такого ограничения не содержат (ч. 1, 2 ст. 178, ч. 1, 5 ст. 184, ст. 200^1, 200^3, ч. 1 ст. 200^5, ч. 1, 2 ст. 200^7, ч. 1, 2 ст. 204, ч. 1, 2, 4 ст. 204^1, 204^2, ч. 7 ст. 222, ч. 4 ст. 223, ч. 1 ст. 228, ст. 228^3, ч. 1, 2 ст. 284^1, ч. 1, 2 ст. 291, ч. 1 ст. 291^1, ст. 291^2, 307, 322^2, 322^3 и 330^3 УК РФ), а потому могут применяться и при повторной преступной деятельности[1].

Однако данный критерий, по нашему мнению, не может рассматриваться как универсальный, поскольку при повторном совершении преступления вопрос о применении общего вида дискреционного освобождения действительно исключается, поскольку одно из его обязательных условий отсутствует. Однако при совершении преступлений, предусмотренных указанными статьями, впервые сам по себе этот признак не позволяет сделать выбор между общим и специальным видами освобождения, что требует обращения к иным критериям разграничения.

Ключевое значение, как нам видится, здесь имеет признак *своевременности* поведения лица, поскольку именно он *позволяет установить, может ли соответствующее посткриминальное поведение быть учтено в качестве условия специального вида освобождения*.

---

[1] Спивак С.Г., Алферьева А.А. Понятие и классификация специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 3. С. 174.

Позитивное посткриминальное поведение лица, *не обладающее признаком своевременности*, не может рассматриваться в качестве выполненного условия применения примечания, однако исходя из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ оно *не утрачивает своего уголовно-правового значения*, но уже *должно оцениваться* не применительно к специальному виду освобождения, а в качестве условия, способного поставить вопрос о применении общего дискреционного вида освобождения от уголовной ответственности.

Показательна в этом отношении практика применения примечания к ст. 222 УК РФ. Суды обычно исходят из того, что сдача предметов, указанных в статье, не образует необходимого условия применения специального вида освобождения, предусмотренного примечанием, если такие действия были совершены уже после того, как правоохранительные органы располагали достаточными доказательствами наличия у него таких предметов[1]. Подобный подход демонстрирует, что для целей освобождения имеет значение не всякое процессуально полезное поведение, а лишь такое, которое может быть квалифицировано как своевременное. В противном случае грань между сдачей предметов и деятельным раскаянием утрачивается.

Например, приговор Старицкого районного суда Тверской области от 05 февраля 2025 г. по делу № 1-7/2025, в соответствии с которым ФИО1 был осужден по ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 223 УК РФ явно демонстрирует временные рамки выполнения условия применения примечания. Исходя из текста приговора следует, что подсудимый в ходе санкционированного судом оперативно-розыскного мероприятия по месту его жительства после предложения сотрудников правоохранительных органов выдать запрещенные к обороту предметы достал из тумбочки и передал сигнальный пистолет со сменными стволами, признанный впоследствии самодельным гладкоствольным огнестрельным оружием. Несмотря на фактическую выдачу оружия, суд пришел к выводу, что условия для

[1] См., напр.: Приговор Назаровского районного суда Красноярского края от 29 января 2026 г. по делу № 1-322/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.07.2026); приговор Бондарского районного суда Тамбовской области от 15 февраля 2026 г. по делу № 1-24/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.07.2026) и др.

освобождения от уголовной ответственности по примечаниям к ст. 222 и 223 УК РФ не выполнены, прямо указав, что «выдача им самодельного огнестрельного оружия при проведении оперативно-розыскного мероприятия, направленного на его обнаружение и изъятие, добровольной сдачей оружия не является»[1]. Тем самым суд разграничил сам факт передачи предмета и его уголовно-правовую оценку, поскольку внешне требуемое законом действие было совершено, однако его качественная характеристика не отвечала признаку добровольности ввиду несвоевременности действия. Вместе с тем данное поведение было учтено судом в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, а при наличии дополнительных условий могло повлечь освобождение по ст. 75 УК РФ, однако выполненных в данном случае действий, по мнению суда, не было достаточно для вывода об утрате лицом общественной опасности.

Приведенный пример показывает важную особенность оценки условий дискреционного освобождения от уголовной ответственности. В специальных поощрительных нормах лицо обычно может выполнить необходимые для освобождения действия только *до возбуждения уголовного дела*. В то же время, в рамках решения вопроса о применении общего вида дискреционного освобождения возможность позитивного посткриминального поведения лица, как правило, сохраняется на протяжении всего досудебного производства вплоть до рассмотрения дела судом по существу. Например, в постановлении Солтонского районного суда Алтайского края от 09 февраля 2025 г. по делу № 1-05/2025 суд прекратил уголовное дело в отношении лица, обвинявшегося по ч. 1 ст. 222 УК РФ, в связи с деятельным раскаянием. Исходя из текста постановления следует, что ФИО1 выдал боеприпасы сотрудникам полиции добровольно, до начала обыска, однако уже после возбуждения уголовного дела. Обосновывая свое решение суд указал, что «… надлежит иметь в виду, что закон не связывает выдачу с мотивом

[1] Приговор Старицкого районного суда Тверской области от 05 февраля 2025 г. по делу № 1-7/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.07.2026).

поведения лица, а также с обстоятельствами, предшествовавшими ей или повлиявшими на принятое решение»[1].

В этой связи показательно, что первоначально примечание к ст. 222 УК РФ не содержало специального указания на то, что не признается добровольной сдачей изъятие соответствующих предметов при задержании лица, а также при проведении оперативно-разыскных мероприятий или следственных действий по их обнаружению и изъятию. Такая редакция оставляла возможность для расширительного толкования добровольности. Фактическая передача оружия сотрудникам правоохранительных органов иногда могла оцениваться как добровольная сдача даже тогда, когда она происходила уже после начала действий, направленных на его обнаружение. В результате лицо получало возможность ссылаться на примечание не потому, что своевременно прекратило незаконное поведение, а потому, что выдало предмет в условиях очевидной угрозы его принудительного изъятия.

Последующее законодательное уточнение было направлено на устранение этой проблемы. Его смысл состоит в том, чтобы отделить подлинно добровольное и своевременное посткриминальное поведение от вынужденной выдачи предмета после того, как инициатива его обнаружения уже перешла к правоохранительным органам. Иное решение фактически обесценивало бы результаты оперативно-разыскной и следственной работы, поскольку лицо, у которого запрещенные предметы были бы выявлены в результате такой деятельности, могло бы избежать уголовной ответственности посредством их формальной передачи. Поэтому действующая редакция примечания закрепляет, что для специального освобождения значение имеет не только сам факт выдачи предмета, но и момент ее совершения, а также наличие у лица реальной возможности продолжать его незаконное хранение.

В то же время, в соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 12 марта 2002 года

[1] Постановление Солтонского районного суда Алтайского края от 09 февраля 2025 г. по делу № 1-05/2025 // Интернет-ресурс: Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

«О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»[1] (далее – постановление Пленума от 12.03.2002 г. № 5) «добровольность сдачи оружия оценивается применительно к конкретным обстоятельствам дела. При этом надлежит иметь в виду, что закон не связывает выдачу с мотивом поведения лица, а также с обстоятельствами, предшествовавшими ей или повлиявшими на принятое решение».

Соответственно, в данном случае добровольность определяется не столько внутренним отношением лица к действию, сколько моментом его выполнения. На этот факт в своем исследовании указывают А.И. Бельский и Л.Н. Бочарникова, отмечая, что сдача предметов, предусмотренных соответствующими примечаниями, выступает в качестве условия освобождения в случае, если они сдаются «не во время задержания лица» и «до того момента, когда начаты следственные действия по их обнаружению»[2].

Сказанное в совокупности с приведенными примерами, на наш взгляд, свидетельствует о том, что *если общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности формально могут быть применены к одному и тому же случаю, решать вопрос только исходя из внешнего сходства совершенных лицом действий недопустимо*. Само по себе совпадение таких действий еще не показывает, какой именно вид освобождения должен применяться. В подобных ситуациях *разграничение возможно только с учетом дополнительного признака* в виде *своевременности* соответствующего посткриминального поведения.

Именно своевременность позволяет установить действительное уголовно-правовое значение совершенных действий и определить, свидетельствуют ли они о выполнении условий специального вида освобождения либо подлежат оценке в рамках общего дискреционного вида.

---

[1] О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 : [в ред. от 11 июня 2019 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

[2] Бельский А.И., Бочарникова Л.Н. Проблемы освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье 222 УК РФ // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 58-61.

Исследование специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ и практики их применения показывает, что своевременность в данном случае не существует изолированно от момента совершения соответствующего действия, а устанавливается через оценку того, сохранилась ли у лица реальная возможность самостоятельного и инициативного выбора поведения либо соответствующие действия уже были обусловлены начавшимся уголовным преследованием, обнаружением предметов преступления, изобличением лица или иными обстоятельствами, существенно ограничивающими свободу его волеизъявления. Поэтому момент совершения действий здесь не является второстепенной характеристикой, а представляет собой форму выражения своевременности в конкретной ситуации.

Аналогичное действие в соответствии с действующими разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ не теряет своего правового значения полностью в случае, если оно выполняется уже после возбуждения уголовного дела и при наличии прочих условий, предусмотренных общей нормой, может быть оценено уже в рамках общего вида освобождения, в первую очередь как проявление деятельного раскаяния.

По нашему мнению, действующее разъяснение Пленума Верховного Суда РФ в этой части не в полной мере отвечает назначению специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ и ослабляет их стимулирующее значение. Если действия лица не соответствуют критерию своевременности, но при этом за ним все равно сохраняется возможность освобождения по ч. 1 ст. 75 УК РФ, то специальная норма утрачивает самостоятельное значение[1]. В соответствии со сложившимся порядком соотношения общих и специальных видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных примечаниями к статьям Особенной части УК РФ о преступлениях небольшой и средней тяжести, для виновного фактически не возникает разницы между своевременным выполнением

[1] См., напр.: Тарасов В.Ю. Применение специальных видов освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности: дисс. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2023. С. 85.

соответствующих условий и их выполнением позднее, когда специальный вид освобождения уже не может быть применен.

Вместе с этим своевременность должна не только определять соотношение общих и специальных видов освобождения, но и влиять на правовые последствия для лица, виновного в совершении преступления. Специальное примечание направлено на то, чтобы побудить лицо действовать быстро и добровольно для достижения наиболее благоприятного правового результата. Если же аналогичные действия, совершенные позднее, все равно позволяют лицу претендовать на освобождение по общей норме без каких-либо ограничений, то стимулирующее значение примечания заметно снижается. Таким образом, по нашему мнению, для лица имеется два шанса на освобождение. Сначала правонарушитель, располагая возможностью действовать своевременно, может сознательно не совершать соответствующие действия, рассчитывая остаться необнаруженным, а в случае последующего изобличения имеет второй шанс на освобождение уже по общей норме с теми же для него правовыми последствиями.

Сказанное, на наш взгляд, требует иного подхода. Если действия лица, необходимые для освобождения по примечанию к статье Особенной части УК РФ, не отвечают критерию своевременности, то это должно исключать возможность освобождения без последствий, то есть по ст. 75 и 76 УК РФ. В противном случае общие виды дискреционного освобождения начинают фактически подменять специальное регулирование.

Однако позитивное поведение лица не должно вовсе оставаться без внимания. Оно, по нашему мнению, должно учитываться в иной форме. Наиболее подходящим вариантом в такой ситуации видится судебный штраф (ст. 76^2 УК РФ). Он, как было ранее обоснованно, занимая промежуточное положение между «полным» освобождением и привлечением к уголовной ответственности лучше соответствует описанному положению дел. Связано это с тем, что совершение лицом действий не своевременно, а как реакция на действия правоохранительных органов по его изобличению и дальнейшему привлечению к уголовной

ответственности, уже не может свидетельствовать о полной утрате им общественной опасности.

Отметим, что предлагаемое решение не должно распространяться на все без исключения специальные виды дискреционного освобождения, предусмотренные примечаниями к статьям Особенной части УК РФ о преступлениях небольшой и средней тяжести. Оно применимо только к тем случаям, когда соотношение общего и специального видов освобождения зависит от своевременности совершения лицом соответствующих действий (ст. 145^1, ч. 1, 2 ст. 178, ч. 1, 5 ст. 184, ст. 187, 195, 200^1, 200^3, ч. 1 ст. 200^5, ч. 1, 2 ст. 200^7, ч. 1, 2 ст. 204, ч. 1, 2, 4 ст. 204^1, 204^2, ч. 7 ст. 222, ч. 4 ст. 223, ч. 1 ст. 228, ст. 228^3, ч. 1, 2 ст. 284^1, ч. 1, 2 ст. 291, ч. 1 ст. 291^1, ст. 291^2, 307, 322^2, 322^3 и 330^3 УК РФ). В тех случаях, когда специальное примечание содержит условия, не охватываемые общими видами освобождения и не сводятся только к вопросу о своевременности поведения (ст. 122, ч. 1 ст. 126, ст. 157, 173^1 и 337 УК РФ), невыполнение условий, предусмотренных примечанием к статье Особенной части УК РФ, не должно исключать возможность применения общей нормы о дискреционном освобождении.

Такой подход позволяет решить сразу две задачи. Во-первых, усиливает стимулирующее значение специальных примечаний, поскольку формирует у лица понимание того, что своевременное выполнение условия дает более благоприятный результат. Во-вторых, не оставляет без внимания последующее позитивное поведения виновного, поскольку суд по-прежнему может применить судебный штраф. Предлагаемое решение сохраняет баланс между поощрением и уголовной ответственностью.

По нашему мнению, решение изложенного видится в изменении разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19, в п. 7 которого на данный момент закреплено, что невозможность применения примечания не исключает освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ. *Предлагаем пункт 7 постановления Пленума от 27.06.2013 г. № 19 изложить в следующей редакции:*

«Освобождение от уголовной ответственности за преступление небольшой или средней тяжести в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, производится по правилам, установленным такими примечаниями. При этом выполнения общих условий, предусмотренных частью 1 статьи 75 УК РФ, не требуется.

Невозможность применения примечания к уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 145^1, частями 1 и 2 статьи 178, частями 1 и 5 статьи 184, статьями 187, 195, 200^1, 200^3, частью 1 статьи 200^5, частями 1 и 2 статьи 200^7, частями 1 и 2 статьи 204, частями 1, 2 и 4 статьи 204^1, статьей 204^2, частью 7 статьи 222, частью 4 статьи 223, частью 1 статьи 228, статьей 228^3, частями 1 и 2 статьи 284^1, частями 1 и 2 статьи 291, частью 1 статьи 291^1, статьями 291^2, 307, 322^2, 322^3 и 330^3 УК РФ, исключает освобождение от уголовной ответственности по части 1 статьи 75 и статье 76 УК РФ. Освобождение от уголовной ответственности в таких случаях возможно по статье 76^2 УК РФ при наличии предусмотренных ею условий.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 122, частью 1 статьи 126, статьями 157, 173^1 и 337 УК РФ, невозможность применения примечания не исключает освобождение от уголовной ответственности по части 1 статьи 75 и статье 76 УК РФ, если лицом выполнены условия, установленные соответствующей нормой» (Приложение 3).

Предлагаемое изменение сделает правовое регулирование более логичным. Специальное примечание будет иметь реальное стимулирующее значение, как норма, влекущая освобождение без условий. Лицо будет заинтересовано не просто совершить нужные действия, а сделать это вовремя. В результате своевременность действительно станет тем признаком, который отличает применение специальной нормы от применения общих механизмов освобождения от уголовной ответственности.

Вышеизложенное в своей совокупности позволяет прийти к ряду выводов.

1. *Соотношение общих и специальных видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности* не является единообразным. Их взаимодействие *носит дифференцированный характер и специальные виды освобождения по характеру соотношения с общими здесь могут быть объединены в три группы*:

– во-первых, виды освобождения, предусмотренные примечаниями к статьям Особенной части УК РФ о преступлениях, которые по своей категории тяжести не охватываются общими видами освобождения (тяжкие и особо тяжкие);

– во-вторых, виды освобождения, закрепленные в примечаниях к статьям, допускающим применение норм главы 11 УК РФ (преступления небольшой и средней тяжести), требующие особого условия, не охватываемого общей нормой;

– в-третьих, виды освобождения, закрепленные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, допускающим применение норм главы 11 УК РФ и сходные с ними по условиям.

Именно третья группа примечаний представляет наибольший интерес с точки зрения их соотношения с общими видами освобождения.

2. В случаях, когда условия специального примечания и общего вида освобождения совпадают по содержанию, определяющее значение имеет признак *своевременности позитивного посткриминального поведения* лица. Именно он позволяет установить, сохраняет ли совершенное лицом действие качество специального условия освобождения и выступает не дополнительной характеристикой поведения, а основным критерием для обоснования применения вида освобождения, предусмотренного примечанием к статье Особенной части УК РФ.

3. Несоответствие поведения лица признаку своевременности в соответствии с действующими разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ не исключает постановку вопроса об освобождении от уголовной ответственности в соответствии с нормами Общей части УК РФ, прежде всего в связи с деятельным раскаянием, что негативно влияет на самостоятельное значение специальных примечаний. Это требует изменения разъяснений, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19, с упором на то, что

несоблюдение признака своевременности исключает возможность применения ст. 75 и 76 УК РФ ввиду невозможности прийти к выводу об утрате общественной опасности лицом, выступающей основанием дискреционного освобождения от уголовной ответственности. В целях учета специфики постпреступного изменения личности и повышения значимости специальных видов освобождения от уголовной ответственности допустимой формой реакции на позитивное постпреступное поведение лица, действия которого не соответствуют признаку своевременности, выступает судебный штраф (ст. 76^2 УК РФ) (Приложение 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании было проведено комплексное теоретико-прикладное осмысление дискреционного освобождения от уголовной ответственности, что позволяет сделать ряд выводов теоретического характера и сформулировать предложения по совершенствованию практики применения норм, предусматривающих различные виды дискреционного освобождения.

Дискреционное освобождение от уголовной ответственности в отечественном уголовном праве не является простым набором разрозненных норм, объединенных общим правовым последствием в виде прекращения уголовного преследования. Оно имеет собственную структуру и занимает важное место в праве, отражая одну из основных тенденций развития российского уголовного права, в виде перехода от преимущественно карательного реагирования к более гибким, дифференцированным способам разрешения уголовно-правового конфликта. Все чаще государство в лице правоохранительных органов допускает прекращение уголовного преследования если характер деяния, личность виновного и его посткриминальное поведение позволяют сделать вывод о возможности исчерпания уголовно-правовой конфликта без применения репрессии в полном объеме.

Дискреционном освобождении от уголовной ответственности следует рассматривать в качестве *субинститута* в рамках общего института освобождения от уголовной ответственности. Это обусловлено не только общностью правового последствия, но и внутренним единством соответствующих норм, объединенных общими целями, единым функциональным назначением, сходной логикой правового регулирования и наличием связи между решением о их применении и оценочной деятельностью правоприменителя.

Специфика данного субинститута определяется тем, что решение об освобождении не является автоматическим следствием установления формальных условий, а требует содержательной оценки конкретного деяния,

посткриминального поведения лица, его отношения к содеянному, а также иных обстоятельств, характеризующих личность виновного. Именно поэтому дискреционное освобождение отличается, с одной стороны, от императивных видов, при которых правовой результат заранее предопределен законом в случае установления строго обозначенных фактов, а с другой, от чисто процессуальных механизмов прекращения уголовного преследования, поскольку предполагает оценку того, сохраняется ли необходимость в реализации уголовной ответственности.

Содержание субинститута дискреционного освобождения от уголовной ответственности не исчерпывается общими видами дискреционного освобождения, закрепленными в главе 11 УК РФ (ст. 75, 76, 76^2 УК РФ). Он охватывает и специальные виды дискреционного освобождения, а также особую группу специальных видов, которые по своей юридической природе имеют смешанный характер (Приложение 1), сформулированы как императивные, но фактически предполагают предварительную оценку соответствующих условий. Их целесообразно выделить в отдельную группу *квази-императивных видов освобождения*. Они также подлежат включению в содержание субинститута дискреционного освобождения, поскольку решающее значение в них имеет не форма законодательного предписания, а оценочный характер условий применения.

Условия дискреционного задают границы допустимости освобождения и определяют степень правоприменительного усмотрения. Условия существенно различаются *по степени определенности*. Одни имеют формальный характер и устанавливаются путем проверки конкретных юридических фактов. Другие условия являются оценочными, поскольку требуют анализа поведения лица и обстоятельств дела. Третьи – смешанные, соединяют в себе формальный и оценочный элементы.

Однако установления одних условий недостаточно для объяснения природы дискреционного освобождения. Они определяют лишь допустимость освобождения, но не раскрывают, почему государство вправе отказаться от

дальнейшей реализации уголовной ответственности в конкретном случае. В связи с этим в диссертации проведено разграничение условий и основания дискреционного освобождения. В результате установлено, что основание не сводится ни к совокупности условий, указанных в законе, ни к утрате общественной опасности деяния. Общественная опасность деяния оценивается на момент его совершения, поэтому последующее положительное поведение виновного не может изменить характер уже совершенного преступления, устранить сам факт посягательства или сделать его менее опасным в прошлом. *В качестве основания выступает утрата либо существенное снижение общественной опасности личности, совершившей преступление*.

Утрата общественной опасности означает отсутствие необходимости в дальнейшем привлечении к уголовной ответственности, а ее существенное снижение указывает на то, что применение уголовной ответственности в полном объеме становится избыточным.

Представленное разграничение позволяет глубже понять внутреннюю логику дискреционного освобождения от уголовной ответственности. Если *условия показывают, когда освобождение вообще возможно*, то *основание отвечает на вопрос почему в конкретной ситуации государство может отказаться от привлечения лица к уголовной ответственности*. Поэтому при решении вопроса о применении того или иного вида дискреционного освобождения необходимо не только определение наличия предусмотренных законом условий, но и оценка их в совокупности. Такая оценка позволяет судить о том, действительно ли посткриминальное поведение лица свидетельствует об изменении в его личности, снижении вероятности совершения им новых преступлений и наличии необходимости в сохранении уголовной репрессии. Именно поэтому решение об освобождении нельзя сводить ни к простой констатации наличия формальных условий, ни к свободному усмотрению суда. Оно всегда должно быть результатом последовательной и обоснованной правовой оценки.

Поэтому порядок установления условий и основания дискреционного освобождения от уголовной ответственности представляет собой не формальную процессуальную последовательность, а *сложный механизм, в котором соединяются уголовно-процессуальные, материально-правовые и криминологические начала*. Его смысл состоит в том, что правоприменитель должен не только выявить предусмотренные законом обстоятельства, имеющие процессуальное значение для принятия решения об освобождении, но и оценить их в совокупности с точки зрения достаточности для вывода о реальном изменении личности правонарушителя после совершения преступления.

Сама процедура оценки должна строиться последовательно, от проверки формальных предпосылок допустимости освобождения к исследованию оценочных и смешанных условий, с переходом к выводу о наличии либо отсутствии основания.

При этом *характер установленного основания имеет решающее значение*. Если оно состоит в полной утрате общественной опасности личности, возможен полный отказ от уголовной ответственности, до есть применение норм о деятельном раскаянии или примирении с потерпевши. Если общественная опасность лишь существенно снижена, то правовые последствия должны быть иными, предполагающими ответную реакцию государства на совершенное деяние (судебный штраф), поскольку одинаковая реакция на такие ситуации не соответствует их разной природе.

Эта логика проявляется в разрешении конкуренции общих видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности. Такая конкуренция возникает из-за сходства условий, предусмотренных ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ, когда одно и то же деяние формально допускает возможность обращения к нескольким видам дискреционного освобождения. Такая конкуренция не может разрешаться формально, исходя лишь из совпадения предусмотренных законом условий. *Виды дискреционного освобождения, предусмотренные ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ имеют различную правовую природу* и выполняют разную роль в механизме уголовно-правового реагирования. В связи с этим их соотношение должно определяться

тем, в какой мере применение каждого из указанных механизмов соответствует задачам уголовного закона в конкретной ситуации. Ключевым является степень утраты общественной опасности личности, установленная правоприменителем. *Статья 76^2 УК РФ не должна рассматриваться как равнозначная альтернатива деятельному раскаянию и примирению с потерпевшим, а подлежит применению как особая форма минимально необходимой реакции государства*.

В ряде случаев выбор между общими видами дискреционного освобождения зависит не только от поведения виновного, но и от особенностей самого преступления. По делам о преступлениях с административной преюдицией и о преступлениях, последствием которых стало причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, полное освобождение от уголовной ответственности представляется чрезмерным, а потому наиболее оправданной формой реагирования здесь выступает судебный штраф. Слишком широкое понимание признака «впервые совершившее преступление» не отвечает различной правовой природе общих видов освобождения и нуждается в более дифференцированном подходе.

Соотношение общих и специальных видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности, не является единым для всех случаев и зависит от характера условий, закрепленных в примечании к статье Особенной части УК РФ. *В случае пересечения условий вопрос о виде освобождения решается на основе признака своевременности позитивного посткриминального поведения*. В то же время текущий порядок регулирования, предполагающий возможность обращения к любому общему виду при невыполнении условий специального оценен как не вполне соответствующий принципу справедливости. В связи с чем поведение лица, указывающее на положительные изменения в его личности, но не отвечающее признаку своевременности, должно исключать возможность освобождения по правилам ст. 75 и 76 УК РФ. Такое поведение не должно полностью утрачивать уголовно-правовое значение, поскольку оно может свидетельствовать о снижении общественной опасности личности. Поэтому его следует учитывать прежде всего при решении вопроса о применении судебного

штрафа по ст. 76^2 УК РФ. Иной подход фактически нивелирует специальное примечание, поскольку позволяет лицу, не выполнившему его условия своевременно, получить тот же правовой результат через общие виды освобождения.

Таким образом, проведенное диссертационное исследование подтверждает, что дискреционное освобождение от уголовной ответственности является одним из ключевых механизмов современной уголовной политики в части обеспечения баланса между справедливостью, гуманизмом, экономией уголовной репрессии и охраной публичных интересов. Выводы и предложенные подходы позволяют отойти от формального применения норм главы 11 УК РФ и специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ, связать выбор конкретного вида освобождения с установленной степенью изменения общественной опасности личности. Это дает возможность более последовательно разграничивать деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, судебный штраф и специальные виды освобождения, а также применять их с учетом характера совершенного преступления, поведения виновного после его совершения и необходимости сохранения либо исключения реакции государства.

В теоретическом отношении результаты исследования развивают доктринальные представления о поощрительных, восстановительных и компромиссных формах уголовно-правового реагирования, уточняют понятийный аппарат субинститута дискреционного освобождения от уголовной ответственности и позволяют предложить его целостную модель.

Практическая ценность состоит в том, что в целях совершенствования порядка применения видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности сформулированы предложения по совершенствованию разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума от 27.06.2013 г. № 19 (Приложение 3). Их общая направленность заключается в выработке единых ориентиров для правоприменителя при разрешении конкуренции и разграничении различных видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности.

Проведенное исследование, однако, не исчерпывает всей проблематики дискреционного освобождения от уголовной ответственности, однако формирует теоретическую основу для дальнейшей разработки данного направления в науке уголовного права, имеющего существенное значение как для развития доктрины, так и для повышения качества правоприменительной деятельности.

Перспективы дальнейших научных исследований в этой сфере связаны прежде всего с более подробной разработкой тех вопросов, которые и сегодня остаются спорными. В первую очередь это касается уточнения критериев, по которым можно судить об утрате или существенном снижении общественной опасности личности, поскольку именно это лежит в основе дискреционного освобождения от уголовной ответственности. Кроме того, важно глубже исследовать, насколько мнение потерпевшего должно влиять на решение об освобождении, где проходят пределы такого влияния и как соотносятся частные и публичные интересы. Самостоятельного внимания заслуживают специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные примечаниями к статьям Особенной части УК РФ. Необходимо определить пределы их дальнейшего расширения. Отдельным направлением может стать сравнительно-правовое исследование дискреционного освобождения от уголовной ответственности. Сопоставление российской модели с зарубежными подходами позволит лучше понять, какие решения наиболее эффективны для поощрения положительного посткриминального поведения и восстановления нарушенных общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ [ред. от 10 июня 2026 г. с изм. от 29 июня 2026 г.] // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [ред. от 10 июня 2026 г.] // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [ред. от 26 июня 2026 г. с изм. и доп., вступ. в силу с 07 июня 2026 г.] // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.

5. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ [ред. от 01 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 02 ноября 2013 г. № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 44. — Ст. 5641.

7. О внесении изменений в статьи 222 и 223 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 192-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 27. — Ст. 3983.

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам

совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 27. — Ст. 4256.

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 26. — Ст. 3139.

10. О внесении изменения в статью 75 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 02 июня 2016 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 23. — Ст. 3286.

11. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 50. — Ст. 4848.

12. О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 13. — Ст. 1475.

13. О Верховном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 6. — Ст. 550.

14. О судебной системе Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 1. — Ст. 1.

Исторические документы и зарубежные нормативные правовые акты

15. Пространная редакция «Русской правды» // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. — М.: Юридическая литература, 1988. — Т. 1. — С. 64-73.

16. Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. — М.: Юридическая литература, 1984. — Т. 1. — С. 331-342.

17. Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. — М.: Юридическая литература, 1985. — Т. 2. — С. 54-62.

18. Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. — М.: Юридическая литература, 1985. — Т. 2. — С. 97-120.

19. Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. — М.: Юридическая литература, 1985. — Т. 3. — С. 76-257.

20. Артикул Воинский 1715 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. — М.: Юридическая литература, 1986. — Т. 4. — С. 314-389.

21. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. — М.: Юридическая литература, 1988. — Т. 6. — С. 174-309.

22. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. — М.: Юридическая литература, 1991. — Т. 8. — С. 394-462.

23. Высочайшее мнение Государственного Совета от 15 мая 1867 г. № 28883 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. — СПб., 1868. — Т. 42. — Ст. 21.

24. Уголовное уложение 1903 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. — М.: Юридическая литература, 1994. — Т. 9. — С. 275-293.

25. О взяточничестве : Декрет Совета народных комиссаров от 08 мая 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1918. — № 35. — Ст. 467.

26. Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1922. — № 15. — Ст. 153.

27. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года // Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. — 1924. — № 24. — Ст. 204.

28. Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. — 1926. — № 80. — Ст. 600.

29. Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1959. — № 1. — Ст. 6.

30. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 591.

31. Уголовный кодекс Австрии. Принят 29 января 1974 г. Вступил в силу с 1 января 1975 г. С изменениями и дополнениями на 1 мая 2003 г.: перевод с немецкого // Пер.: Вихрова Л.С.; Предисл.: Фабрици Э.О.; Науч. ред.: Милюков С.В. — СПб: Юридический центр Пресс, 2004. — 352 с.

32. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изм. и доп. по сост. на 05.06.2026 г.) // База данный «Законодательство стан СНГ». — Режим доступа: https://spinform.ru/.

33. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 01.01.2026 г.) // База данный «Законодательство стан СНГ». — Режим доступа: https://spinform.ru/.

34. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 12.08.2026 г.) // База данный «Законодательство стан СНГ». — Режим доступа: https://spinform.ru/.

35. Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 г. Вступил в силу с 1 марта 1994 г. С изменениями и дополнениями на 1 января 2002 г.: перевод с французского // Науч. ред.: Головко Л.В., Крылова Н.Е. (Пер., предисл.). — СПб: Юридический центр Пресс, 2002. — 650 с.

36. Уголовный кодекс Швейцарии: перевод с немецкого // Науч. ред.: Серебренникова А.В. (пер. и предисл.). — СПб: Юридический центр Пресс, 2002. — 350 с.

Судебная практика

37. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка

освобождения от уголовной ответственности» : определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 2257-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — Режим доступа: https://legalacts.ru/.

38. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мешаяна Дмитрия Карленовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 3399-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — Режим доступа: https://legalacts.ru/.

39. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилисова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 650-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — Режим доступа: https://legalacts.ru/.

40. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шохина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2019 г. № 3325-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — Режим доступа: https://legalacts.ru/.

41. По запросу Петрозаводского гарнизонного военного суда о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» : определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2020 г. № 1938-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — Режим доступа: https://legalacts.ru/.

42. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление

Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25: [в ред. от 25 июня 2024 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 2.

43. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 : [в ред. от 29 ноября 2016 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 8.

44. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 : [в ред. от 9 декабря 2025 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 9.

45. О практике назначения судами Российской Федерации Уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 : [в ред. от 23 декабря 2025 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 2.

46. О судебной практике по делам о незаконном пересечении государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 : [в ред. от 23 декабря 2025 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 9.

47. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 : [в ред. от 11 июня 2019 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2002. — № 5.

48. О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 39 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 3.

49. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 февраля 2026 г. по делу № 25-УД25-14-К4 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/.

50. Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием: обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 01.06.2005 г. // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home&rnd=OKR4A.

51. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2024 г. по делу № 77-1946/2024 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/.

52. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 июля 2026 г. по делу № 77-2179/2026 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/.

53. Апелляционное постановление суда Ханты-Мансийского автономного округа от 01 июля 2025 года по делу № 22/1202/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

54. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 № 117-УД23-1-К4 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — Режим доступа: https://legalacts.ru.

55. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 июля 2024 г. № 26-УД24-5-К5 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

56. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 декабря 2025 г. № 88-28801/2025 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». — Режим доступа: https://www.garant.ru.

57. Постановление Центрального районного суда города Омска от 05 июня 2019 г. по делу № 1-219/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

58. Постановление Октябрьского районного суда города Белгород от 5 марта 2024 г. по делу № 1-126/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

59. Постановление Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга от 10 марта 2024 г. по делу № 1-185/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

60. Постановление Солтонского районного суда Алтайского края от 09 февраля 2025 г. по делу № 1-05/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

61. Постановление Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2025 г. по делу № 1-41/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

62. Постановление Таганрогского городского суда Ростовской области от 23 июня 2025 г. по делу № 1-310/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

63. Постановление Ангарского городского суда Иркутской области от 4 августа 2025 г. по делу № 1-625/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

64. Постановление Советского районного суда города Махачкалы от 28 августа 2025 г. по делу № 1-619/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

65. Постановление Волоколамского городского суда Московской области от 29 августа 2025 года по делу № 1-139/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

66. Постановление Суровикинского районного суда Волгоградской области от 9 сентября 2025 г. по делу № 1-63/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

67. Постановление Центрального районного суда города Оренбурга от 9 сентября 2025 г. по делу № 1-345/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

68. Постановление Чистопольского городского суда Республики Татарстан от 21 сентября 2025 г. по делу № 1-182/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

69. Постановление Ленинского районного суда города Ставрополье от 28 сентября 2025 г. по делу № 1-205/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

70. Постановление Приокского районного суда Нижегородской области от 28 сентября 2025 г. по делу №1-259/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

71. Постановление Кунгурского городского суда Пермского края от 9 октября 2025 г. по делу № 1-375/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

72. Постановление Кавалеровского районного суда Приморского края от 13 октября 2025 г. по делу № 1-138/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

73. Постановление Канашский районный суд Чувашской Республики в постановлении от 30 ноября 2025 г. по делу № 1-220/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

74. Постановление Орджоникидзевского районного суда города Новокузнецка Кемеровской области от 4 декабря 2025 г. по делу № 1-349/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

75. Постановление Советского районного суда города Липецка от 23 декабря 2025 г. по делу № 1-334/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

76. Постановление Трусовского районного суда города Астрахани от 18 января 2026 г. по делу № 1-41/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

77. Постановление Бакчарского районного суда Томской области от 21 января 2026 г. по делу № 1-25/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

78. Постановление Ленинского районного суда города Тюмени от 22 января 2026 г. по делу № 1-1253/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

79. Постановление Норильского городского суда Красноярского края от 22 января 2026 г. по делу № 1-490/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

80. Постановление Спасского районного суда Приморского края от 26 января 2026 г. по делу № 1-481/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

81. Постановление Кировского районного суда от 28 января 2026 г. по делу № 1-199/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

82. Постановление Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 29 января 2026 г. по делу № 1-104/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

83. Приговор Еравнинского районного суда Республики Бурятия от 05 декабря 2019 г. по делу № 1-156/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

84. Приговор Старицкого районного суда Тверской области от 5 февраля 2025 г. по делу № 1-7/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

85. Приговор Чебоксарского районного суда Чувашской Республики от 28 августа 2025 г. по делу № 1-99/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

86. Приговор Кабанского районного суда Республики Бурятия от 24 сентября 2025 г. по делу № 1-189/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

87. Приговор Зюзинского районного суда г. Москвы от 27 ноября 2025 г. по делу № 01-0861/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

88. Приговор Нижневартовского городского суда ХМАО-Югры от 27 ноября 2025 г. по делу № 1-1532/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

89. Приговор Енотаевского районного суда Астраханской области от 26 января 2026 г. по делу № 1-75/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

90. Приговор Заельцовского районного суда города Новосибирска от 28 января 2026 г. по делу № 1-111/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

91. Приговор Баяндаевского районного суда Иркутской области от 29 января 2026 г. по делу № 1-14/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

92. Приговор Назаровского районного суда Красноярского края от 29 января 2026 г. по делу № 1-322/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

93. Приговор Бондарского районного суда Тамбовской области от 15 февраля 2026 г. по делу № 1-24/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

94. Решение Липецкого областного суда от 29 августа 2023 г. по делу №3А-71/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. — Режим доступа: https://sudact.ru.

Научная и учебная литература

95. Аликперов, Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности: Учебно-методическое пособие / Х.Д. Аликперов. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. — 126 с.

96. Андреев, С.П., Антонов, А.Г. Актуальные вопросы обеспечения принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа: монография / С.П. Андреев, А.Г. Антонов. — СПб.: СПбУ МВД России, 2025. — 320 с.

97. Андрианов, В. К., Пудовочкин, Ю.Е. Закономерности уголовного права: монография / В.К. Андрианов. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 342 с.

98. Балмочных, С. Ю. Дискреционные основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних: монография / С.Ю. Балмочных. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 168 с.

99. Белогриц-Котляревский, Л. С. Очерки курса русского уголовного права: общая и особенная части. Лекции / Л.С. Белогриц-Котляревский. — Киев: Южно-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1908. — 683 с.

100. Благов, Е.В. Применение уголовного права: теория и практика / Е.В. Благов. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. — 505 с.

101. Буланов, Н.В. Прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: монография / Н.В. Буланов. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 216 с.

102. Волынская, О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические организационно-правовые проблемы: монография / О.В. Волынская. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. — 351 с.

103. Гилинский, Я.И. Криминология и девиантология постмодерна / Я.И. Гилинский. — СПб.: Алетейя, 2024. — 242 с.

104. Головко, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве: монография / Л.В. Головко. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 544 с.

105. Ендольцева, А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: монография / А.В. Ендольцева. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004. — 231 с.

106. Жалинский, А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. — М.: Проспект, 2009. — 400 с.

107. Законодательство Петра I / Отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. — М.: Юрид. лит., 1997. — 880 с.

108. Келина, С.Г. Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления / С.Г. Келина. — М., 1994. — 68 с.

109. Кириллова, Я.М. Освобождение от уголовной ответственности в российском уголовном праве: монография / Я.М. Кириллова. — Издательство: Издательские решения, 2021. — 247 с.

110. Кистяковский, А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть общая / А.Ф. Кистяковский. — Киев: Южно-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1891. — 887 с.

111. Козаченко, И. Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И.Я. Козаченко. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 400 с.

112. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. / В.Н. Кудрявцев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2007. — 304 с.

113. Кузнецова, Н.Ф. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд / Н.Ф. Кузнецова. — М.: Юридическая литература, 1964. — 95 с.

114. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. — М.: Городец, 2007. — 336 с.

115. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. — М.: НОРМА, 1998. — 296 с.

116. Лунеев, В.В. Эпоха глобализации и преступность: монография / В.В. Лунеев. — М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. — 272 с.

117. Мальцев, В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве / В.В. Мальцев. — Волгоград: ВА МВД России, 2004. — 209 с.

118. Мартысевич, И. Г. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование / Отв. ред. П.Н. Галанза. — М.: Издательство Моск. унт-та, 1951. — 208 с.

119. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. — М.: Азбуковник, 1997. — 3423 с.

120. Понятовская, Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного права / Т.Г. Понятовская. — Ижевск: Удмуртский ун-т, 1996. — 231 с.

121. Российское законодательство X-XX веков: в 9 томах. Законодательство Древней Руси / Под общ. ред.: О.И. Чистякова. — М.: Юридическая литература, 1984. — Т. 1 — 432 с.

122. Российское уголовное право. Общая часть: учебник: в 2 ч. / А.Г. Блинов, Н.А. Лопашенко, С.Ю. Бытко [и др.]; под ред. д.ю.н., проф. Блинова А.Г., д.ю.н., проф. Лопашенко Н.А. — М.: Юрлитинформ, 2024. — 679 с.

123. Сверчков, В.В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики: монография / В.В. Сверчков. — Издательство: Юрид. центр Пресс, 2008. — 586 с.

124. Соловьев, А.Г. Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве: монография / А.Г. Соловьев. — М.: Юрлитинформ, 2024. — 174 с.

125. Спасович, В.Д. Учебник уголовного права / В.Д. Спасович. — СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. — Т. 1. — 438 с.

126. Урда, М.Н. Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции как инструмент миграционного контроля: монография / М.Н. Урда. — М.: Юрлитинформ, 2024. — 288 с.

127. Хоменко, Е.Б. Актуальные вопросы экономики: современные вызовы на национальном, региональном и отраслевом уровнях / Е.Б. Хоменко. — Ижевск: Удмуртский ун-т, 2023. — 166 с.

128. Юшков, С.В. Русская правда. Происхождение, источники, ее значение / С.В. Юшков. — М.: Зерцало-М, 2002. — 400 с.

129. **Научные статьи и публикации**

130. Аликперов, Х. Д. Новый УК: проблемы освобождения от уголовной ответственности / Х.Д. Аликперов // Законность. — 1999. — № 4. — С. 12-14.

131. Алференок, Е.А., Иванова, Е.А. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу, заключением контракта о прохождении военной службы, прохождением военной службы в ВС РФ / Е.А. Алференок, Е.А. Иванова // Судебная экспертиза и исследования. — 2025. — № 1. — С. 7-10.

132. Андрианов, В.К. Юридико-фактическая характеристика института освобождения от уголовной ответственности / В.К. Андрианов // Российское правосудие. — 2020. — № 10. — С. 83-92.

133. Анощенкова, С.В., Суверов, С.Е. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при совершении преступлений с административной преюдицией / С.В. Анощенкова, С.Е. Суверов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — 2023. — № 1. — С. 60-64.

134. Антонов, А.Г. Новое основание освобождения от уголовной ответственности как разновидность деятельного раскаяния / А.Г. Антонов // Теория и практика правоохранительной деятельности. — 2024. — № 4 (57). — С. 15-21.

135. Антонов, А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности и принцип законности / А.Г. Антонов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2013. — № 2 (8). — С. 19-23.

136. Антонченко, В.В. Охрана жизни человека – приоритет действующего уголовного закона? / В.В. Антонченко // Всероссийский криминологический журнал. — 2011. — № 4 (18). — С. 21-25.

137. Арсенова, Н.В. Признание вины, полученное при проверке сообщения о преступлении, как доказательство по уголовному делу / Н.В. Арсенова // Алтайский юридический вестник. — 2018. — № 4 (24). — С. 105-110.

138. Афанасенко, А.А. Судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности / А.А. Афанасенко // Диалог. — 2024. — № 3. — С. 10-11.

139. Афанасьева, А.Ю. Диспозитивность, дискреционность и усмотрение в уголовном процессе / А.Ю. Афанасьева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 8-2. — С. 42-44.

140. Афинская, З.Н. Функция форманта квази/quasi в процессе интердискурсивного взаимодействия (на материале русского и французского языков) / З.Н. Афинская // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — № 3. — С. 89-96.

141. Бажанов, С.А., Пырченкова, Г.С. Восстановительное правосудие / С.А. Бажанов, Г.С. Пырченкова // Право и управление. — 2026. — № 3. — С. 155-160.

142. Беларева, О.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при совершении преступлений с административной преюдицией / О.А. Белараева // Вестник Кузбасского института. — 2023. — № 3 (56). — С. 22-29.

143. Бельский, А.И., Бочарникова, Л.Н. Проблемы освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье 222 УК РФ / А.И. Бельский, Л.Н. Бочарникова // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2017. — № 1. — С. 58-61.

144. Бидова, Б.Б. Теоретические основы диспозитивного режима уголовно-правового регулирования / Б.Б. Бидова // Молодой ученый. — 2015. — № 24 (104). — С. 710-712.

145. Борков, В.Н., Суверов, С.Е. Общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности: назначение, цели, особенности конструирования / В.Н. Борков, С.Е. Суверов // Правоприменение. — 2022. — Т. 6. — № 1. — С. 162-173.

146. Бушуев, И.В., Иванченко, Е.В. Предмет и объект преступления, предусмотренного статьей 228.2 Уголовного кодекса Российской Федерации / И.В. Бушуев, Е.В. Иванченко // Закон и право. — 2022. — № 3. — С. 142-144.

147. Бурлаков, В.Н., Селиверстова, М.А. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности / В.Н. Бурлаков, М.А. Селиверстова // Правоприменение в публичном и частном праве. — 2022. — С. 23-28.

148. Валиев, Р.Г. К вопросу о дискреционных нормах российского права / Р.Г. Валиев // Учение записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. — 2012. — Т. 154. — № 4. — С. 7-15.

149. Вдовцев, П.В. Освобождение от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела): право или обязанность правоприменителя? / П.В. Вдовцев // Мировой судья. — 2024. — № 6. — С. 27-32.

150. Владимирова, О.А. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности / О.А. Владимирова // Вестник Самарского юридического института. — 2017. — № 4 (26). — С. 28-32.

151. Генрих, Н.В. Императивные и диспозитивные способы регулирования уголовно-правовых отношений / Н.В. Генрих // Общество и право. — 2010. — № 3 (30). — С. 107-118.

152. Голенко, Д.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера / Д.В. Голенко // Юридический вестник Самарского университета. — 2018. — Т. 4. — № 1. — С. 78-82.

153. Головко, Л.В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия / Л.В. Головко // Уголовный процесс. — 2017. — № 1. — С. 38-45.

154. Гриценко, Т.В., Абызова, Е.Р., Кравцов, С.С. К вопросу о правовой природе судебного штрафа и его месте в системе оснований прекращения уголовного преследования (дела), связанных с позитивным постпреступным поведением обвиняемого (подозреваемого) / Т.В. Гриценко, Е.Р. Абызова, С.С. Кравцов // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2023. — № 2. — С. 110-117.

155. Гужова, Д.Ю. Профессиональная деятельность следователя при назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в ходе досудебного производства по уголовному делу / Д.Ю. Гужова // Гуманитарные

исследования в современном образовании: прошлое, настоящее, будущее. — 2025. — С. 100-103.

156. Джамалдаев, М.Э.У. Понятие, основания и условия освобождения от уголовной ответственности / И.Э.У. Джамалдаев // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2009. — № 4. — С. 71-74.

157. Дикарев, И.С. К вопросу о дискреционных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) / И.С. Дикарев // Уголовное право. — 2007. — № 1. — С. 80-83.

158. Дубков, А.Е., Князьков, А.А. О критериях классификации условных и безусловных видов освобождения от уголовной ответственности / А.Е. Дубков, А.А. Князьков // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). — 2013. — № 2. — С. 122-132.

159. Ермолович, Я.Н. Длящиеся и продолжаемые преступления: новые правовые позиции (научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» от 12 декабря 2023 года № 43) / Я.Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах. — 2024. — № 8. — С. 56-66.

160. Жук, М.С. Становление и развитие институтов российского уголовного права / М.С. Жук // Lex Russica. — 2013. — Т. 95. — № 7. — С. 750-766.

161. Зайцев, Д.И. Дискреционный нигилизм: на подступах к проблеме / Д.И. Зайцев // Сибирское юридическое обозрение. — 2025. — № 4. — С. 542-554.

162. Звечаровский, И.Э. Отграничение преступного от непреступного в уголовном законе: материальные последствия и процессуальная форма / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. — 2013. — № 3. — С. 97-101.

163. Звечаровский, И.Э. О юридической природе судебного штрафа (статьи 76.2, 104.4 УК РФ) / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. — 2016. — № 6. — С. 98-101.

164. Ищенко, И.В. Характер и степень общественной опасности преступлений и непреступных деяний: проблемы понятия и критериев определения / И.В. Ищенко // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2023. — Т. 25. — № 1. — С. 165-179.

165. Кайнаров, С.Х.У., Васильев, А.М. Освобождение от уголовной ответственности как средство дискриминации от уголовной ответственности / С.Х.У. Кайнаров, А.М. Васильев // Вестник науки и творчества. — 2024. — № 5 (96). — С. 38-43.

166. Каматесов, П.А. Применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при конкуренции с иными основаниями прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования / П.А. Каматесов // Юридическая наука. — 2022. — № 6. — С. 106-110.

167. Караваева, Ю.С. Общественная опасность личности и основание криминализации / Ю.С. Караваева // Пенитенциарная наука. — 2024. — Т. 18. — № 3 (67). — С. 263-271.

168. Карпов, К.Н. Нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности в контексте принципов равенства и справедливости / К.Н. Карпов // Алтайский юридический вестник. — 2025. — № 4 (52). — С. 160-166.

169. Карпов, К.Н. Правовые последствия несоблюдения военнослужащим условий освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) либо условий освобождения от наказания (ст. 80.1 УК РФ) / К.Н. Карпов // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — С. 106-110.

170. Кибальник, А.Г., Попов, А.П. О смысле освобождения от уголовной ответственности / А.Г. Кибальник, А.П. Попов // Общество и право. — 2012. — № 5 (42). — С. 120-123.

171. Килина, И.В. Освобождение от уголовной ответственности на основании примечаний к статьям особенной части УК РФ: аксиология института / И.В. Килина // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — Т. 19. — № 4. — С. 432-439.

172. Климанова, О.В., Норвартян, Ю.С., Семенова, Д.М. О материальном основании и составе освобождения от уголовной ответственности / О.В. Климанова, Ю.С. Норвартян, Д.М. Семенова // Российский судья. — 2025. — № 10. — С. 27-32.

173. Князьков, А.А. Условные виды освобождения от уголовной ответственности: pro et contra / А.А. Князьков // Юридическая наука. — 2014. — № 2. — С. 116-119.

174. Кобзева, Е.В. Критерии общественной опасности деяния, учитываемые при дифференциации уголовной и иных видов юридической ответственности / Е.В. Кобзева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020. — № 6 (137). — С. 207-215.

175. Коняхин, В.П., Батютина, Т.Ю. Новации особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в контексте современной геополитической ситуации / В.П. Коняхин, Т.Ю. Батютина // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2023. — № 2 (52). — С. 70-77.

176. Корнеев, С.А. Истинное место судебного штрафа в конструкции уголовного закона / С.А. Корнеев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2021. — Т. 38. — № 2. — С. 126-130.

177. Коробов, П.В. О двух группировках видов освобождения от уголовной ответственности / П.В. Коробов // Вестник ВУиТ. — 2010. — № 73. — С. 93-98.

178. Коробов, П.В. Условные и безусловные виды освобождения от уголовной ответственности / П.В. Коробов // Журнал российского права. — 2011. — № 9 (177). — С. 49-56.

179. Кузнецов, А.В. Освобождение от уголовной ответственности по ч. 2 ст. 76.1 УК РФ / А.В. Кузнецов // Право и государство: теория и практика. — 2016. — № 7 (139). — С. 113-122.

180. Кузнецова, Н.И., Урда, М.Н. И снова об уголовной ответственности юридических лиц: два взгляда на проблему (на примере экологических преступлений) / Н.И. Кузнецова, М.Н. Урда // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17. — № 6. — С. 567-576.

181. Кузьмина, О.Н. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности / О.Н. Кузьмина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — № 6. — С. 87-91.

182. Кучеров, Г.Н. Дискреционная модель правового регулирования прекращения уголовного дела и уголовного преследования: pro et contra / Г.Н. Кучеров // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11 (120). — С. 214-222.

183. Ларина, Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление / Л.Ю. Ларина // Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право. — 2014. — № 1. — С. 87-90.

184. Лепина, Т.Г. «Совершение лицом преступления впервые» как условие освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / Т.Г. Лепина // Союз криминалистов и криминологов. — 2021. — № 1. — С. 52-57.

185. Лопашенко, Н.А. Составы преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих» / Н.А. Лопашенко // Российский следователь. — 2022. — № 5. — С. 51-55.

186. Лысенко, В.С. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в отношении преступлений, посягающих на жизнь и здоровье человека: проблемы теории и практики / В.С. Лысенко // Теория и практика общественного развития. — 2025. — № 5. — С. 190-195.

187. Магомедов, Г.М., Абдулкадирова, Х.Д. Проблема достижения целей наказания при освобождении от уголовной ответственности и уголовного преследования / Г.М. Магомедов, Х.Д. Абдулкадирова // The scientific heritage. — 2020. — № 55-5 (55). — С. 13-15.

188. Мазюк, Р.В. Судебный штраф как альтернатива приговору в уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 2 (16). — С. 23-35.

189. Молчанов, Д.М., Куликов, А.С. Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь: сравнительный анализ / Д.М.

Молчанов, А.С. Куликов // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 12 (85). — С. 125-137.

190. Назырова, Н.А. Реализация следователем функции разрешения дела при принятии правового решения о прекращении уголовного дела / Н.А. Назырова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2023. — № 1 (104). — С. 199-208.

191. Нечепуренко, А.А., Бабурин, В.В. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности / А.А. Нечепуренко, В.В. Бабурин // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2018. — № 30. — С. 68-79.

192. Новикова, Ю.Г., Высоцкая, С.А. Диспозитивные начала освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / Ю.Г. Новикова, С.А. Высоцкая // Аллея науки. — 2023. — Т. 1. — № 9 (84). — С. 11-17.

193. Новокшонов, Д.В., Мазурин, С.Ф. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания военнослужащих в период мобилизации и военного положения / Д.В. Новокшонов, С.Ф. Мазурин // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 9. — С. 610-613.

194. Обломова, Е.Р. Уголовно-правовая природа судебного штрафа / Е.Р. Обломова // Pro.право. — 2024. — Т. 8. — № 2. — С. 81-84.

195. Овсянников, И.В. Назначение судебного штрафа: неоднородность судебных решений / И.В. Овсянников // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2023. — № 7. — С. 60-63.

196. Овсянников, И.В. Об освобождении от уголовной ответственности на стадии подготовки к судебному заседанию / И.В. Овсянников // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 45. — С. 100-112.

197. Овсянников, И.В. Правовой институт судебного штрафа: недостатки и пути совершенствования / И.В. Овсянников // Российская юстиция. — 2023. — № 6. — С. 76-80.

198. Ораздурдыев, А.М. Понятие и признаки сложного преступления / А.М. Ораздурдыев // Российский следователь. — 2022. — № 1. — С. 42-46.

199. Петрухин, И.Л. Презумпция невиновности – конституционный принцип советского уголовного процесса / И.Л. Петрухин // Советское государство и право. — 1978. — № 12. — С. 23-25.

200. Петухова, В.Б. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: место в системе оснований освобождения от уголовной ответственности / В.Б. Петухова // Вестник науки. — 2025. — Т. 2. — № 10 (91). — С. 244-250.

201. Подройкина, И.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ) / И.А. Подройкина // Вестник Югорского государственного университета. — 2023. — № 1 (68). — С. 15-22.

202. Подройкина, И.А. Условия освобождения от уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 75 УК РФ / И.А. Подройкина // Общество: политика, экономика, право. — 2022. — № 10 (111). — С. 67-72.

203. Пономарев, Н.С. Дискреционные полномочия судей в уголовном процессе: критический анализ / Н.С. Пономарев // Уголовное судопроизводство. — 2023. — № 4. — С. 40-45.

204. Понятовская, Т.Г. Нужны ли условия освобождения от уголовной ответственности формальные признаки? / Т.Г. Понятовская // Общество и право. — 2015. — № 4 (54). — С. 93-98.

205. Прозументов, Л. М. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания / Л.М. Прозументов // Уголовная юстиция. — 2021. — № 17. — С. 13-17.

206. Рогова, Н.Н. Особенности уголовной ответственности при причинении смерти по неосторожности / Н.Н. Рогова // Евразийский Союз Ученых. — 2014. — № 5-5 (5). — С. 159-161.

207. Савин, А.А., Мешков, Д.Н. Освобождение от уголовной ответственности. Объективные и субъективные условия и основания / А.А. Савин,

Д.Н. Мешков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — № 11. — С. 233-236.

208. Савин, А.А. Освобождение от уголовной ответственности. Классификация видов, основания и условия / А.А. Савин // Modern science. — 2020. — № 10-1. — С. 193-197.

209. Сверчков, В.В. О диспозитивности и императивности в институте освобождения от уголовной ответственности (наказания) / В.В. Сверчков // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. — 1998. — С. 35-42.

210. Семченков, И.П. Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно / И.П. Семченков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2019. — № 1 (55). — С. 41-44.

211. Сердюкова, Е.В. Соотношение общих и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности / Е.В. Сердюкова // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2019. — № 5-1. — С. 163-166.

212. Серенко, Р.С. Дискреция в освобождении от уголовной ответственности: конкуренция оснований и ориентиры правоприменения / Р.С. Серенко // Полицейская деятельность. — 2026. — № 2. — С. 17-27.

213. Серенко, Р.С. К вопросу о регулировании института освобождения от уголовной ответственности в законодательстве Федеративной Республики Германия / Р.С. Серенко // Молодежь и системная модернизация страны. — 2025. — С. 379-382.

214. Серенко, Р.С. Освобождение от уголовной ответственности в России и Германии: общие тенденции и национальные особенности / Р.С. Серенко // Полицейская и следственная деятельность. — 2025. — № 3. — С. 15-32.

215. Серенко, Р.С. Освобождение от уголовной ответственности: история становления и развития института в отечественном праве, текущее состояние и перспективы развития / Р.С. Серенко // Полицейская и следственная деятельность. — 2025. — № 2. — С. 39-59.

216. Серенко, Р.С. Реализация принципа справедливости при применении института освобождения от уголовной ответственности / Р.С. Серенко // Уголовное право в эволюционирующем обществе. — 2025. — С. 70-75.

217. Серенко, Р.С. Сущность института освобождения от уголовной ответственности и проблемные аспекты его практической реализации / Р.С. Серенко // Молодежь и системная модернизация страны. — 2025. — С. 373-379.

218. Серенко, Р.С. Уголовная ответственность и освобождение от нее: теоретические противоречия и пути оптимизации правового регулирования / Р.С. Серенко // Уголовное право в эволюционирующем обществе. — 2025. — С. 76-81.

219. Сизов, А.А., Шахбазов, Р.Ф., Назаренко, Л.А. Некоторые аспекты освобождения от уголовной ответственности по российскому законодательству / А.А. Сизов, Р.Ф. Шахбазов, Л.А. Назаренко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — № 5-5. — С. 818-822.

220. Соколова, О.В., Степанова, И.Б. Судебный штраф: теоретические и практические подходы к определению целей и основания его применения / О.В. Соколова, И.Б. Степанова // Право и практика. — 2021. — № 1. — С. 9-14.

221. Соловьев, А.Г. Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве / А.Г. Соловьев // Правда и закон. — 2019. — № 2 (8). — С. 53-56.

222. Сосновская, С.С. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / С.С. Сосновская // Молодой ученый. — 2019. — № 35 (273). — С. 76-78.

223. Спивак, С.Г., Алферьева, А.А. Понятие и классификация специальных видов освобождения от уголовной ответственности / С.Г. Спивак, А.А. Алферьева // Вестник Костромского государственного университета. — 2019. — № 3. — С. 172-175.

224. Суверов, С.Е. Место нормы о примирении с потерпевшим в системе оснований освобождения от уголовной ответственности / С.Е. Суверов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. — 2020. — С. 244-247.

225. Суверов, С.Е. Подходы к разрешению конкуренции между нормами института освобождения от уголовной ответственности / С.Е. Северов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2022. — № 22-2. — С. 53-55.

226. Сумачев, А.В. Диспозитивность в уголовном праве / А.В. Сумачев // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2008. — № 1 (4). — С. 66-79.

227. Сухарева, Н.Д., Байрамуков, Р.Б. Освобождение от уголовной ответственности как средство дифференциации уголовной ответственности / Н.Д. Сухарева, Р.Б. Байрамуков // Общество и право. — 2011. — № 3 (35). — С. 186-189.

228. Сухарева, Н.Д. Классификация видов освобождения от уголовной ответственности / Н.Д. Сухарева // Российский судья. — 2005. — № 5. — С. 41-43.

229. Тарасова, Е.Т. Общественная опасность и освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба / Е.Т. Тарасова // Российское право: образование, практика, наука. — 2024. — № 5 (143). — С. 58-65.

230. Тарыкин, В.К., Серенко, Р.С. Институт освобождения от уголовной ответственности: полная история становления в отечественном праве и перспективы развития в обозримом будущем / В.К. Тарыкин, Р.С. Серенко // Современное общество и право. — 2023. — № 5 (66). — С. 24-32.

231. Теуважев, З.А., Корженко, В.С. Проблемные аспекты правоприменительной практики по статье 352.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Добровольная сдача в плен» / З.А. Теуважев, В.С. Корженко // Право и управление. — 2023. — № 2. — С. 255-257.

232. Ткачев, И.О. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ) / И.О. Ткачев // Уголовное право. — 2019. — № 14. — С. 30-35.

233. Толочко, Д.Е. Актуальные вопросы развития института освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 78.1 УК РФ) / Д.Е. Толочко // Современный ученый. — 2025. — № 10. — С. 421-430.

234. Трофимова, Г.А. Судебный штраф – альтернатива? / Г.А. Трофимова // Российский судья. — 2017. — № 8. — С. 30-34.

235. Урда, М.Н., Урда, А.О. Общественная опасность в межотраслевом измерении / М.Н. Урда, А.О. Урда // Известия Юго-Западного государственного университета. — 2024. — Т. 14. — № 3. — С. 190-199.

236. Уренева, О. В. Право потерпевшего на милость под судебный контроль / О.В. Уренева // Российский судья. — 2016. — № 6. — С. 26–30.

237. Файзуллина, Д. Р. История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания в России / Д.Р. Файзуллина // Актуальные проблемы экономики и права. — 2008. — № 2. — С. 151-157.

238. Федорская, Л.А. Уголовная ответственность: сущность, момент возникновения. Освобождение от уголовной ответственности / Л.А. Федорская // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2013. — № 15. — С. 229-233.

239. Филоненко, Т.В. Восстановительное правосудие как альтернатива уголовному наказанию / Т.В. Филоненко // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 12 (240). — С. 736-741.

240. Фризен, П.Д., Суверов, С.Е. Подходы к пониманию условий освобождения от уголовной ответственности (на основе анализа судебно-следственной практики применения статей 76 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) / П.Д. Фризен, С.Е. Суверов // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2024. — № 1 (41). — С. 157-163.

241. Хакимова, Т.М. Поступление сообщений о преступлениях и их процессуальное оформление на этапе начала уголовного судопроизводства / Т.М. Хакимова // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2025. — № 4 (50). — С. 145-152.

242. Харашкин, К.А. Ходатайство как основное процессуальное средство защиты по уголовному делу: проблемы правоприменения / К.А. Харашкин // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. — 2025. — № 3 (49). — С. 85-96.

243. Хлебницына, Е.А., Чугунов, А.А. «Основание» и «условие» освобождения от уголовной ответственности: соотношение понятий (на примере ст. 76.2 УК РФ) / Е.А. Хлебницына, А.А. Чугунов // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 8. — С. 166-170.

244. Чернова, М.В. Проблемы правового регулирования деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности / М.В. Чернова // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. — 2019. — С. 166-168.

245. Чупрова, О.Н. Социальные основания освобождения от уголовной ответственности в отечественном и зарубежном уголовном праве / О.Н. Чупрова // Юристъ-Правоведъ. — 2014. — № 2 (63). — С. 89-93.

246. Шеслер, А.В., Шеслер, С.С. Уголовно-правовая оценка общественной опасности лица, совершившего преступление / А.В. Шеслер, С.С. Шеслер // Уголовная юстиция. — 2025. — № 25. — С. 21-25.

247. Яни, П.С. Освобождение от ответственности за подготовку к теракту / П.С. Яни // Российская юстиция. — 2012. — № 2. — С. 26-30.

Диссертации и авторефераты диссертаций

248. Андреев, С. П. Обеспечение принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Андреев Семен Петрович. — СПб, 2022. — 24 с.

249. Антонов, А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук : 12.00.08 / Антонов Антон Геннадьевич. — Рязань, 2013. — 44 с.

250. Апостолова, Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Апостолова Наталья Николаевна. — М., 2010. — 63 с.

251. Балафендиев, А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Балафендиев Арсен Мирзебегович. — Казань, 2016. — 33 с.

252. Барабаш, А.С. Прекращение уголовных дел в стадии предварительного расследования в связи с применением мер административного взыскания : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Барабаш Анатолий Сергеевич. — Ленинград, 1982. — 229 с.

253. Валиев, Р. Г. Дискреционная практика правового регулирования: теоретико-правовая концепция : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 5.1.1 / Валиев Рафаиль Газизуллович. — Казань, 2023. — 61 с.

254. Владимирова, О.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Владимирова Оксана Алексеевна. — Самара, 2015. — 22 с.

255. Власенко, В.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Власенко Владислав Владимирович. — М., 2014. — 22 с.

256. Дуюнов, В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Дуюнов Владимир Кузьмич. — М., 2001. — 49 с.

257. Иногамова-Хегай, Л.В. Конкуренция норм уголовного права : дис. … д-ра юрид наук : 12.00.08 / Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна. — М., 1999. — 333 с.

258. Калинина, Т.А. Формы и виды единого преступления и отграничение их от множественности преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Калинина Татьяна Алексеевна. — М., 2005. — 24 с.

259. Карпов, К.Н. Социальный контроль в системе уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Карпов Кирилл Николаевич. — Омск, 2026. — 39 с.

260. Келина, С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук : 12.00.08 / Келина Софья Григорьевна. — М., 1975. — 29 с.

261. Князьков, А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ): вопросы дифференциации и законодательной техники : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук : 12.00.08 / Князьков Александр Александрович. — Саратов, 2015. — 25 с.

262. Кузнецов, А.В. Общие и специальные основания освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кузнецоы Александр Васильевич. — Владивосток, 2017. — 29 с.

263. Курилов, С.И. Поощрительные нормы Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, направленные на предупреждение преступлений : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Курилов Сергей Иванович. — М., 2020. — 248 с.

264. Кучеров, Г. Н. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Кучеров Григорий Николаевич. — М., 2023. — 31 с.

265. Кучеров, Г.Н. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / Кучеров Григорий Николаевич. — М., 2023. — 254 с.

266. Луценко, Н.С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Луценко Надежда Сергеевна. — Красноярск, 2020. — 26 с.

267. Магомедов, Г.Б. Преступления небольшой и средней тяжести: освобождение от уголовной ответственности и наказания : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Магомедов Гусейн Багавдинович. — М., 2015. — 22 с.

268. Михайлов, Д.О. Судебный штраф в уголовном праве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Михайлов Дмитрий Олегович. — М., 2021. — 246 с.

269. Мурашова, А.В. Дифференциация штрафа в уголовном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Мурашева Алина Вячеславовна. — М., 2022. — 26 с.

270. Несвит, В.В. Процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Несвит Виктория Викторовна. — М., 2002. — 30 с.

271. Новиков, В.А. Освобождение от уголовной ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Новиков Виталий Александрович. — Краснодар, 2003. — 22 с.

272. Олейник, В.В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Олейник Виталий Васильевич. — Хабаровск, 2020. — 228 с.

273. Подройкина, И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Подройкина Инна Андреевна. — Омск, 2017. — 43 с.

274. Полуэктов, А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретические и прикладные аспекты : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Полуэктов Андрей Георгиевич. — М., 2018. — 210 с.

275. Русман, Г.С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства : дис. … д-ра. юрид. наук : 5.1.4 / Русман Галина Сергеевна. — Челябинск, 2023. — 564 с.

276. Сверчков, В.В. Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук : 12.00.08 / Сверчков Владимир Викторович. — Нижний Новгород, 2008. — 60 с.

277. Сенина, Е.Н. Медиативно-восстановительный подход в российском уголовном праве : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / Сенина Елена Николаевна. — М., 2023. — 233 с.

278. Соловьев, А.Г. Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 /Соловьев Александр Георгиевич. — СПб, 2023. — 23 с.

279. Солонина, С.Ю. Дискреционные основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Солонина Светлана Юрьевна. — Волгоград, 2016. — 22 с.

280. Стадник, М.А. Деятельное раскаяние как институт освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Стадник Мария Андреевна. — СПб, 2017. — 32 с.

281. Суверов, С.Е. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Северов Сергей Евгеньевич. — Омск, 2022. — 23 с.

282. Тарасов, В.Ю. Применение специальных видов освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности : дисс. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / Тарасов Владимир Юрьевич. — Ульяновск, 2023. — 208 с.

283. Тарханов, И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве: Вопросы теории, нормотворчества и правоприменения : дис. … д-ра. юрид. наук : 12.00.08 / Тарханов Ильдар Абдулхакович. — М., 2002. — 458 с.

284. Хачатрян, А.К. Освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Хачатрян Артур Камович. — М., 2015. — 22 с.

285. Хлебницына, Е.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Хлебницына Елена Александровна. — М., 2019. — 26 с.

286. Ценёва, В.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ценева Вера Викторовна. — Кемерово, 2002. — 228 с.

Электронные источники информации

287. Все разъяснения Верховного суда станут обязательными – проект // Уголовный процесс. — https://www.ugpr.ru/news/9867-vse-razyasneniya-verhovnogo-suda-stanut-obyazatelnymi-proekt.

288. Информационно-правовой портал Гарант.ру. — https://www.garant.ru.

289. Официальный сайт государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие». — Режим доступа: https://sudrf.ru.

290. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. — Режим доступа: https://cdep.ru.

291. Справочно-правовая система КонсультантПлюс. — https://www.consultant.ru.

292. Судебные и нормативные акты РФ. — https://sudact.ru.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.
ТАБЛИЦЫ И РИСУНКИ

Рисунок 1

Соотношение применения нереабилитирующих видов освобождения от уголовной ответственности в 1 полугодии 2025 года

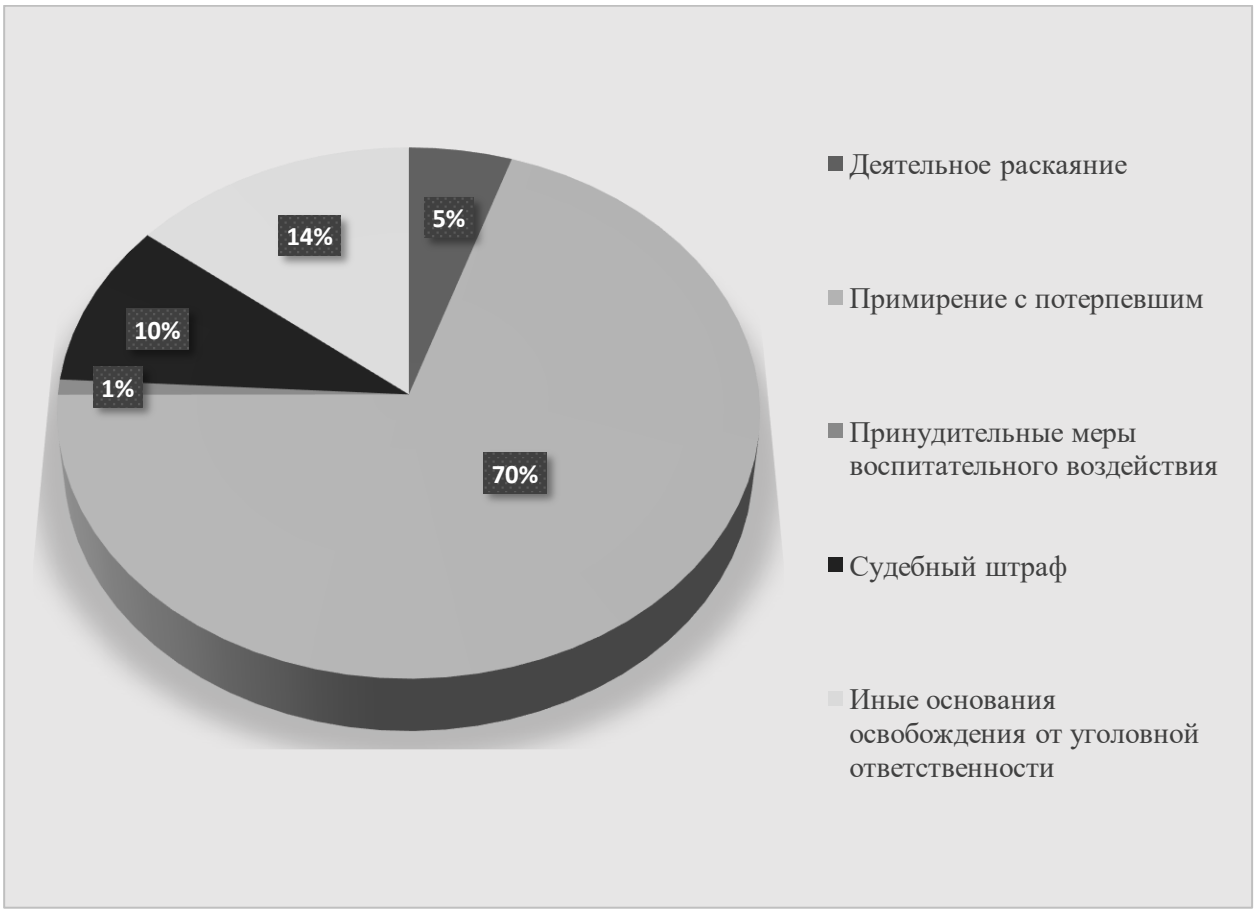

Рисунок 2

Динамика показателей применения видов дискреционного освобождения от уголовной ответственности за 2020-2024 года

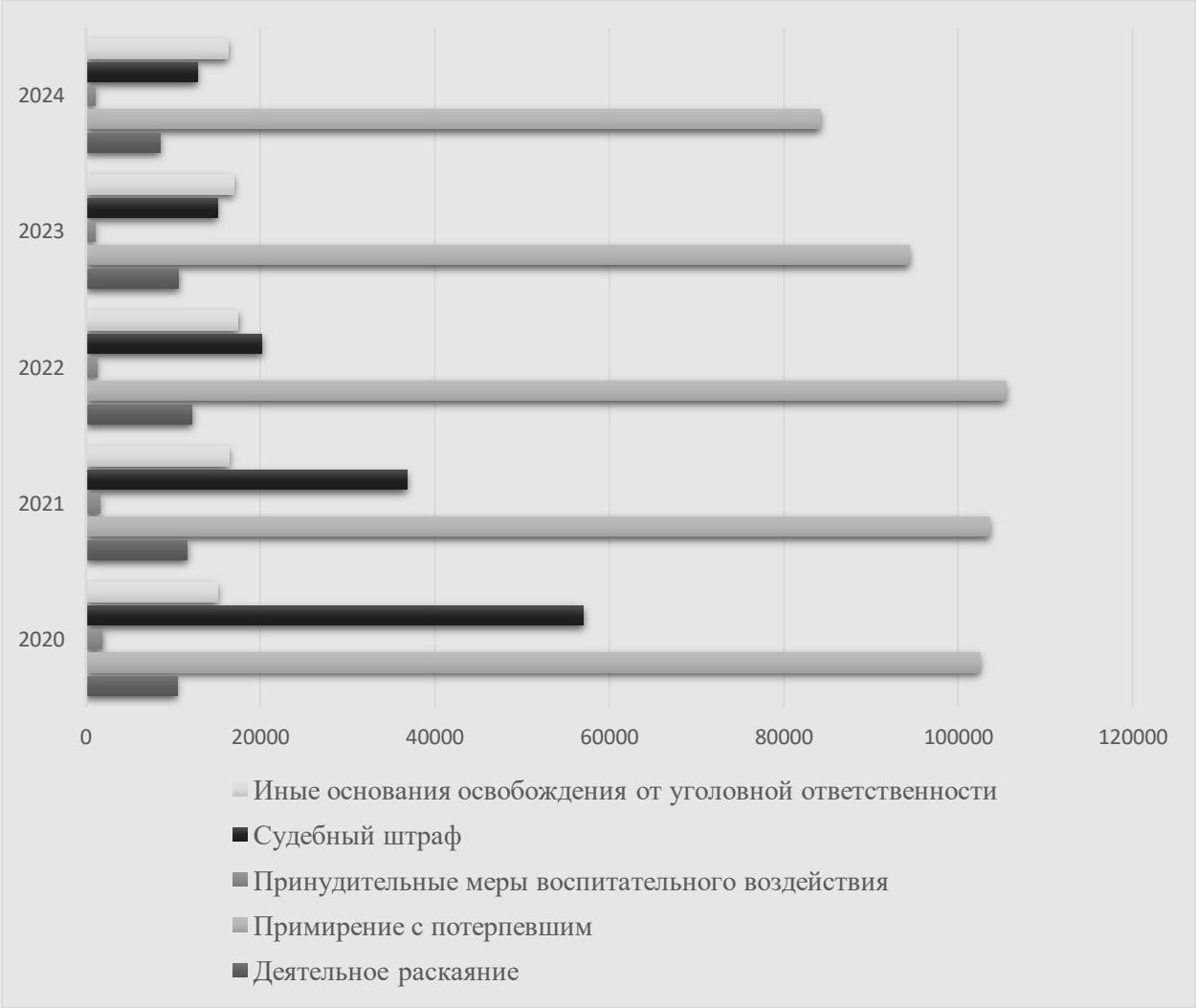

Таблица 1

Система нереабилитирующих видов освобождения от уголовной ответственности

Дискреционные виды	**Императивные виды**
Общие виды	
Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ)	Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76^1 УК РФ)
Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ)	Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ч. 1-3 ст. 78 УК РФ)
Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ)	Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 78^1 УК РФ)
Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности по преступлениям, наказуемым смертной казнью и пожизненным лишением свободы (ч. 4 ст. 78 УК РФ)	
Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ)	
Специальные виды	
Виды, предусмотренные примечаниями к ст. 110^2, 126, 127^1, 173^1, 178, 184, 187, 195, 200^1, 200^5, 200^7, 201^2, 204, 204^1, 204^2, 205, 205^1, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 210, 212, 222, 222^1, 222^2, 223, 223^1, 228, 228^3, 275, 275^1, 281^1, 281^2, 281^3, 282^1, 282^2, 282^3, 284^1, 285^5, 291, 291^1, 291^2, 307, 322^2, 322^3, 330^3, 337, 338, 352^1 УК РФ	Виды, предусмотренные примечаниями к ст. 122, 145.1, 157, 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 200^3 УК РФ

Таблица 2

Специальные примечания к статьям Особенной части УК РФ, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности: количественная динамика и распределение по категориям преступлений

Статьи, снабженные специальными примечаниями в Уголовном кодексе РФ на момент принятия	**Статьи, снабженные специальными примечаниями в Уголовном кодексе РФ в редакции от 26.07.2026 г.**
Статьи 126, 204, 205, 206, 208, 222, 223, 228, 275, 291, 307, 337, 338 УК РФ	Статьи 110^{2}, 122, 126, 127^{1}, 145^{1}, 157, 173^{1}, 178, 184, 187, 195, 198, 199, 199^{1}, 199^{3}, 199^{4}, 200^{1}, 200^{3}, 200^{5}, 200^{7}, 201^{2}, 204, 204^{1}, 204^{2}, 205, 205^{1}, 205^{3}, 205^{4}, 205^{5}, 206, 208, 210, 212, 222, 222^{1}, 222^{2}, 223, 223^{1}, 228, 228^{3}, 275, 275^{1}, 281^{1}, 281^{2}, 281^{3}, 282^{1}, 282^{2}, 282^{3}, 284^{1}, 285^{5}, 291, 291^{1}, 291^{2}, 307, 322^{2}, 322^{3}, 330^{3}, 337, 338, 352^{1} УК РФ
Среди них: Статьи и части статей о преступлениях небольшой и средней тяжести, в отношении которых применим специальный вид освобождения	
Статья 204, ч. 2 ст. 208, ч. 1,4 ст. 222, ч. 1, 4 ст. 223, ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 291, ст. 307 и 337 УК РФ	Статья 122, ч. 1 ст. 126, ст. 145^{1}, 157, 173^{1}, ч. 1, 2 ст. 178, ч. 1, 5 ст. 184, ст. 187, 195, 198, 199, 199^{1}, 199^{3}, 199^{4}, 200^{1}, 200^{3}, ч. 1 ст. 200^{5}, ч. 1, 2 ст. 200^{7}, ч. 1, 2 ст. 204, ч. 1, 2, 4 ст. 204^{1}, ст. 204^{2}, ч. 7 ст. 222, ч. 4 ст. 223, ч. 1 ст. 228, ст. 228^{3}, ч. 1, 2 ст. 284^{1}, ч. 1, 2 ст. 291, ч. 1 ст. 291^{1}, ст. 291^{2}, 307, 322^{2}, 322^{3}, 330^{3} и 337 УК РФ
Статьи и части статей о тяжких и особо тяжких преступлениях, в отношении которых применим специальный вид освобождения	
Статьи 126, 205, 206, ч. 1 ст. 208, ч. 2, 3 ст. 222, ч. 2, 3 ст. 223, ч. 2, 3, 4, 5 ст. 228, ст. 275, ч. 2 ст. 291, ст. 338 УК РФ	Статья 110^{2}, ч. 2,3 ст. 126, ст. 127^{1}, ч. 3, 4 ст. 178, ч. 2 ст. 184, ч. 2, 3 ст. 200^{5}, ч. 3, 4 ст. 200^{7}, ст. 201^{2}, ч. 3, 4 ст. 204, ч. 3 ст. 204^{1}, ст. 205, 205^{1}, 205^{3}, 205^{4}, 205^{5}, 206, 208, 210, 212, ч. 2, 3, 4, 5, 6 ст. 222, ст. 222^{1}, 222^{2}, ч. 1, 2, 3 ст. 223, ст. 223^{1}, ч. 2, 3 ст. 228, ст. 275, 275^{1}, 281^{1}, 281^{2}, 281^{3}, 282^{1}, 282^{2}, 282^{3}, ч. 3 ст. 284^{1}, ст. 285^{5}, ч. 3, 4, 5 ст. 291, ч. 2, 3, 4, 5 ст. 291^{1}, ст. 338 и 352^{1} УК РФ

Приложение 2.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

Сотрудников правоохранительных органов, судей, научных и научно-педагогических работников

(в опросе участвовало 210 респондентов)

№ / отв.	Содержание вопроса	Кол-во	%
1	**Как Вы оцениваете соотношение норм, предусмотренных ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ, с учетом схожести формальных условий их применения?**		
а	Данные нормы являются конкурирующими и фактически взаимозаменяемыми;	46	21,9
б	Несмотря на формальное сходство, они имеют различную правовую природу и не должны подменять друг друга;	102	48,6
в	Взаимозаменяемость возможна лишь в отдельных, исключительных случаях;	30	14,3
г	Затрудняюсь ответить;	23	11
д	Иное.	9	4,2

2	**Существует ли, по Вашему мнению, необходимость в нормативном закреплении правил выбора между ст. 75, 76 и 76^2 УК РФ при наличии оснований для применения нескольких из них?**		
а	Да, необходимы четкие критерии в Уголовном кодексе РФ;	72	34,3
б	Да, но достаточно разъяснений на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ;	66	31,4
в	Нет, существующие правовые ориентиры и судейское усмотрение достаточны;	48	22,9
г	Затрудняюсь ответить;	18	8,6
д	Иное.	6	2,8

3	**Как бы Вы определили правовую природу освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ)?**		
а	Как самостоятельный механизм дискреционного освобождения от уголовной ответственности;	75	35,7
б	Как иную меру уголовно-правового характера, лишь формально связанную с освобождением от уголовной ответственности;	22	10,5
в	Как гибридный (двойственный) институт, сочетающий признаки освобождения от уголовной ответственности и иной меры уголовно-правового характера;	105	50
г	Затрудняюсь ответить;	0	0
д	Иное.	8	3,8

4	**Можно ли считать судебный штраф (ст. 76^2 УК РФ) промежуточной формой реагирования государства, занимающей место между полным освобождением от ответственности и уголовным наказанием?**		
а	Да, это, по сути, новая форма уголовно-правового воздействия, не являющаяся ни ответственностью, ни ее отсутствием;	84	40
б	Нет, это лишь специфический вид освобождения от уголовной ответственности;	36	17,2
в	Нет, по своим последствиям это ближе к иным мерам уголовно-правового характера;	82	39
г	Затрудняюсь ответить;	0	0
д	Иное.	8	3,8

5	**Какой из перечисленных факторов, на Ваш взгляд, должен иметь приоритетное значение при решении вопроса о применении ст. 76^2 УК РФ?**		
а	Реальное возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного вреда;	54	25,7
б	Совокупная оценка личности виновного, характера деяния и посткриминального поведения;	78	37,1
в	Достижение целей восстановительного правосудия и снижения общественной опасности личности;	63	30
г	Затрудняюсь ответить;	9	4,3
д	Иное.	6	2,9

6	**Может ли тяжесть последствий влиять на выбор основания освобождения от уголовной ответственности?**		
а	Да, тяжесть последствий является одним из ключевых критериев такого выбора;	66	31,4
б	Да, но только в совокупности с характеристикой личности виновного и его посткриминальным поведением;	78	37,1
в	Нет, тяжесть последствий уже учтена законодателем в конструкции состава преступления и не требует дополнительной оценки;	51	24,3
г	Затрудняюсь ответить;	9	4,3
д	Иное.	6	2,9

7	**Как Вы оцениваете допустимость применения судебного штрафа по делам, связанным с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности при формальном соблюдении условий, предусмотренных ст. 76^2 УК РФ?**		
а	Допустимо при согласии потерпевшего (родственников) и признании судом заглаживания вреда достаточным;	80	38
б	Допустимо только в случае причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности, но не в случае причинения смерти по неосторожности;	19	9,3
в	Недопустимо, ввиду высокой общественной опасности деяний с указанными последствиями;	86	41

г	Затрудняюсь ответить;	15	7
д	Иное.	10	4,7

8	**Должен ли влиять на выбор между освобождением по правилам ст.ст. 75, 76 УК РФ, освобождением в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ) и привлечением к уголовной ответственности объект преступного посягательства?**		
а	Должен иметь определяющее значение, поскольку именно объект отражает характер нарушения охраняемых отношений;	66	31,4
б	Должен учитываться наряду с иными обстоятельствами, но не как решающий фактор;	99	47,2
в	Не должен иметь самостоятельного значения, если формальные условия применения нормы соблюдены;	24	11,4
г	Затрудняюсь ответить;	15	7,1
д	Иное.	6	2,9

9	**Как, по Вашему мнению, следует понимать признак «впервые совершившее преступление» при освобождении от уголовной ответственности по ст.ст. 75, 76, 76^2 УК РФ?**		
а	Только по критериям, определенным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»;	123	58,6
б	Исходя из фактических обстоятельств, а не только из формально-юридических признаков;	60	28,6
в	Затрудняюсь ответить;	18	8,6
г	Иное.	9	4,2

10	**Считаете ли Вы целесообразным освобождение от уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией?**		
а	Да, целесообразно на общих основаниях, предусмотренных уголовным законодательством;	90	42,9
б	Да, но только в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ); применение положений ст. 75 и 76 УК РФ к таким преступлениям представляется противоречащим принципу межотраслевой соразмерности;	66	31,4
в	Нет, освобождение от уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией нецелесообразно;	39	18,6
г	Затрудняюсь ответить;	15	7,1
д	Иное.	0	0

11	**Как, по Вашему мнению, должна учитываться совокупность преступлений при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности по общим основаниям?**

а	Совокупность преступлений не должна влиять на выбор основания освобождения от уголовной ответственности;	84	40
б	При наличии совокупности преступлений допустимо только освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ);	60	28,6
в	Наличие совокупности преступлений должно исключать освобождение от уголовной ответственности;	30	14,3
г	Затрудняюсь ответить;	27	12,9
д	Иное.	9	4,2

12	**Как Вы оцениваете расширение числа специальных примечаний к статьям Особенной части УК РФ об освобождении от уголовной ответственности за совершение конкретного преступления?**		
а	Положительно, это направлено на гуманизацию уголовного права;	33	15,7
б	В целом положительно, однако это требует системной ревизии на предмет соответствия общим видам освобождения от уголовной ответственности;	102	48,6
в	Отрицательно, расширение числа таких примечаний носит избыточный характер и приводит к размыванию границ освобождения от уголовной ответственности;	60	28,6
г	Затрудняюсь ответить;	15	7,1
д	Иное.	0	0

13	**Возникают ли у Вас трудности при выборе между общими и специальными основаниями освобождения от уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести, если они близки по содержанию?**		
а	Да, часто;	10	4,7
б	Да, в отдельных случаях;	68	32,6
в	Нет, как правило, не возникают;	78	37,2
г	Затрудняюсь ответить;	54	25,5
д	Иное.	0	0

14	**Целесообразно ли, по Вашему мнению, закреплять в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ специальные основания освобождения от уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести?**		
а	Нет, поскольку для этого достаточно положений Общей части УК РФ;	72	34,3
б	Да, но только если такие основания содержат дополнительные условия, не предусмотренные Общей частью УК РФ;	90	42,9
в	Да, в том числе если они повторяют положения Общей части УК РФ, но предусматривают обязательность освобождения при наличии установленных условий;	39	18,6
г	Затрудняюсь ответить;	9	4,2
д	Иное.	0	0

15	**Следует ли закрепить в Общей части УК РФ добровольную сдачу предмета преступления как самостоятельное общее основание освобождения от уголовной ответственности?**		
а	Да, это позволило бы сократить число специальных примечаний и сделать регулирование более единообразным;	42	20
б	Да, но только применительно к отдельным категориям преступлений, связанным с незаконным оборотом запрещенных или ограниченных в обороте предметов;	45	21,4
в	Нет, такие случаи должны и дальше регулироваться только специальными примечаниями к статьям Особенной части УК РФ;	102	48,6
г	Затрудняюсь ответить;	21	10
д	Иное.	0	0

Приложение 3.

ПРОЕКТ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»

В связи с изменением законодательства, устанавливающего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет внести в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» следующие изменения:

1) дополнить пунктом 1.1 следующего содержания:

«1.1. По делам о преступлениях с административной преюдицией судам следует учитывать, что предшествующее привлечение лица к административной ответственности за аналогичное деяние свидетельствует о недостаточности ранее примененных мер государственного принуждения. В связи с этим при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76 и 76^2 УК РФ, приоритет следует отдавать освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.»;

2) дополнить пунктом 1.2 следующего содержания:

«1.2. При рассмотрении уголовных дел о преступлениях, в результате совершения которых по неосторожности причинена смерть человеку,

освобождение от уголовной ответственности на основании статей 75, 76 и 76^2 УК РФ не применяется.

По уголовным делам о преступлениях, в результате совершения которых по неосторожности причинен тяжкий вред здоровью человека, при наличии предусмотренных законом условий приоритет отдается освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, предусмотренному статьей 76^2 УК РФ.»;

3) пункт 2 изложить в следующей редакции:

«Для целей применения статей 75 и 76 УК РФ впервые совершившим преступление следует считать лицо, не привлекавшееся и не освобождавшееся от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Для целей применения статей 76^1 и 76^2 УК РФ впервые совершившим преступление, помимо указанного в абзаце первом настоящего пункта, следует также считать лицо:

а) совершившее несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

г) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности.»;

4) пункт 7 изложить в следующей редакции:

«Освобождение от уголовной ответственности за преступление небольшой или средней тяжести в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской

Федерации, производится по правилам, установленным такими примечаниями. При этом выполнения общих условий, предусмотренных частью 1 статьи 75 УК РФ, не требуется.

Невозможность применения примечания к уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 145^1, частями 1 и 2 статьи 178, частями 1 и 5 статьи 184, статьями 187, 195, 200^1, 200^3, частью 1 статьи 200^5, частями 1 и 2 статьи 200^7, частями 1 и 2 статьи 204, частями 1, 2 и 4 статьи 204^1, статьей 204^2, частью 7 статьи 222, частью 4 статьи 223, частью 1 статьи 228, статьей 228^3, частями 1 и 2 статьи 284^1, частями 1 и 2 статьи 291, частью 1 статьи 291^1, статьями 291^2, 307, 322^2, 322^3 и 330^3 УК РФ, исключает освобождение от уголовной ответственности по части 1 статьи 75 и статье 76 УК РФ. Освобождение от уголовной ответственности в таких случаях возможно по статье 76^2 УК РФ при наличии предусмотренных ею условий.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 122, частью 1 статьи 126, статьями 157, 173.1 и 337 УК РФ, невозможность применения примечания не исключает освобождение от уголовной ответственности по части 1 статьи 75 и статье 76 УК РФ, если лицом выполнены условия, установленные соответствующей нормой.»;

5) пункт 23 дополнить абзацем вторым следующего содержания:

«При наличии нескольких нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования согласие лица на применение любого из них не исключает обязанности суда мотивировать выбор конкретного основания, исходя из характера и степени общественной опасности деяния, данных о личности виновного и его поведения после совершения преступления.».

Председатель Верховного Суда Российской Федерации
И.В. Краснов

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
О.К. Зателепин